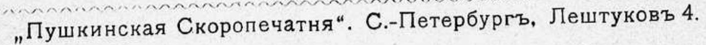
Х. А. Вермишевъ.

МАТЕРІАЛЫ для исторіи грузино-армянскихъ отношеній.

Отвѣтъ на книжку кн. И. Г. Чавчавадзе: Армянскіе ученые и „вопіющіе камни".

С.-ПЕТЕРБУГЪ.
„Пушкинская Скоропечатня", Лештуковъ, 4.
1904.

„Пушкинская Скоропечатня". С.-Петербургъ, Лештуковъ 4.

ВВЕДЕНІЕ.

Грузинскій поэтъ, публицистъ и общественный дѣятель кн. И. Г. Чавчавадзе написалъ цѣлую книгу объ армянскихъ ученыхъ, подъ заглавіемъ: „Армянскіе ученые и вопіющіе камни". Сочиненіе это появлялось по частямъ фельетонами въ грузинской газетѣ „Иверія", а затѣмъ издано въ русскомъ переводѣ г. Алексѣевымъ-Месхіевымъ.

Въ этой книгѣ собрано все то, что можетъ служить доказательствомъ преслѣдованія армянскими учеными одной разъ навсегда опредѣленной цѣли — унизить грузинъ и ихъ исторію въ глазахъ всего цивилизованнаго міра и за счетъ этого униженія возвысить армянъ и армянскую исторію въ мнѣніи того же міра, при чемъ для достиженія этой цѣли „армянскіе ученые" (философы, книжники, либералы, грамотеи—по перечисленію кн. Чавчавадзе) не брезгаютъ никакими средствами, включая сюда завѣдомую ложь, надувательство, фальсификацію, поддѣлку, воровство и присваиваніе чужого (т. е. грузинскаго), введеніе и другихъ не армянскихъ писателей въ обманъ и заблужденіе. (Болѣе подробное перечисленіе всего, что приписывается армянскимъ ученымъ *), будетъ приведено въ послѣ-

*) Въ послѣдующемъ изложеніи мы для краткости будемъ обозначать названіемъ „армянскіе ученые" всю ту группу философовъ, грамотеевъ, книжниковъ, либераловъ и пр., которые занимаются, по свидѣтельству кн. Чавчавадзе, этимъ предосудительнымъ дѣломъ.

дующемъ изложеніи). Чтобы выяснить, насколько основательны эти обвиненія, мы сличили тексты сочиненій авторовъ, обвиняемыхъ княземъ Чавчавадзе, съ тѣмъ, что князь имъ приписываетъ. Результаты этого сличенія предлагаемъ на судъ читателей.

Въ самомъ же началѣ своей брошюры кн. Чавчавадзе заявляетъ, что „продѣлки армянскихъ ученыхъ, грамотеевъ и ихъ клевретовъ—уже старая пѣсня... вотъ уже цѣлыхъ 60 лѣтъ, какъ одни и тѣ же громы и молніи мечутся, однѣ и тѣ же тенденціи затрогиваютъ нашу самоличность и съ каждымъ днемъ съ большею и большею дерзостью, смѣлостью, нахальствомъ, сдираютъ съ насъ шкуру и грозятъ намъ потопомъ. Въ продолженіи всего этого довольно долгаго періода времени предѣйствуетъ все одинъ и тотъ же завѣтъ,—систематически, неуклонно, твердо, хитро и съ удивительною настойчивостью протянута одна и та же нить, нельзя сказать, чтобы особенно искусно, но съ большимъ лукавствомъ, съ большимъ лицемѣріемъ“ (стр. 12).

Кто же такіе всѣ эти недостойные армянскіе ученые и грамотеи, столь дерзко и нахально „сдирающіе шкуру“ съ грузинъ?

Оказывается, однако, по признанію самого кн. Чавчавадзе, что этотъ шестидесятилѣтній періодъ травли грузинъ „начинается русскимъ писателемъ и русскимъ же писателемъ заканчивается“ (12). Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы находимъ слѣдующій перечень этихъ „армянскихъ ученыхъ и ихъ клевретовъ“: проф. О. И. Сенковскій, проф. Эминъ, А. Д. Эрицевъ, Худабашевъ, проф. Марръ, корреспондентъ французской газеты „Temps“, Кутулъ, архимандритъ Месропъ Сумбатянцъ, проф. Паткановъ, В. Гольмстремъ, Эзовъ и генр. Кишмишевъ, всего одинцать человѣкъ—на протяженіи 60 лѣтъ. Если исключить изъ этого списка не армянскихъ ученыхъ и пи-

сателей, надо думать, считаемыхъ кн. Чавчавадзе „клевретами“ армянъ, т. е. проф. Сенковскаго, В. Гольмстрема, Кутула и проф. Марра, то собственнно армянскихъ ученыхъ, грамотеевъ, книжниковъ останется всего 7 человѣкъ, а именно, какъ было указано выше: проф. Эминъ, А. Д. Эрицевъ, проф. Паткановъ, Худабашевъ, Г. А. Эзовъ, архимандритъ Месропъ и генр. Кишмишевъ. Такимъ образомъ, всего на всего 7 человѣкъ дѣйствительно „армянскихъ ученыхъ“ могутъ быть, по справедливости, привлечены къ отвѣтственности въ качествѣ „подсудимыхъ“ по жалобѣ кн. Чавчавадзе за оскорбленіе грузинской націи. Остальные, какъ совсѣмъ не армянскіе ученые, хотя могли бы быть и вовсе исключены изъ „обвинительнаго акта“—но разъ для полноты картины преслѣдованія грузинъ „армянскими учеными“ кн. Чавчавадзе включилъ и этихъ русскихъ ученыхъ и корреспондента французской газеты въ число „обвиняемыхъ“, то и намъ волей-неволей пришлось заняться выясненіемъ и ихъ роли въ осуществленіи этого „строго задуманнаго и хитро и настойчиво проводимаго завѣта,— „содрать шкуру“ съ грузинъ, о которомъ говоритъ кн. Чавчавадзе.

Свой обвинительный актъ кн. Чавчавадзе начинаетъ съ проф. Сенковскаго. Начнемъ и мы съ него.

1. Взглядъ Сенковскаго на Историческую Грузію.

„Русскій писатель Сенковскій, пишетъ кн. Чавчавадзе, извѣстный подъ псевдонимомъ барона Бромбеуса, еще въ 1838 г. писалъ: „до Вахтанга VI грузины не имѣли лѣтописи, сами грузины даже не существовали до XII ст. послѣ Р. Хр., подъ именемъ иверовъ извѣстны были разныя горскія племена; вся страна за р.

Курою, гдѣ въ настоящее время Тифлисъ и большая часть Грузіи испоконъ вѣка принадлежала армянамъ и здѣсь обитали армяне, мидяне, массагеты, или турки, и нѣсколько колѣнъ албанцевъ".

„Кому приписать составленіе такой ложной исторіи и географіи", восклицаетъ по этому поводу кн. Чавчавадзе. „Нѣтъ сомнѣнія, что она писана Сенковскимъ", продолжаетъ онъ далѣе, „но неужели можно сомнѣваться, что Сенковскій не былъ кѣмъ-то введенъ въ заблужденіе и что онъ, какъ эхо, повторялъ слышанное? Вѣдь ясно, что подобной лжи онъ нигдѣ не могъ вычитать, такъ какъ на всемъ земномъ шарѣ нѣтъ лѣтописей, въ которыхъ можно было бы найти указаніе въ этомъ смыслѣ, и лжи этой даже въ преданіяхъ онъ не нашелъ бы. Кому нужно было распространить по міру вѣсть, что грузины до XII в. даже не существовали, что въ Грузіи не было грузинъ и что здѣсь обитали армяне и другія народности, или что большая часть Грузіи, вмѣстѣ съ Тифлисомъ, испоконъ вѣка принадлежала армянамъ. Ложь, и притомъ такая нежданно-негаданная, безъ задней мысли и безъ разсчета не появляется" (13).

Чтобы понять, почему именно этотъ взглядъ кажется кн. Чавчавадзе столь обиднымъ, надо привести еще небольшую выдержку, изъ которой видно, какое своеобразное толкованіе кн. Чавчавадзе даетъ этимъ мыслямъ Сенковскаго. Изъ этой выдержки читатель легко усмотритъ, что князь Чавчавадзе уже приписываетъ Сенковскому не только приведенныя выше слова, но также и то, будто даже во время присоединенія Грузіи къ Россіи нынѣшняя Грузія была не Грузіей, а Арменіей.

„Неужели никто не помнитъ", говоритъ кн. Чавчавадзе, „какая страна присоединилась къ Россіи—Грузія или Арменія, или чьей резиденціею и столицею былъ Тифлисъ? Неужели до слуха его (Сенковскаго) не дошло, чью страну и отъ кого приняла Россія подъ свое покровительство? Если это такъ, кто же и что заставило состряпать такую непостижимую исторію и географію? Ясно, что тутъ дѣйствовали не любовь и страсть къ научному изслѣдованію, ибо тутъ явная ложь, и любящій науку не поддается страсти ко лжи" и т. д. въ томъ же патетическомъ духѣ.

Уже одно сопоставленіе этихъ послѣднихъ строкъ съ цитатой изъ статьи Сенковскаго могло бы убѣдить всякаго, что кн. Чавчавадзе приписываетъ Сенковскому то, чего онъ не писалъ. Сенковскій говоритъ о періодѣ до XII столѣтія, кн. Чавчавадзе приписываетъ ему, будто онъ говоритъ, что и въ XVIII столѣтіи, т. е. спустя шестьсотъ лѣтъ, нынѣшняя Грузія была Арменіей. Но въ пылу своего гнѣва кн. Чавчавадзе не замѣчаетъ этой ошибки и восклицаетъ: „неужели Сенковскій не зналъ, какая страна была присоединена къ Россіи—Грузія или Арменія"? Очевидно, Сенковскій этого не могъ не знать и не могъ говорить всю ту нелѣпость, которую выдумываетъ кн. Чавчавадзе и навязываетъ ему.

Чтобы окончательно устранить всякія сомнѣнія на этотъ счетъ, мы обратимся къ самой статьѣ Сенковскаго: „Нѣкоторыя сомнѣнія касательно исторіи Грузіи", напечатанной въ „Библіотекѣ для чтенія" за 1838 годъ. Тщательная провѣрка текста этой статьи еще болѣе убѣдила насъ, что Сенковскій и не думалъ доказывать, будто присоединенная къ Россіи область была не Грузія, а Арменія. Вся его статья разбираетъ одинъ единственный и при томъ чисто историческій вопросъ: когда грузины пришли въ Тифлисъ и нынѣшнюю Грузію, до XII столѣтія или только съ XII столѣтія?

вопроса о томъ, что было въ этой странѣ послѣ XII столѣтія, т. е. въ теченіе послѣдующихъ 600—700 лѣтъ онъ совершенно не касается, слѣдовательно не касается онъ всей исторіи Грузинскаго Царства съ XII столѣтія вплоть до присоединенія его къ Россіи и не только не отрицаетъ образованія этого Царства въ предѣлахъ нынѣшней Грузіи, но самъ утверждаетъ, что грузины въ XII столѣтіи заняли эту страну, бывшую до того Арменіей, хотя и подвластной другимъ государствамъ.

Вотъ что буквально говоритъ Сенковскій въ упомянутой статьѣ: „Мнѣ кажется, грузиновъ не было въ Грузіи до двѣнадцатаго столѣтія и буду чрезвычайно благодаренъ, если ученый академикъ (М. Броссе) захочетъ разсѣять мои на этотъ счетъ сомнѣнія, которыя я изложу откровенно. Относительно грузинской исторіи нѣтъ никакого стыда не только сомнѣваться, но даже и ошибиться. Кромѣ г. Броссе, никто въ Европѣ не изучалъ ея въ грузинскихъ источникахъ; я знаю ихъ, какъ всѣ знаютъ, только по тѣмъ отрывкамъ, которые были напечатаны, по выпискамъ, какія могъ я достать, и по дурнымъ русскимъ или персидскимъ переводамъ извѣстныхъ мѣстъ, которыя меня болѣе всего занимали. Слѣдственно, я долженъ напередъ просить у ученаго академика прощенія, если по невѣжеству своему или моихъ наставниковъ, скажу что нибудь ужасное противъ величія грузинскихъ лѣтописей. Ему (Броссе) одному принадлежатъ великое право просвѣтить и прекрасное преимущество миловать ошибки несвѣдущихъ въ этомъ дѣлѣ“.

Изъ этой небольшой выдержки ясно видно, съ какою осторожностью высказываетъ Сенковскій свои „сомнѣнія“ касательно прошлаго Грузіи. Ему кажется... онъ заранѣе проситъ прощенія, если по невѣжеству своему скажетъ что нибудь ужасное. Мало того, онъ и не касается

того, гдѣ была Грузія послѣ XII столѣтія. Его интересуетъ лишь вопросъ, были ли грузины въ нынѣшней Грузіи до XII столѣтія?

Полагаю, что изъ этихъ словъ никто не усмотритъ, будто Сенковскій называетъ присоединенную къ Россіи область не Грузіей, а Арменіей. Если же онъ высказываетъ предположеніе, что этою „спорною“ территоріей, до завоеванія ея грузинами въ XII в., владѣли армяне и эта территорія была извѣстна у древнихъ историковъ, какъ Арменія, то и въ этомъ, врядъ ли, можно усмотрѣть что либо оскорбительное, потому же самому, почему ни одинъ благоразумный армянинъ не сочтетъ оскорбительнымъ для своей исторіи фактъ, устанавливаемый нѣкоторыми ассиріологами, что нынѣшняя Арменія была страной древняго народа — урартійцевъ.

Обиднымъ могутъ показаться эти слова Сенковскаго только въ томъ случаѣ, если бъ оказалось, что онъ сознательно ложно и безъ всякихъ основаній отвергаетъ существованіе Грузіи въ нынѣшнихъ ея предѣлахъ до XII столѣтія. Въ дѣйствительности же этого совсѣмъ не было. Сенковскій высказывая свои „сомнѣнія“, что древняя Иберія была въ предѣлахъ Кутаисской губерніи, Осетіи и южнаго Дагестана до Дербента, а что въ предѣлахъ нынѣшней Грузіи, т. е. части Карталиніи и Сохметіи, была Арменія, ссылается на Страбона, Плинія, Плутарха, Діонисія, Птоломея, Тацита и позднѣйшихъ классическихъ писателей и, наконецъ, на арабскаго—Якута. Такимъ образомъ, вотъ гдѣ, оказывается, вычиталъ Сенковскій свои „сомнѣнія“ и притомъ не у армянскихъ, а у древнихъ греческихъ, римскихъ и арабскихъ историковъ, которыхъ, конечно, даже кн. Чавчавадзе не заподозритъ въ желаніи умалить историческое значеніе грузинъ въ интересахъ возвеличенія армянъ.

Думаю, каждый безпристрастный читатель долженъ согласиться, что всѣ эти обвиненія Сенковскаго во лжи и въ стряпаніи непостижимой исторіи, какъ совершенно неосновательныя, должны быть съ него сняты.

Не могу не замѣтить, что память Сенковскаго давно нуждается въ реабилитаціи, по крайней мѣрѣ, съ этой стороны. Среди грузинскихъ писателей и историковъ ему особенно не посчастливилось. Еще до кн. Чавчавадзе, А. Цагарели и Д. Бакрадзе также были огорчены этими „сомнѣніями“ Сенковскаго и хотя къ нему эти ученые отнеслись гораздо спокойнѣе и терпимѣе, но и они не задали себѣ труда познакомить своихъ читателей съ истиннымъ характеромъ и основаніями этихъ „сомнѣній“ Сенковскаго. Отъ этого на Сенковскаго среди грузинъ, въ особенности послѣ статей кн. Чавчавадзе объ „Армянскихъ ученыхъ“, долженъ былъ установиться крайне враждебный взглядъ, при чемъ ему приписывается тенденціозное искаженіе исторіи Грузіи въ угоду грузинофобству армянъ. И это говорится объ ученомъ оріенталистѣ, профессорѣ С.-Петербургскаго университета, полякѣ по рожденію, ученикѣ не какого нибудь армянскаго ученаго, а извѣстнѣйшихъ польскихъ—историка Лелеваля и лингвиста Гродека; о человѣкѣ, которому при всѣхъ его недостаткахъ, какъ журналиста и критика, никто не могъ отказать въ обширныхъ познаніяхъ, въ особенности въ области востоковѣдѣнія, и о которомъ самъ M. Brosset отзывается, какъ о журналистѣ „distingué dont le nom, justement célèbre en Russie, est destiné à occuper un rang éminent parmi les orientalistes *). Ни одинъ изъ его нынѣшнихъ хулителей не хотѣлъ считаться съ тѣмъ, что Сенковскій писалъ въ то время, когда грузинская исторіографія только лишь дѣлала первые шаги, когда грузинскія лѣтописи еще не были изданы академикомъ Броссе, когда, слѣдовательно, былъ полный просторъ для всякихъ догадокъ, предположеній и сомнѣній.

*) См. „Revue des antiquités georgiennes“, M. Brosset, Bulletin scient. № 3 (т. V, 1839. Спб.).

Къ чести Броссе и Д. Бакрадзе слѣдуетъ, однако, замѣтить, что ни одинъ изъ нихъ не позволилъ себѣ по адресу Сенковскаго какой либо злобной выходки во вкусѣ кн. Чавчавадзе. Броссе подвергъ тщательному критическому анализу содержаніе статьи Сенковскаго и, держась исключительно научной почвы, объективными доводами разсѣивалъ всѣ сомнѣнія Сенковскаго. Д. Бакрадзе, въ свою очередь, приведя взгляды Жана и Вивьена де Сенъ-Мартенъ и Дюбуа де-Монпере относительно значенія грузинскихъ лѣтописей, взглядъ, не согласный съ мнѣніемъ Сенковскаго, замѣчаетъ:

„Взглядъ этихъ ученыхъ долженъ былъ казаться предположеніемъ, болѣе или менѣе сомнительнымъ, такъ какъ при нихъ много матеріаловъ, на которыхъ можно было основать истинную оцѣнку грузинскихъ хроникъ, лежало еще подъ спудомъ. Положительный взглядъ на этотъ предметъ могъ установиться именно не ранѣе ихъ опубликованія, чѣмъ мы обязаны академику Броссе. Въ настоящее время мы имѣемъ значительный запасъ данныхъ и они, разъясняя исторію грузинскихъ хроникъ, и опредѣляя ихъ дѣйствительный характеръ, вполнѣ устраняютъ взглядъ, въ родѣ того, который былъ высказанъ Сенковскимъ“ *).

Строки эти написаны были въ 1873 году, т. е. спустя почти 40 лѣтъ послѣ Сенковскаго. Г. Бакрадзе, очевидно, были вполнѣ понятны ошибки Сенковскаго, писавшаго до изданія академикомъ Броссе „Грузинскихъ лѣтописей“.

*) Бакрадзе Д. „Археологическое путешествіе“, стр. IX.

Если и въ настоящее время многое изъ первыхъ временъ исторіи Грузіи неясно и темно, то что сказать о концѣ тридцатыхъ годовъ прошлаго столѣтія? Вѣдь и Сенковскій не выдавалъ свой взглядъ за нѣчто вполнѣ установленное и непререкаемое. Вѣдь и онъ самъ указываетъ въ началѣ своей статьи на скудость имѣвшихся въ его распоряженіи матеріаловъ, затѣмъ, какъ въ началѣ и въ концѣ статьи онъ самъ заявляетъ, что никакихъ иныхъ цѣлей, кромѣ „открытія истины“, онъ не преслѣдуетъ, и что онъ первый отнесется съ уваженіемъ и „встрѣтитъ съ почестью“ всякія опроверженія высказанныхъ имъ сомнѣній, если ихъ неосновательность будетъ ему доказана „памятниками или, по крайней мѣрѣ, правильнымъ, ученымъ разборомъ источниковъ Вахтанга и Вахуштія“. Какъ ученый оріенталистъ, онъ не могъ не сознавать, какой вредъ можетъ причинить „исторической истинѣ“ принятіе на вѣру всякихъ кавказскихъ сказаній и насколько полезны въ такихъ случаяхъ всякія противорѣчія этимъ сказаніямъ, которыя „показываютъ необходимость тщательнаго разбора и устраненія всего, что позволяетъ смотрѣть на предметъ съ другой точки зрѣнія“. Несмотря на всѣ эти оговорки, несмотря на точнѣйшія ссылки на классическихъ писателей въ доказательство высказываемыхъ мнѣній, Сенковскій подвергся со стороны кн. Чавчавадзе обвиненію въ сочиненіи лживой исторіи и ославленъ на весь міръ, какъ услужливый „клевретъ“ армянъ, повторявшій, какъ эхо, слышанное, способный обратить научный историческій анализъ въ слѣпое орудіе чьихъ то происковъ противъ грузинъ. Если некрасиво клеветать на живыхъ, то еще хуже клеветать на мертвыхъ. Вотъ почему вся окраска, которую придаетъ кн. Чавчавадзе статьѣ Сенковскаго и включеніе его въ разрядъ „армянскихъ ученыхъ фальсификаторовъ“, сознательно

преслѣдующихъ одинъ завѣтъ—„содрать шкуру съ грузинъ“ путемъ воровства и лжи,—является крайне вопіющею несправедливостью. Насъ совершенно не интересуетъ вопросъ, насколько взглядъ Сенковскаго оправдался послѣдующими историческими изысканіями. Какъ было указано выше, въ то время, когда писалъ Сенковскій, ошибки въ этомъ отношеніи должны были быть неизбѣжны и естественны и это сознавалъ и самъ Сенковскій. Для нашихъ цѣлей важно лишь выяснить, какова могла быть скрытая тенденція Сенковскаго и что могло водить его перомъ,—любовь ли къ истинѣ или нѣчто низменное и постыдное. Чтобы судить объ этомъ, мы приводимъ ниже рядъ пространныхъ выдержекъ изъ Сенковскаго, по которымъ читатель самъ сможетъ составить самостоятельное свое мнѣніе относительно совершенной чистоты Сенковскаго въ такихъ анти-научныхъ тенденціяхъ, въ которыхъ его обвиняетъ кн. Чавчавадзе.

Прежде всего, Сенковскій замѣчаетъ, что „грузины выдаютъ себя за народъ очень древній и ученый, академикъ (Броссе), кажется, хочетъ ихъ утвердить еще болѣе въ этомъ честолюбивомъ мнѣніи; за народъ, который въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ онъ теперь обитаетъ, господствовалъ еще до Р. Х., начинаетъ свою исторію почти со временъ Александра Великаго, просвѣтился христіанскимъ ученіемъ еще при Константинѣ Великомъ, былъ уже могуществененъ и даже не чуждъ образованности въ пятомъ и шестомъ столѣтіяхъ и съ тѣхъ поръ до начала нынѣшняго вѣка представляетъ намъ безпримѣрный рядъ своихъ дѣяній, подвиговъ, несчастій, побѣдъ, царей. Мы имѣемъ передъ собой списокъ грузинскихъ государей отъ Фарнабаза до Георгія XIII, т. е. отъ 268 до Р. Х. по 1800 г. послѣ Р. Х., списокъ, въ которомъ находится ни болѣе ни менѣе 98 послѣдовательныхъ царствованій. Одна только ки-

тайская исторія въ состояніи представить нѣчто подобное. Этотъ необыкновенный феноменъ историческій всякаго заставитъ подумать, что литература грузинская должна обладать рядомъ лѣтописей, въ которыхъ имена и дѣянія 98 государей записываемы были людьми всѣхъ вѣковъ. Ничего не бывало отъ Александра Македонскаго до Петра Великаго, они преспокойно жили безъ лѣтописей и только въ прошломъ столѣтіи одинъ изъ ихъ царей, Вахтангъ VI, составилъ для нихъ родъ многорѣчивой хроники, которую довелъ отъ Ноя до начала IV вѣка, а сынъ его, Вахуштъ, сократилъ ее, повторяя впрочемъ, въ точности повѣсть отца, и дополнилъ послѣдующими царствованіями. Отецъ не указываетъ ни на какіе источники и долгое время не выставляетъ чиселъ годовъ; сынъ ссылается на какіе то лѣтописи и документы, которые вмѣстѣ съ нимъ и исчезли, и вездѣ выставляетъ годы. Въ обыкновенномъ порядкѣ суда критическаго одного этого уже уваженія было бы достаточно, чтобы безъ околичностей вдругъ отвергнуть обѣ эти лѣтописи, какъ не заслуживающія ни малѣйшаго довѣрія, тѣмъ болѣе, что онѣ наполнены странными баснями, которыя могли бы сдѣлать честь изобрѣтательности любого миѳолога. Между тѣмъ, эти сказанія принимаются многими за исторію, и мы недавно съ удивленіемъ слышали, между похвалами, произнесенными въ честь грузинской литературы, положительное увѣреніе, что Вахуштъ есть Карамзинъ своего народа“ (стр. 154).

Всѣ эти замѣчанія Сенковскій дѣлаетъ, однако, вскользь и мимоходомъ, ибо его занималъ главнымъ образомъ вопросъ: „были ль грузины въ Грузіи прежде XII столѣтія“. „Для рѣшенія этого вопроса, говоритъ онъ, необходимо коснуться чрезвычайно запутаннаго вопроса о томъ, гдѣ была Иберія, кто были иберы и какое право имѣютъ грузины присваивать своему народу и племени

царствованія разныхъ владѣтелей иберскихъ, о которыхъ упоминаетъ исторія. Само собою разумѣется, что для принятія такого канона царей, какой мы находимъ въ двухъ грузинскихъ лѣтописяхъ, надобно, прежде всего, допустить, что грузины, которыхъ политическое имя, какъ кажется, не должно бы быть старѣе XI вѣка, существовали прежде подъ другимъ названіемъ, именно подъ названіемъ иберовъ. Сами они въ этомъ не сомнѣваются, и многіе европейскіе критики согласны съ ихъ мнѣніемъ. Конечно, если они иберы и если притомъ Иберія была нынѣшняя Грузія, т. е. Карталинія, Сомхетія и Кахетія, то они съ древнихъ временъ находились въ Грузіи. Мнѣ совѣстно противорѣчить мнѣнію многихъ отличныхъ ученыхъ, и особенно мнѣнію Г. Эйхвальда, но мнѣ кажется, что довольно старинное предположеніе, которое защищаетъ и ученый виленскій профессоръ, будто древняя Иберія есть нынѣшняя Грузія, происходитъ единственно отъ того, что прежніе географы и критики не имѣли передъ глазами вѣрной карты Кавказскаго Края и принуждены были дѣлать свои заключенія почти наугадъ. Внимательное чтеніе текстовъ Страбона, Плинія, Діонисія, Птоломея, Плутарха, Тацита и позднѣйшихъ писателей классической древности, всегда приводило меня къ тому убѣжденію, что Иберія собственно была нынѣшняя Имеретія, Радча, Осетія и значительная часть Лезгистана, часто до самаго Дербента; что самая большая ширина Иберіи заключалась между Владикавказомъ и Мцхетомъ, „гдѣ Арагва сливается съ Курою“; что народа иберовъ собственно никогда не существовало и имя ихъ было только общее названіе извѣстнаго числа разноплеменныхъ поколѣній горцевъ, въ родѣ названій: Скиѳы, Сарматы, Албаны, Аланы, Германы и пр., и, наконецъ, что вся эта страна аз Куромъ, гдѣ нынѣ Тифлисъ и самая значительная

часть Грузіи, всегда принадлежала Арменіи и населена была армянами, медами, массагетами или турками, и нѣсколькими изъ тѣхъ поколѣній, которымъ древніе давали другое общее названіе—албановъ. Одно только это распредѣленіе Края и приводитъ въ удовлетворительное согласіе всѣ противорѣчія древнихъ географовъ. Всѣ они очень плохо знали Кавказскій Край, и слѣдовать за подробностями, которыя эти писатели сообщаютъ по слухамъ, нѣтъ никакой возможности. Но въ нихъ надобно взять главныя черты разсказа: эти черты однѣ могутъ быть вѣрны, и онѣ дѣйствительно приводятъ все въ порядокъ". (155—156).

„Одна изъ этихъ главныхъ чертъ—сѣверная граница Великой Арменіи на Курѣ и южная граница Иберіи у сліянія Арагвы съ Куромъ. Плиній положительно говоритъ, что Великая Арменія въ ширину переходитъ за Араксъ и простирается до Кура (VI, 4). Птоломей ведетъ сѣверную границу Арменіи вдоль по Куру (V, 13). Страбонъ, если не называетъ Кура, о теченіи котораго онъ не имѣлъ яснаго понятія, за границею Арменіи полагаетъ хребетъ, который, начинаясь у Безабдала, идетъ черезъ Сомхетію, огибаетъ Тифлисъ и тянется далѣе по Кахетской области, а это все равно, какъ бы онъ показалъ границу вдоль Кура. Наконецъ, что значатъ эти слова у Страбона: „горный проходъ (ведущій въ Иберію) изъ Арменіи, лежитъ у Кура и Арагвы, которыя, прежде чѣмъ сліются, имѣютъ два укрѣпленные города, разстояніемъ другъ отъ друга на 6 стадій? Одинъ изъ этихъ городовъ, Harmozika, на Курѣ былъ армянскій и слѣдственно лежалъ по близости, если не на мѣстѣ нынѣшняго Тифлиса; другой, Seumara (Seusamora), на Арагвѣ, близъ Мцхета, принадлежалъ уже къ Иберіи. Не ясно ли, что страна, гдѣ нынче Тифлисъ, была Арменія и во времена Страбона, какъ и при Пливіи и Птоломеѣ. Послѣ этого, четыре горные прохода, ведущіе въ Иберію, которые затрудняютъ Эйхвальда до того, что онъ принужденъ „угадывать" ихъ положеніе,—какъ будто главныя ущелья въ горахъ могутъ перемѣнять мѣста свои,—эти четыре прохода рѣшаются сами собою безъ помощи догадокъ. Иберія есть горная полоса Кавказскаго Края, отовсюду (kyklô) окруженная горами, какъ говоритъ Страбонъ, которая тянется отъ Имеретіи и Радчи включительно, черезъ Осетію, до западнаго Лезгистана включительно и, слѣдственно, западный проходъ въ нее, со стороны Колхиды, будетъ дорога изъ Мингреліи въ Кутаисъ, сѣверный изъ Сарматіи, — военно-грузинская дорога у Владикавказа, восточный — знаменитая дербендская тѣснина, южный, изъ Арменіи—опять военно-грузинская дорога около Мцхета, къ сѣверу отъ Тифлиса эти проходы такъ знамениты, что Страбонъ не могъ бы не говорить объ нихъ: и онъ рѣшительно на нихъ указываетъ. Теперь совершенно понятны слова Тацита: Iberi, locorum potentes, caspra (lege, Caucasia) via raptim Sarmatam in Armeniam, effundunt: „Иберы, владѣющіе горными мѣстами черезъ Кавказскій проходъ вдругъ Сармату выливаютъ на Арменію"; замѣтимъ только, что если бы иберы занимали нынѣшнюю Грузію, они бы „выливали Сармату" на себя самихъ, а не на Арменію. Теперь совершенно понятно также, отчего всѣ древніе географы утверждали, что Фазисъ, нынѣшній Ріонъ, который имъ такъ хорошо былъ извѣстенъ, течетъ отъ границъ Арменіи. Г. Эйхвальдъ прекрасно доказалъ, что они за главную рѣку принимали притокъ Ріона, Квирилу; но это еще не удовлетворяетъ текстамъ: Квирила тогда только будетъ течь отъ границъ Арменіи, когда предѣломъ Арменіи, согласно Страбону, Плинію Птоломею, назначимъ теченіе Кура.

„Я не стану преслѣдовать далѣе совпаденія множества другихъ подробностей съ этимъ положеніемъ Иберіи: тѣ, которые захотятъ безъ предубѣжденія и безъ предвзятой системы сравнить древніе тексты, относящіеся къ Кавказскому Краю, сами, я надѣюсь, увидятъ совершенное согласіе ихъ съ такимъ распредѣленіемъ страны и легкость, съ какою по немъ объясняются трудности, приводившія въ отчаяніе комментаторовъ. Мнѣ очень легко было бы показать, какъ естественно подходитъ все, что древніе говорятъ объ Албаніи, къ тому же мѣстоположенію Иберіи, которое мы для нея отыскали, но я долженъ предоставить это времени и обратиться къ вопросу о мнимомъ „народѣ Иберовъ“.

„Тогда называли народы по странамъ: племена, жившія въ Скиѳіи, какъ бы они разнородны ни были, всѣ получали общее имя скиѳовъ, жившія въ Сарматіи назывались сарматами, въ Даніи—даками, въ Германіи—германами, хотя нѣтъ сомнѣнія, что между этими германами были народы славянскіе и даже финскіе. Эта система обобщенія примѣнена была и ко многочисленнымъ кавказскимъ народамъ; за исключеніемъ немногихъ, болѣе извѣстныхъ поколѣній, прочія раздѣлены были на иберовъ и албановъ, не по роду своему, но по странамъ, Иберіи и Албаніи, въ которыхъ они укрывались. Албаны занимали полосу прибрежную вдоль Каспійскаго моря; а первые, т. е. Иберы, помѣщаемы были въ поперечной нагорной полосѣ Кавказскаго перешейка, которая, простираясь отъ границъ Колхиды, или Мингреліи, до Лезгистана, составляла почти прямой уголъ съ албанскою полосою; вся же страна, заключенная въ этомъ углу, именно нынѣшняя Грузія, принадлежала къ Арменіи, а за поперечною, иберскою полосою, страна Сарматія. Что жъ, слѣдственно, такое были Иберы, если не то же самое, что мы теперь называемъ горцами. Они не могли составлять „народа“. Впрочемъ, Плиній и Птоломей поименно называютъ различные народы, жившіе въ Иберіи и Албаніи, и которымъ они въ то же время даютъ общія названія Иберовъ и Албановъ... Говорятъ, что слово иберъ, или какъ иные произносятъ иверъ, происходитъ отъ армянскаго языка, на которомъ ивреңъ должно означать горецъ. Если этимологія эта справедлива, то мы съ армянами одного образа мыслей: я то же говорю, что Иберцы были просто „горцы“. Но я не думаю, чтобы слѣдовало произносить иверъ. Страбонъ, когда хочетъ выразить звукъ в, пишетъ ou. Римляне также никогда не писали Iverus, а всегда Iberus и я вижу въ нынѣшнемъ названіи одной кавказской страны, Имерэтіи, положительный слѣдъ сохранившагося донынѣ древняго географическаго названія Иберія. Отбросьте обыкновенное грузинское окончаніе именъ провинціи, эти: останется имеръ. Вовсе не нужно толковать оріенталистамъ, какимъ образомъ б превратилось въ м и изъ иберъ, Iberia, вышло имеръ, Имеретія; такія превращенія б въ м очень обыкновенны и въ кавказскихъ языкахъ. Точно также сохранилось до нашего времени древнее названіе другой кавказской области, лежащей рядомъ съ Имеретіей: Suani или Soani — древнихъ географовъ и теперь называются Суанети. И цѣлые десятки подобныхъ примѣровъ можно было бы привести въ доказательство того, какъ неизгладимы на Кавказѣ названія разныхъ урочищъ. По крайней мѣрѣ, я не сомнѣваюсь, что Iberia и Имеретія одно и то же слово. Это сближеніе клонится здѣсь къ тому, чтобы еще показать, что древняя Иберія, собственно говоря, и была одна только нынѣшняя Имеретія. И въ самомъ дѣлѣ, по согласному свидѣтельству всѣхъ географовъ, она начиналась у границъ Колхиды (Мингреліи) и съ юга опиралась на Мосхійскія горы,

которыя отдѣляютъ ее отъ Ахалцыха. Одну эту Иберію и знали древніе, на остальную часть полосы, простирающуюся далѣе на востокъ поперекъ перешейка до Лезгистана, и составляющую какъ бы продолженіе Имеретіи, они только распространяли имя Иберіи, по принятому тогда обыкновенію. При чтеніи древнихъ текстовъ должно безпрерывно обращать вниманіе на то, когда они подъ именемъ Иберіи разумѣютъ одну только Имеретію, и когда дѣлаютъ изъ нея общее названіе для всей полосы нагорной стороны, идущей поперекъ перешейка, потому что отъ этой Иберія ихъ становится то короче, то длиннѣе. Мнѣ кажется, что отсюда проистекаетъ и вся сбивчивость ихъ показаній, которыя, однако жъ, дѣлаются ясными, когда помнишь, что Иберіей попеременно называютъ они то одну собственную, сосѣднюю съ Колхидой, Иберію или Имеретію, то опять Имеретію, Радчу, Осетію и часть Лезгистана. Такъ, Страбонъ говоритъ однажды, что въ Иберіи есть только одинъ дрянный городишко, а потомъ онъ же, и Плиній, и Птоломей въ „Жизни Помпея“ (V, II) утверждаютъ, что иберы живутъ между Мосхійскими горами и Чернымъ моремъ, причисляя Гурію къ Имеретіи и дѣлая изъ Иберіи черноморскую провинцію, что рѣшительно никто изъ географовъ не дѣлаетъ. Опираясь на авторитетъ географовъ, Плутарха можно было бы упрекнуть въ невѣжествѣ, а между тѣмъ и онъ правъ, и они правы: стоитъ только хорошо понять ихъ разсказы, ихъ систему—и противорѣчія исчезнутъ. Замѣтимъ еще мимоходомъ, что равнины нынѣшней Мингреліи и Имеретіи принадлежали тогда къ Колхидѣ, а горы той и другой области составляли Иберію, которой западные, такъ же какъ и южные предѣлы начинались изъ горъ. Какой народъ жилъ въ древней Имеретіи, или Иберіи, какіе „горцы“ тамъ обитали, объ этомъ

я не берусь говорить, и считаю даже подобный вопросъ неразрѣшимымъ, если вспомнимъ, сколько перемѣщеній массъ совершилось на Кавказѣ, сколько племенъ погибло и сколько языковъ погасло. Эти мелкія, воинственныя владѣнія безпрерывно то составляли сильныя царства подъ начальствомъ храбрыхъ предводителей, то распадались на мелкія гнѣзда разбойничьи. Все тамъ перегоглось въ пожарахъ вѣчной войны, растаяло въ крови и не разъ переливалось въ новыя формы. Римляне, по свидѣтельству Плинія, употребляли въ Діоскуріи сто тридцать человѣкъ различныхъ толмачей для объясненія съ жителями Кавказа: теперь и двадцати языковъ не насчитаешь во всѣхъ этихъ горахъ. Но я готовъ даже допустить, что въ Имеретіи жили какіе нибудь картвелы, соплеменники и одноязычники нынѣшнихъ грузиновъ. Это нисколько не перемѣняетъ существа вопроса. Нѣтъ сомнѣнія, что изъ ихъ роду возникали по временамъ завоеватели, которые основывали на мгновеніе сильныя владѣнія. Такъ напримѣръ въ VI и VII ст. царство лазовъ было довольно значительно и имѣло царей Губаза и Хоріана, покрылось нѣкоторою славой. Одна княгиня владѣла всѣмъ Черноморскимъ прибрежьемъ отъ Колхиды по Трапезунтъ. Но какую же это имѣетъ связь съ грузинами, которые тогда еще и не существовали, какъ народъ? Одноплеменность никому не даетъ права на присвоеніе себѣ исторіи другого народа. Въ противномъ случаѣ, пруссаки могли бы сказать, что ихъ государство славится въ исторіи со временъ Юлія Цезаря, потому что германцы были уже въ то время исторически извѣстны, или присвоить своему народу лѣтописи Австріи. Древнее существованіе племени картвели отнюдь не доказываетъ древности народа грузиновъ. Дѣло въ томъ, что въ Грузіи тогда

ихъ не было; что это была еще Арменія, населенная армянами, отчасти массагетами, или турками, проникнувшими туда черезъ Мавераннегръ и Адербаеджанъ, а, можетъ быть, еще другими народами, только не грузинами, или иберами, съ которыми они не имѣютъ ничего исторически общаго. Мы скоро увидимъ, что когда въ седьмомъ вѣкѣ аравитяне взяли столицу Арменіи, Тифлисъ тотчасъ, безъ войны, покорился побѣдителямъ, какъ армянская провинція, и если бы тамъ жилъ другой народъ, имѣющій своего независимаго царя, у него было бы войско и онъ защищался, но этого не случилось. Потомъ еще изъ статистическихъ данныхъ о народонаселеніи Грузіи мы должны будемъ тоже заключить, что до покоренія Грузіи аравитянами главное населеніе ея по необходимости было армянское, а не картвельское или грузинское, которое гораздо позже нагрянуло сюда изъ Абхазіи. Нужно ли еще къ свидѣтельствамъ классиковъ прибавить показанія аравитянъ въ подтвержденіе того, что нынѣшняя Грузія была частью Арменіи? Въ грамотѣ Хабиба, полководца османовъ, данной жителямъ Тифлисской области, которая, какъ мы сейчасъ упомянули, сама покорилась мусульманамъ, по взятіи столицы Арменіи, сказано, что эта область лежитъ около рѣки Гюрзана, т. е. Кура, и границъ Меджлиса или Серира, древней Албаніи, которой западнымъ предѣломъ служила, какъ извѣстно, рѣка Алазань. Съ того времени аравитяне обыкновенно называли этотъ край Курскою областью, Гюрзань или Джюрзанъ, именемъ, очевидно, произведеннымъ отъ стариннаго прозванія рѣки Кура,—Кюросъ, Гюросъ, у Птоломея Кюрросъ, а Плутарха—Кюрносъ (Kyros, Kyrrhos, Kyrnos), которая, вѣроятно, въ VII вѣкѣ на мѣстѣ у туземцевъ слыла Гурзаномъ или Гургяномъ... Якутъ, повторяя слова древнѣйшихъ арабскихъ

географовъ, въ статьѣ „Джюрзанъ“ говоритъ: „Джюрзанъ—область въ Арменіи; главный городъ ея—Тифлисъ“. И опять въ статьѣ „Тифлисъ“ онъ говоритъ по ихъ же авторитету: „Тифлисъ—городъ въ первой Арменіи; иные причисляютъ его къ Аррану“. Эта столица области Гюрзанъ (Курской), не въ дальнемъ разстояніи отъ Дербенда, городъ древній, нетлѣнный, который лежитъ подъ 72° долготы и 42° широты. Но онъ рѣшительно ошибается, „предполагая“,—это его выраженіе,—будто слово Джюрзанъ, названіе рѣки и страны, можетъ быть, исковерканное аравитянами Гюрджъ, собирательное имени народа. Джурзанъ было названіе области и рѣки, а не народа, и оно впослѣдствіи по водвореніи грузиновъ въ Джюрзанѣ было до того забыто, что черезъ ошибочное правописаніе превратилось у восточныхъ писателей, и даже у кавказскихъ мусульманъ, въ Хазеранъ, чего бы, конечно, не могло случиться, если бы Джюрзанъ и Гюрджъ значали бы одно и тоже.

„Такимъ образомъ, отъ Страбона до арабскихъ предшественниковъ Якута мы постоянно находимъ Арменію въ нынѣшней Грузіи, гдѣ на равнинахъ, орошаемыхъ Куромъ, какъ выражается Страбонъ, „и люди жили по обычаю армянскому и мидійскому“.

„Что касается до древностей народа грузинскаго, то во І-хъ, пока мы не увидимъ несомнѣнныхъ и неоспоримыхъ памятниковъ, доказывающихъ противное, мое оріенталистское убѣжденіе никакъ не позволяетъ мнѣ думать, чтобы онъ былъ старѣе половины одиннадцатаго вѣка. Этотъ народъ называется грузинцами, Гюрджи, что значитъ георгіане, или—говоря чисто по-русски—юрьевцы. По вѣковому обыкновенію Востока, и въ особенности странъ прикаспійскихъ и кавказскихъ, онъ не могъ назваться или быть названъ этимъ именемъ иначе, какъ по имени своего полководца,

котораго звали Гюрджъ, Георгіемъ или Юріемъ. Грузины утверждаютъ, что они нареклись гюрджинами, георгіанами, или юрьевцами, отъ Святого Георгія, который просвѣтился около 300 года вѣрою Христовой. Вѣрить этому можетъ только закавказская критика. Если бы они приняли имя георгіанъ по случаю проповѣди Святого Георгія, то византійцы первые поспѣшили бы чествовать ихъ этимъ именемъ, а между тѣмъ оно и до XII столѣтія было неизвѣстно византійцамъ, которые, однако-жъ, имѣли почти безпрерывныя сношенія съ кавказскими народами, военныя, научныя и дипломатическія, и называли уже классическую область Фазиса не Колхидою, а попросту Мингреліей. Первый ихъ князь Георгій явился въ Абхазіи между 1014 и 1027 гг., по ихъ же собственной исторіи, которая и здѣсь, какъ почти во всѣхъ другихъ случаяхъ, ошибается въ числѣ годовъ, въ чемъ и г. Броссе отдаетъ ей должную справедливость. Этотъ Георгій, котораго, къ счастью, мы знаемъ черезъ византійцевъ, княжилъ между 1030 и 1050 гг. нашей эры. Онъ первый осмѣлился воевать съ римлянами и, слѣдовательно, былъ уже силенъ, славенъ и честолюбивъ, потому что до того времени слабыя княжества абхазскія находились подъ властью или подъ покровительствомъ то римлянъ, то персовъ. Гюрджъ или Георгій, князь абасговъ (абхазовъ) воевалъ долго и удачно, оставилъ независимо абхазское княжество и онъ-то, конечно, своими подвигами укрѣпилъ на Кавказѣ за поколѣніемъ, себѣ подвластнымъ, имя гурджи, георгіанъ или грузинъ. Оно укрѣпилось и стало еще болѣе общимъ и извѣстнымъ при Георгіи II, его внукѣ и отцѣ Давидѣ, который покорилъ Имеретію, Тифлисъ и всю нынѣшнюю Грузію. Но еще и этотъ знаменитый Давидъ, по признанію самихъ же историковъ грузинскихъ, началъ царствовать въ Абхазіи. Первыя сношенія рус-

скихъ съ грузинами, которыя г. Броссе такъ прекрасно изложилъ намъ, имѣли мѣсто около этой эпохи тоже въ Абхазіи. Здѣсь то возникъ и образовался изъ постепенно покоряемыхъ племенъ нынѣшній народъ грузиновъ или юрьевцевъ, и онъ ни политически, ни исторически не можетъ быть скорѣе своего основателя и родоначальника, того, кто оставилъ свое имя и еще въ 1047 г. воевалъ съ византійскимъ императоромъ Константиномъ Мономахомъ. Для всякаго оріенталиста это ясно, какъ солнце. Ясно также, что въ странахъ, гдѣ поколѣнія принимали имена предводителей, успѣвшихъ соединить ихъ подъ свои знамена, и гдѣ имя Георгій было столь обыкновеннымъ, неоднократно могли являться народы юрьевцевъ, гурджи. Самъ ли онъ такъ себя называлъ, или сосѣди давали имъ это имя,—это все равно для нашего предмета; дѣло въ томъ, что между тѣмъ какъ положительно извѣстно, что нынѣшніе грузины вышли изъ Абхазіи и что первый ихъ Георгій не старѣе XI вѣка, въ другой области, которая находилась не въ Абхазіи и не въ нынѣшней Грузіи, существовалъ какой то мелкій народъ юрьевцевъ. Масуди, если не ошибаюсь, первый объ немъ упоминаетъ подъ именемъ джюрзіе, юрьевцы, и помѣщаетъ ихъ подлѣ Абхазіи. Якутъ говоритъ, что эти юрьевцы со времени покоренія Джюрзана аравитянами до царствованія Халифа Мутевеккиля, платили дань владѣтелямъ Тифлиса, но онъ тутъ же прибавляетъ, что тѣ юрьевцы, гюрджа, которые въ XII вѣкѣ завоевали и Тифлисъ и Джюрзанъ, жили прежде въ Абхазіи. Это, очевидно, два различные народа юрьевцевъ, и, несмотря на все желаніе, никакъ не могу въ умѣ своемъ логически связать ихъ между собою. Кажется, что эти первые, древнѣйшіе юрьевцы, джюрзіе, о которыхъ упоминаетъ Масуди и Якутъ говоритъ, что они съ VII столѣтія были данниками

мусульманъ, жили въ нынѣшней Имеретіи. Но отчего они не извѣстны византійцамъ подъ именемъ георгіанъ? Какимъ образомъ это христіанское названіе могло въ V или VI столѣтіи ускользать отъ вниманія набожныхъ христіанъ Цареграда.

„Сдѣлаемъ здѣсь одно общее замѣчаніе о способѣ, какимъ грузинскіе лѣтописцы прошедшаго вѣка составили древнюю исторію для своего народа. Они, повидимому, нахватали преданій и царей со всего Кавказа, не справляясь, къ какому народу и вѣку принадлежали лица и событія, которыя вносили они въ свои писанія: разноплеменные владѣтели иберскіе, армянскіе, перскіе, лазскіе, албанскіе, турецкіе, о которыхъ нашли они упоминанія въ лѣтописяхъ византійцевъ, армянъ, персовъ, герои народныхъ преданій Кавказа, богатыри нянюшкиныхъ сказокъ,—все это пошло впрокъ и такимъ образомъ составилась прекрасная, безпрерывная цѣпь царей и царствованій отъ временъ Александра Великаго до IX и X столѣтій. Съ того времени до покоренія Тифлиса повѣствованія ихъ представляютъ мѣстами тѣнь истины, нѣчто похожее на историческій разсказъ, потому что здѣсь попадаются уже факты, заимствованные изъ случайныхъ свидѣтельствъ мусульманской литературы, хоть, по обыкновенію, и изуродованные перепутаніемъ вещей, совершенно разнородныхъ, и вдобавокъ приправленные вымысломъ самихъ лѣтописцевъ. Основаніемъ этой части ихъ разсказовъ служитъ, по моему мнѣнію, смѣшеніе трехъ различныхъ элементовъ, а именно перваго народа юрьевцевъ, джюрзіе, обитавшаго внѣ Абхазіи, второго народа юрьевцевъ, гюрджи, вышедшаго въ XII вѣкѣ изъ Абхазіи, и наконецъ страны Джюрзанъ, или Курской области, составлявшей часть Арменіи; все это принято за одно, по созвучію названій и, какъ мнѣ кажется, смѣшано съ Грузіей и грузинами, которыхъ

исторія, насколько достовѣрно, не можетъ начинаться раньше Георгія I или точнѣе Давида III, покорителя Тифлиса и нынѣшней Грузіи, въ первой половинѣ XII вѣка.

„Якутъ, писатель точный и старательный, которому обязаны мы сохраненіемъ разныхъ памятниковъ, драгоцѣнныхъ для исторіи и этнографіи среднихъ вѣковъ, довольно подробно описываетъ это событіе въ своемъ географическомъ словарѣ. Я полагаю, что этотъ отрывокъ, который мнѣ пріятно издать здѣсь впервые на одномъ изъ европейскихъ языковъ, есть пока единственный достовѣрный документъ исторіи грузиновъ въ XII и XIII столѣтіяхъ: не думаю, чтобы они могли показать въ своей литературѣ что нибудь достойное большаго довѣрія“. Вотъ что пишетъ Якутъ:

„Мусульмане покорили Тифлисъ въ царствованіе Халифа Османа, сына Аффанова, двинулся Хабибъ ибнъ Сельма въ Арменію и покорилъ большую часть городовъ ея. Когда занялъ онъ середину края, прибылъ посолъ изъ Джюрзана. Хабибъ тогда собирался идти воевать эту область. Посолъ просилъ мира и опасной грамоты отъ Хабиба. Хабибъ-ибнъ Сельма написалъ письмо (къ жителямъ) и вмѣстѣ съ нимъ вручилъ ему опасную грамоту. Вотъ ея копія: „Во имя Бога, Милостиваго, Милосердаго. Се бысть грамота отъ Хабиба, сына Сельмова, людямъ тифлисскимъ, отъ границъ области Золотого Престола, отъ Джюрзана—Рѣки. Пожаловали есмы безопасность душамъ ихъ и церквамъ ихъ, и монастырямъ ихъ, и вѣрѣ ихъ, съ условіемъ быть покорными да платить подушное, со всякой семьи по динарію. А вашему брату не соединять нѣсколькихъ семей въ одну ради умаленія подушнаго, а намъ тоже не раздѣлять одной семьи на нѣсколько ради умноженія... А если пребудете вѣрными и молитву станете творить

по-нашему, такъ вы братья намъ во всемъ; не то вамъ платить подушное. А буде мусульманамъ понадобится помощь отъ васъ, заслужить имъ имѣете людьми и имуществомъ... Свидѣтельствуемъ Богомъ и его ангелами; да и одного Бога достаточно въ свидѣтели". Съ тѣхъ поръ Тифлисъ постоянно находился во владѣніи мусульманъ и жители приняли мусульманскую вѣру. Наконецъ, въ 515 году гиджры (1121 Р.) вышло изъ ближнихъ къ Тифлису горъ*) поколѣніе христіанскаго вѣроисповѣданія, по имени грузины (гурджъ), въ великомъ множествѣ и стало дѣлать набѣги на ближайшія къ себѣ земли мусульманскія. Правители въ нихъ были тогда поставлены отъ царей сельджукскихъ, но они были слабы и каждый хотѣлъ быть независимымъ владѣтелемъ, а тутъ еще случилась въ томъ же году война между Махмудомъ и Месъ-удомъ, внукомъ Меликшаха, и мѣстные правители, занятые козьнями, начали переходить отъ одной стороны къ другой и никто не думалъ о защитѣ горныхъ проходовъ. Грузины напали на правителей Арменіи (нынѣшней Грузіи) и принудили ихъ къ сраженіямъ, которыхъ конецъ былъ тотъ, что грузины явились побѣдителями, а мусульмане были разбиты. Тогда грузины пришли подъ Тифлисъ и осадили его съ намѣреніемъ принудить къ сдачѣ. Во время осады убили они у мусульманъ множество народу; наконецъ, взяли городъ и утвердились въ немъ. Они поступили съ жителями милостиво и только обратили ихъ въ своихъ иновѣрныхъ подданныхъ. Съ того времени не переставали грузины усиливаться и дѣлать

*) Въ подлинномъ эти горы поименованы, но я не могу разобрать ихъ имени въ моемъ спискѣ С. Въ полномъ собраніи сочин. Сенковскаго издателемъ сдѣлано здѣсь примѣчаніе: „изъ академической рукописи арабскаго географическаго словаря Якута горы эти названы (А)бхазъ, т. е. Абхазскими" (т. VI стр. 193. собр. Соч. Сенковскаго).

болѣе и болѣе далекіе набѣги на мусульманъ, вторгаясь то въ Арранъ (Бердаа), то въ Адербайджанъ и проникая даже до Хелата, а мѣстные правители, преданные пьянству и дѣламъ непозволительнымъ, и не думали давать имъ отпору. Наконецъ, выступилъ противъ грузиновъ Джелалъ-эддинъ, сынъ Харезмъ-шаховъ въ 623 году гиджры (1226 по Р. Х.), взялъ Тифлисъ и перебилъ почти всѣхъ грузиновъ. Съ остальными онъ еще имѣлъ нѣсколько сраженій и побѣдилъ ихъ во всѣхъ случаяхъ. Потомъ постановилъ онъ въ Тифлисѣ своего генералъ-губернатора (вали) и возвратился во свояси. Этотъ губернаторъ сталъ очень худо обращаться съ жителями города; онъ вызвалъ къ себѣ остальныхъ грузиновъ, которые были еще не побиты, а сдали имъ городъ, а харезмцы бѣгомъ ушли изъ него къ своему царю. Однако-жъ, грузины побоялись, что Харезмъ-шахъ возвратится и что они съ нимъ не справятся, такимъ образомъ они сожгли городъ въ 624 г. (1227) году и ушли въ горы. Это—послѣднее извѣстіе, какое я объ нихъ имѣю".

„Читая это описаніе просвѣщеннаго современника", говоритъ далѣе Сенковскій, который съ любовью изучалъ географію, этнографію и политическія дѣла своего времени, нельзя почти на каждомъ словѣ не придти къ тому же заключенію, къ какому приводились мы уже другими данными, а именно, что грузины—пришельцы въ нынѣшней Грузіи, что ихъ тамъ не было до взятія Тифлиса Давидомъ III и что спустя цѣлое столѣтіе по водвореніи ихъ въ этомъ краѣ, они были еще тамъ не многочисленны. Грузинскія сказанія, по которымъ Тифлисъ взятъ былъ ими около 1121 г., согласны на этотъ разъ съ показаніями иностранныхъ писателей; но походъ Джелалъ-эддина въ Грузію, который воспослѣдовалъ въ правленіе царицы Русуданы, описанъ въ

нихъ невѣрно: они относятъ его къ 1228 году и говорятъ, что Тифлисъ находился пять лѣтъ въ рукахъ турковъ, между тѣмъ какъ современникъ Якутъ помѣщаетъ это событіе въ 1226 г. и разсказываетъ обстоятельство, что харезмцы ушли изъ Тифлиса сами въ слѣдующемъ же году. О сожженіи города самими грузинами лѣтописцы ихъ вовсе умалчиваютъ. Какое послѣ этого можно имѣть довѣріе къ грузинскимъ Карамзинымъ? Весьма сомнительно, чтобы Вахтангъ или Вахуштъ пользовались какими нибудь подлинными лѣтописями или документами, иначе столь примѣчательныя событія не были бы описаны у нихъ такъ сбивчиво. Гораздо вѣроятнѣе, что они почерпали свѣдѣнія свои въ бѣглыхъ намекахъ мусульманскихъ писателей на разныя дѣла Грузіи и дополняли эти слабыя данныя съ помощью своего воображенія. Но не надо даже углубляться въ тринадцатое столѣтіе, чтобы найти подобные и еще большіе промахи въ знаменитыхъ грузинскихъ историкахъ. Г. Броссе издалъ недавно, въ переводѣ съ подлиннаго документа, кровный договоръ имеретинскаго царя Александра съ Дадіаномъ Маміемъ въ 1432 г. за скрѣпою великаго грѣшника Фалаванди Фалавандишвили, и оказалось, что въ грузинскихъ лѣтописяхъ этого Дадіана уморили и схоронили за 18 лѣтъ до подписанія имъ договора и что въ 1432 г. уже давно и благополучно царствуетъ сынъ его, Липаритъ. Ученый академикъ присовокупляетъ: „нельзя не сказать, что число этого важнаго документа представляетъ большое затрудненіе. Вмѣсто того, чтобы теряться въ догадкахъ, лучше, конечно, оставить вопросъ нерѣшеннымъ, пока счастливый случай не обнаружитъ истины“. Что тутъ и теряться въ догадкахъ! Ясно и очевидно, что лѣтописи, которыя такъ жестоко противорѣчатъ „важнымъ документамъ“, составленнымъ по

законной формѣ, за скрѣпою великаго грѣшника, не заслуживаютъ никакого довѣрія критики.

„Нѣсколько словъ о пропорціи племенъ въ нынѣшнемъ народонаселеніи Грузіи могутъ также быть полезны для приведенія въ ясность вопроса, были ли тамъ грузины до взятія Тифлиса Давидомъ. Въ 1832 году во всей Грузіи считалось:

Грузинъ	101.000	д. муж. пола.
Армянъ	56.300	„ „ „
Татаръ.	41.200	„ „ „
Осетинцевъ	15.440	„ „ „
Пшавовъ.	2.040	„ „ „
Тушей.	2.400	„ „ „
(Хеврусовъ) Хевсуровъ	1.510	д. муж. пола.
Грековъ	1.810	„ „ „
Нѣмцевъ.	1.040	„ „ „
Евреевъ	500	„ „ „
	224.200	д. муж. пола.

„Слѣдовательно, грузины и теперь еще, послѣ семи столѣтій пребыванія въ краѣ, далеко не составляютъ половины туземнаго народонаселенія, хотя, какъ извѣстно, господствующее племя всегда умножается въ теченіе времени отъ постепеннаго перенятія его обычаевъ и языка подвластными. И теперь еще, противъ 101.000 грузиновъ мы видимъ тамъ 56.300 армянъ и 41.200 татаръ и 15.440 осетинцевъ. Что значитъ 101.000 душъ мужского пола? Это едва 20,000 людей, способныхъ носить оружіе. Конечно, не менѣе этого числа воиновъ пришло осаждать Тифлисъ въ 1121 году. Можно рѣшительно сказать, что еще въ наше время настоящее основаніе народонаселенія Грузіи, по числу,

составляютъ армяне и турки, тѣмъ болѣе они были туземцами для грузинъ въ 12 в. Если допустимъ, что со времени покоренія число армянъ и мусульманъ уменьшилось до половины,—особенно число мусульманъ подъ владычествомъ христіанскаго народа,—то нельзя будетъ не убѣдиться ариѳметическою очевидностью, что до 1121 г. грузиновъ и не могло быть въ Грузіи.

„Вотъ въ чемъ заключаются мои сомнѣнія относительно исторіи грузиновъ“ и вотъ главныя причины этихъ сомнѣній. Излагая ихъ, я не имѣю другой цѣли, какъ способствовать къ открытію истины побужденіемъ знатоковъ и любителей грузинской исторіи къ собранію доказательствъ, памятниковъ, документовъ для опроверженія этихъ сомнѣній, если они неосновательны,—я первый получу изъ этого пользу и встрѣчу истину съ почестью, хотя бы она была противна нынѣшнему моему убѣжденію. Если будетъ доказано памятниками или, по крайней мѣрѣ, правильнымъ, ученымъ разборомъ источниковъ Вахтанга и Вахуштія, что грузины всегда обладали Курскимъ краемъ, я отъ всей души уступаю имъ Грузію и заранѣе поздравляю ихъ съ глубокою древностію. Но кавказскія сказанія донынѣ принимаются въ наукѣ, какъ мнѣ кажется, съ благосклонностью, нѣсколько предосудительною для выгодъ исторической критики и истины. Противорѣчіе можетъ быть здѣсь полезно. По крайней мѣрѣ, оно покажетъ необходимость тщательно разобрать и устранить сперва все, что позволяетъ смотрѣть на предметъ съ другой точки зрѣнія“. (Сгр. 156—178).

Такова та „лживая“ исторія, которую состряпалъ Сенковскій въ качествѣ армянскаго „клеврета“. Мы видѣли, что свои „сомнѣнія“ Сенковскій высказываетъ, хотя быть можетъ нѣсколько и въ вульгарной формѣ, но не голословно и не произвольно, а на основаніи опре-

дѣленныхъ данныхъ, сообщаемыхъ источниками, которые представлялись ему достовѣрными. Спрашивается теперь, какимъ образомъ возможно было усмотрѣть въ статьѣ Сенковскаго выраженіе особой усвоенной армянами „программы дѣйствій“—всюду уничтожать грузинъ во славу армянскаго имени? Въ чемъ же видно это вліяніе армянъ на Сенковскаго? Да и были ли въ то время въ Россіи армянскіе ученые, вліянію которыхъ могъ бы подчиниться такой писатель, какъ Сенковскій, который въ своей безпощадной и, пожалуй, слишкомъ развязной критикѣ не церемонился даже съ наиболѣе славными именами русской литературы и ниспровергалъ самые общепризнанные авторитеты? Для всѣхъ безпристрастныхъ читателей должно быть ясно, что если Сенковскій заблуждался, то заблуждался искренно и притомъ на свой страхъ и рискъ и, конечно, менѣе всего могъ бы быть чьимъ бы то ни было послушнымъ орудіемъ.

Оканчивая эти строки въ оправданіе Сенковскаго, нельзя не выразить крайняго удивленія, зачѣмъ это намъ, армянамъ, приходится оправдываться въ томъ, что русскій писатель и профессоръ восточныхъ языковъ гдѣ то позволилъ себѣ неодобрительно отозваться о грузинской исторіи? На какомъ основаніи за вину Сенковскаго должны отвѣтствовать армянскіе ученые? Самая мысль о подобной ихъ отвѣтственности за ошибки русскаго ученаго, за то, что гдѣ то и кто то написалъ непріятное для грузинъ кажется намъ въ самой своей основѣ одною сплошною вопіющею несправедливостью. Но что подѣлаешь: таковы права добраго сосѣдства и дружбы! Хотя что это за дружба и доброе сосѣдство, если каждый разъ, когда грузина затрагиваютъ, кн. Чавчавадзе бьетъ въ набатъ и подымаетъ на весь міръ шумъ и гвалтъ о томъ, что эта новая непріятность исходитъ отъ армянъ, отъ ихъ намѣченной программы дѣйствій и ни отъ кого больше?!

Вотъ и въ данномъ случаѣ кн. Чавчавадзе вполнѣ убѣжденно восклицаетъ: „Ясно, что ни грузинъ, ни русскій не подвели бы такъ Сенковскаго. Какой разсчетъ для русскаго распускать слухи, что страна, принятая отъ грузинъ, принадлежала не грузинамъ, а армянамъ“. Подите и толкуйте съ человѣкомъ, у котораго такой своеобразный критерій для оцѣнки внутреннихъ побужденій писателя! „Какой разсчетъ“!—, восклицаетъ кн. Чавчавадзе. Но развѣ исторія и историческія изслѣдованія пишутся по разсчету, а безъ всякаго разсчета, т. е. безъ соображенія о практическихъ выгодахъ, а ради лишь искренняго стремленія къ истинѣ—нельзя брать въ руки перо? Естественно, что публицисту съ подобными убѣжденіями трудно понять, какъ это можно писать искренно и правдиво, безъ всякихъ соображеній о томъ, выгодно это или нѣтъ для своего народа. Вотъ почему кн. Чавчавадзе всюду мерещится армянская интрига, армянская завѣтная цѣль унижать грузинъ и сдирать съ нихъ шкуру. Людей съ такими взглядами, конечно, трудно убѣдить, что правду-истину можно поставить выше практическихъ интересовъ минуты. Великъ и неблагодаренъ былъ бы подобный трудъ, уподобляясь толченію воды въ ступѣ, но долгъ „добраго сосѣдства“ заставляетъ насъ идти дальше по намѣченному пути...

Чтобы покончить съ вопросомъ о Сенковскомъ, какъ „родоначальникѣ“, по выраженію А. Цагарели, враждебной критики грузинской исторіи, замѣчу еще, что въ примѣчаніи къ цитованной статьѣ Сенковскаго издатель полнаго собранія его сочиненій указываетъ, что „статья эта написана Сенковскимъ для возбужденія нетронутаго дотолѣ вопроса и достигла своей цѣли. Броссе отвѣчалъ на эти сомнѣнія статьей, напечатанной въ V томѣ „Bulletin Scientifique“ С.-Петербургской

академіи наукъ и съ тѣхъ поръ издалъ сборникъ грузинскихъ лѣтописей („Histoire de la Georgie“), критическая разработка которыхъ можетъ пролить свѣтъ на исторію Грузіи“.

Въ заключеніе еще одно замѣчаніе. Статья Сенковскаго по своему характеру и содержанію настолько далека отъ всякой анти-грузинской тенденціозности, что я позволю себѣ высказать увѣренность, что ея не читалъ самъ кн. Чавчавадзе въ подлинникѣ и свои обвиненія основалъ на дурно понятой выдержкѣ изъ этой статьи. Основываю свое убѣжденіе на томъ, во-первыхъ, что чтеніе самой статьи въ подлинникѣ не можетъ внушить никому ни малѣйшихъ подозрѣній въ какомъ бы то ни было противугрузинскомъ злоумышленіи. Во-вторыхъ, въ этомъ меня убѣждаетъ удивительное совпаденіе выдержки изъ Сенковскаго у кн. Чавчавадзе съ такой же выдержкой, приведенной Д. Бакрадзе въ предисловіи къ своему сочиненію „Археологическія Путешествія“, съ одной лишь разницей, что кн. Чавчавадзе приводитъ эти слова въ ковычкахъ, какъ бы цѣлую заимствованную у Сенковскаго фразу, а Бакрадзе эти слова приводитъ безъ ковычекъ, какъ изложеніе лишь взгляда Сенковскаго, при чемъ оба автора не приводятъ указанія на страницу, откуда взяты эти слова, а ссылаются на стр. 151—178, т. е. на всю статью. Такое совпаденіе столь любопытно, что не лишнимъ считаю сопоставить здѣсь параллельно эти выдержки, чтобы читатель могъ убѣдиться въ ихъ тождественности.

По кн. Чавчавадзе (стр. 12).	**По Д. Бакрадзе (стр. VIII—IX).**
Русскій писатель Сенковскій, извѣстный подъ псевдонимомъ барона Бромбеуса, еще въ 1838	Если извѣстный русскій писатель Сенковскій могъ съ рѣшительностью заявить, что у грузинъ не

году писалъ: „До Вахтанга VI грузины не имѣли лѣтописи, сами грузины даже не существовали до XII ст. послѣ Р. Х. Подъ именемъ иверовъ извѣстны были разныя горскія племена; вся страна за р. Курою, гдѣ въ настоящее время Тифлисъ и большая часть Грузіи, испоконъ вѣка принадлежала армянамъ и здѣсь обитали армяне, мидяне, массогеты, или турки, и нѣсколько колѣнъ албанцевъ“.

(„Библіотека для чтенія“ 1838 г. Стр. 151—178. Письма „Нѣкоторыя сомнѣнія касательно исторіи Грузіи“).

было лѣтописи до Вахтанга VI, что самихъ грузинъ не существовало до XII в., что подъ словомъ иберы извѣстны были разноплеменныя поколѣнія горцевъ, что вся сторона за р. Курою, гдѣ лежитъ нынѣ и самая значительная часть Грузіи, всегда принадлежала Арменіи и была населена армянами, мидами, массогетами и турками и нѣкоторыми поколѣніями изъ албанцевъ.

(Сенковскій. „Нѣкоторыя сомнѣнія касательно исторіи грузинъ“, „Библіотека для чтенія“ за 1838 г., стр. 151—178).

Надо ли доказывать полное тождество этихъ двухъ выдержекъ?

Кн. Чавчавадзе интересовалъ вопросъ, гдѣ могъ Сенковскій вычитать эту „ложь“, эту удивительную свою стряпню? Сенковскій даетъ въ своей статьѣ точный отвѣтъ на этотъ вопросъ. Къ сожалѣнію, самъ кн. Чавчавадзе оставляетъ невыясненнымъ, откуда онъ вычиталъ эти строки, приписываемыя Сенковскому, и, сдѣлавъ прямое позаимствованіе у Д. Бакрадзе, не счелъ даже нужнымъ сослаться на источникъ этого позаимствованія. Черта—весьма любопытная для литературныхъ пріемовъ кн. Чавчавадзе, уличающаго армянскихъ ученыхъ въ воровскомъ присваиваніи чужого. Приведу еще одинъ примѣръ подобнаго же „уваженія“, оказываемаго кн. Чавчавадзе сочиненіямъ другихъ авторовъ.

У кн. Чавчавадзе (на стр. 21—23).

Извѣстные ученые Жанъ Сенъ-Мартенъ, Вивіенъ де-Сенъ-Мартенъ, Дюбуа де-Монпере *) ясно и отчетливо говорятъ, что грузинскія историческія сказанія заслуживаютъ вниманія, какъ источникъ не только для исторіи Кавказа, но и Азіи. При этомъ Дюбуа упоминаетъ о грузинахъ, какъ о древнѣйшей націи, которая съ незапамятныхъ временъ была стражей Закавказья и имѣла сношенія со всѣми извѣстными народностями.

У Д. Бакрадзе (на стр. XV).

Извѣстные ученому міру Жанъ Сенъ-Мартенъ, Дюбуа де-Монпере, Вивіенъ де-Сенъ-Мартенъ *) считаютъ памятники грузинской письменности серьезными источниками не только по отношенію къ Кавказу, но и по отношенію къ исторіи Азіи“... „Жизнь древне-грузинской націи, по выраженію Дюбуа, стерегшей съ незапамятныхъ временъ Кавказскій перешеекъ и имѣвшей прямое соприкосновеніе со всѣми извѣстными народами и т. д.“.

Кровное родство этихъ двухъ выдержекъ слишкомъ очевидно, чтобы сомнѣваться въ зависимости князя Чавчавадзе отъ цитатъ Д. Бакрадзе, особливо, если принять въ соображеніе тождество приводимыхъ въ построчномъ примѣчаніи ссылокъ на страницы цитуемыхъ сочиненій. Но кн. Чавчавадзе, вѣрный и здѣсь своей миссіи обличать армянскихъ ученыхъ въ воровскомъ присваиваніи чужого, конечно, не обмолвился ни словомъ объ источникахъ своихъ позаимствованій.

Мы выше видѣли, каковъ былъ „родоначальникъ армянскихъ ученыхъ“, враждебныхъ грузинскому народу. Познакомимся теперь съ дѣтищами этого родоначальника. Такими ближайшими отпрысками Сенковскаго по части „сдиранія шкуры“ съ грузинъ являются ученые—

2. Эминъ, Худабашевъ и Эрицевъ.

„Извѣстно всѣмъ, говоритъ кн. Чавчавадзе, что Чорохскій бассейнъ съ давнихъ временъ составлялъ

---

*) У обоихъ одна и та же ссылка: St. Martin,—„Mem. sur l'Arm.“ II, p. 190. W. S. Mart. „Recherches sur les populat. de Caucase“, p. 78—79. Dubois de Montp. „Voyage autour de Caucase“, 62—63.

часть верхней Карталинiи, что впослѣдствiи составляло Самцхэ-Саатабого. Армянскiе же писатели Эминъ, Худабашевъ, Эрицевъ оспариваютъ у насъ именно эти мѣста, утверждая, что верховья Куры и весь Чорохскiй бассейнъ входили въ составъ Великой Арменiи". (Стр. 15). Это невѣрное утвержденiе армянскiе ученые дѣлаютъ только, чтобы „убѣдить мiръ, будто за ними историческое право занять эти мѣста". (Стр. 16). Но при этомъ кн. Чавчавадзе оговаривается, что онъ „не затѣмъ завелъ объ этомъ рѣчь, чтобы считать свое мнѣнiе по этому предмету неоспоримымъ", а что онъ хотѣлъ лишь указать, „какъ ловко и хитро армянскiе книжники ведутъ линiю, чтобы проводить свое. Въ такихъ случаяхъ они ничѣмъ не брезгаютъ, приписывая все себѣ и скрывая чужое". (Стр. 16).

Такимъ образомъ свое мнѣнiе по этому вопросу и самъ кн. Чавчавадзе не считаетъ „безспорнымъ"; слѣдовательно, по этому предмету позволительно быть и иного, чѣмъ кн. Чавчавадзе, мнѣнiя, а между тѣмъ это обстоятельство нисколько не мѣшаетъ ему обвинять Эмина, Эрицева и Худабашева въ желанiи присвоить армянамъ непринадлежащее имъ историческое право на бассейны Чороха и верхняго теченiя Куры. Казалось бы, для такихъ категорическихъ обвиненiй основой могли бы служить лишь вполнѣ достовѣрные и безспорные факты исторiи. Но для кн. Чавчавадзе справедливость не имѣетъ обязательной силы, когда рѣчь касается армянскихъ ученыхъ, и онъ спѣшитъ обвинять ихъ во лжи и фальсификацiи, даже и на основанiи сомнительныхъ и спорныхъ фактовъ.

Познакомимся, однако, поближе съ тѣмъ, что на самомъ дѣлѣ говорятъ эти авторы въ тѣхъ сочиненiяхъ, на которыя указываетъ кн. Чавчавадзе.

У г. Эмина въ его переводѣ исторiи Моисея Хоренскаго, на стр. 340—344 (изд. 1858 г.) приведенъ переводъ географическаго описанiя Арменiи Страбона. Въ этомъ переводѣ находимъ слѣдующее мѣсто: „Арменiя орошается многими рѣками. Къ числу самыхъ замѣчательныхъ можно отнести сперва Фазисъ и Ликосъ, которые впадаютъ въ Понтiйское море (Эратосѳенъ, вмѣсто Ликоса, упоминаетъ о Ѳермодонѣ, но онъ ошибается); затѣмъ, я упомяну о Курѣ и Араксѣ, которыя впадаютъ въ Каспiйское море; наконецъ, Евфратъ и Тигръ, впадающiе въ Ераѳрейское море". Такъ пишетъ Страбонъ, относя мѣстность, гдѣ протекаетъ Фазисъ, къ Арменiи. Что же по этому поводу говоритъ Эминъ? Онъ дѣлаетъ къ этому описанiю слѣдующую поправку:

„Подъ Фазисомъ обыкновенно разумѣютъ Рiонъ, что несправедливо, ибо эта послѣдняя рѣка беретъ свое начало въ горахъ Кавказскихъ, находящихся къ сѣверу отъ Иверiи, проходитъ черезъ Имеретiю и впадаетъ въ Черное море; между тѣмъ, какъ Фазисъ беретъ начало въ Арменiи, какъ то видно изъ словъ Страбона. Онъ ясно говоритъ, что Фазисъ, выходя изъ Арменiи, проходитъ черезъ Колхиду и впадаетъ въ Черное море *). Къ тому же Плинiй говоритъ, что Фазисъ вытекаетъ изъ Мосхическихъ горъ (кн. VI, 4), а мы знаемъ, что эти послѣднiя находились выше Колхиды, т. е. въ Арменiи. Если же возьмемъ въ соображенiе теченiе Фазиса, на которое указываютъ намъ тѣ же древнiе писатели, то увидимъ, что рѣка эта протекала мимо Колхиды недалеко отъ Трапезунда и Лазовъ; а около Трапезундскаго пашалыка проходитъ не Рiонъ, а Чорохъ или Цорохъ армянскихъ писателей. Слѣдовательно, подъ Фазисомъ разумѣть должно именно Чорохъ. Далѣе у Ксенофонта мы видимъ

*) См. его Геогр., кн. XI.

(Анабазъ, кн. IV, ч. 6), что греческія войска дошли до рѣки Фазиса, гдѣ она, по словамъ его, имѣетъ въ ширину сто футовъ (стало быть, при самомъ верховьѣея) и прошли впередъ еще десять фарсанговъ, то встрѣтили Халибовъ, Таоковъ и Фассіановъ. Этимъ Ксенофонтъ хотѣлъ сказать, что Халибы и Таоки жили около Фазиса, т. е. Чороха. А Халибы, Таоки и Фассіаны ничто иное, какъ области армянскія—Хахтикъ, Тайкъ и Басіанъ, жители которыхъ встрѣтили греческія войска. Наконецъ, древніе утверждали, что близъ Фазиса находится золото; по армянскимъ же писателямъ, около Чороха были золотые рудники. Все это достаточно доказываетъ, что подъ Фазисомъ древнихъ разумѣть должно не Ріонъ нынѣшній, а рѣку Чорохъ или Цорохъ армянскихъ писателей. (См. также „Армян. древн. Инчичіана", ч. I, стр. 142—148)".

Слѣдовательно, Эминъ не присваиваетъ бассейна Чороха и верхняго теченія Куры, а лишь приводитъ выдержку изъ Страбона и говоритъ, что, очевидно, у Страбона рѣчь шла не о Ріонѣ, а о Чорохѣ. Вѣдь оставь Эминъ эти строки Страбона безъ приведенныхъ разъясненій, пришлось бы и Имеретію отнести къ Арменіи; такимъ образомъ своими разъясненіями Эминъ лишь значительно сократилъ предѣлы Арменіи, а не расширилъ ихъ путемъ захвата чужихъ владѣній.

Обращаясь засимъ къ сочиненію А. Худабашева „Обозрѣніе Арменіи", мы находимъ по интересующему насъ вопросу лишь слѣдующее:

Въ сочиненіи этомъ имѣется глава, называемая „Древнее географическое раздѣленіе Арменіи". По объясненію автора въ предисловіи къ этому сочиненію, географическое описаніе Арменіи заимствовано изъ „L'univers pittoresque" и есть переводъ сочиненія члена Восточной Академіи въ Парижѣ Е. Боре, подъ

заглавіемъ „L'Armenie". Сочиненіе это имѣетъ то достоинство, что авторъ его, не вдаваясь въ мелкія частности, останавливается на предметахъ болѣе важныхъ и изображаетъ ихъ съ тѣхъ только сторонъ, которыя наиболѣе могутъ интересовать большинство читателей". „Однакожъ, не ограничиваясь простымъ переводомъ, говоритъ далѣе авторъ, я сличалъ текстъ этого сочиненія съ подлинными источниками, которые служили для него руководствомъ, дѣлая при этомъ нужныя исправленія въ текстѣ и въ особенности въ правописаніи армянскихъ именъ и мѣстныхъ названій, которыя часто весьма въ искаженномъ видѣ встрѣчаются у этого писателя, и внося такія дополненія, которыя были необходимы примѣнительно къ настоящему положенію этой страны, такъ какъ состояніе ея уже значительно измѣнилось послѣ того, какъ ее описывалъ почтенный авторъ означеннаго сочиненія".

Въ текстѣ географической части (стр. 18) сказано: „Къ сѣверу отъ Эрзерума и къ западу отъ Байбурта протекаетъ рѣка Чорохъ. Она течетъ въ глубокихъ и крутыхъ ложбинахъ древней области Дайкъ, служитъ границею между Трапезономъ и Грузіею и впадаетъ въ Черное море, между городами Гунія и Батумомъ. (Boré, p. 9). Кура или Киръ имѣетъ истокъ свой въ той же области Дайкъ. Она вытекаетъ изъ горы Бархаръ, потомъ, пройдя черезъ самыя сѣверныя области Арменіи, втекаетъ въ Грузію; продолжаетъ теченіе въ Гори и у Тифлиса, главнаго города Грузіи, поворачиваетъ къ юго-западу, опять течетъ въ Арменіи, гдѣ принимаетъ въ себя рѣку Араксъ.... Между главными рѣчками, въ нее впадающими, считаются Іора, Арагва, Алазанъ, не считая многихъ ручьевъ, вытекающихъ изъ Ширвана и изъ Грузіи". (Стр. 18).

Вся вина Худабашева сводится лишь къ тому, что

онъ приводитъ принятое древними армянскими писателями подраздѣленіе Арменіи на 15 провинцій, въ числѣ коихъ оказывается и провинція Дайкъ, т. е. бассейнъ р. Чорохъ. Ужель одно простое повтореніе перечня древне-армянскихъ провинцій можетъ служить основаніемъ къ подозрѣнію человѣка въ умышленномъ присваиваніи чужого ради возвеличенія исторической славы своего народа?!...

Наконецъ, что касается Эрицева, то и его вина оказывается лишь въ томъ, что и онъ приводитъ географическое подраздѣленіе древней Арменіи по Моисею Хоренскому, по которому верхнее теченіе Куры находилось въ предѣлахъ Арменіи. По отношенію къ Эрицеву кн. Чавчавадзе дѣлаетъ ссылку на стр. 2 № 1 „Кавказской Старины“ 1872 г. Въ этомъ журналѣ на указанной страницѣ приведено описаніе монастыря Ахтала. Описаніе это никѣмъ не подписано. Журналъ этотъ издавался подъ редакціей Эрицева. Въ началѣ этой статьи приведено указаніе, что мѣстность, гдѣ находится названный монастырь, „по географическому дѣленію древней Арменіи (V в.) относится къ провинціи Дцорапоръ, области Гугаркъ“. Въ подстрочномъ примѣчаніи приводится ссылка на Моисея Хоренскаго въ изданіи Михитаристовъ *). Далѣе говорится: „Извѣстно, что сѣверныя провинціи названной области каждый разъ при ослабленіи Армянскаго Царства и

*) Гугаркъ, 13-я область Великой Арменіи, есть сѣверная пограничная съ Иберіей страна. Область дѣлилась на 9 провинцій: 1) Дцорапоръ (ущелье р. Дбедъ); 2) Тцобапоръ (нынѣ имѣніе кн. Меликовыхъ отъ селенія Шулаверъ до с. Садахлу; 3) Кохбапаръ (лѣвый берегъ р. Акстафы — часть Казахскаго у.); 4) Таширъ (вся Лорійская степь); 5) Трехкъ (южная половина Тріалетіи); 6) Кангаркъ (гор. Локи и Болнійское ущелье съ Башкичетомъ); 7) Ардаханъ (окрестности нынѣшняго Ардагана) 8) Джавахкъ (Джавахетія); 9) Кгарджикъ (Кларджетія) (см. геогр. Моис. Хорен., Венеція, 1848 г., на арм. яз.).

усиленіи Грузинскаго, отходили къ послѣднему и были извѣстны подъ общимъ названіемъ Сомхетіи. Долго продолжалась борьба между сказанными царствами изъ за этихъ земель, пока, наконецъ, въ концѣ X в. одинъ изъ династіи армянскихъ Багратидовъ—Гургенъ изъ Киврике, будучи назначенъ намѣстникомъ сѣверо-восточной части области Гугаркъ, положилъ здѣсь основаніе маленькому царству „Гугаро-Агано-Лорійскихъ-Киврикидовъ“. Это царство пало окончательно въ 1122 г., когда грузинскій царь Давидъ Возобновитель, вытѣснивъ наслѣдниковъ упомянутаго престола въ Персію, присоединилъ эту часть Арменіи къ Грузіи“.

Такимъ образомъ и Эрицевъ рѣшительно ничего самъ не присваивалъ и не отнималъ у грузинъ, а его вина, такъ же какъ Худабашева, заключалась лишь въ томъ, что онъ по отношенію къ „спорнымъ“ областямъ приводитъ въ своей статьѣ историческія указанія армянскаго историка V вѣка.

Такимъ образомъ, если „армянскіе книжники“ и провинились передъ грузинской исторіей, то этой винѣ ихъ по меньшей мѣрѣ 1400 лѣтъ! Думаю, что даже кн. Чавчавадзе не поставилъ бы въ счетъ армянскимъ ученымъ такого долга, если-бъ зналъ о подобной его сѣдой древности. Поэтому невольно приходится думать, что кн. Чавчавадзе допустилъ подобную оплошность, какъ обвиненіе современныхъ армянскихъ ученыхъ въ „искаженіяхъ“ исторіи, оказавшихся принадлежащими Моисею Хоренскому,—только по полнѣйшему незнакомству своему съ тѣмъ, что на самомъ дѣлѣ писали Эминъ, Эрицевъ и Худабашевъ.

Впрочемъ, быть можетъ, этихъ авторовъ можно винить въ томъ, что они приводятъ факты, давно и безповоротно опровергнутые критической исторіографіей? Быть можетъ, они хотятъ выдать за историческую истину

то, что давно всѣми признано фантастической басней, подобной греческой миѳологіи? Чтобы отвѣтить и на этотъ вопросъ, посмотримъ, чѣмъ опровергаетъ самъ кн. Чавчавадзе факты, приводимые разбираемыми авторами. Вотъ что буквально говоритъ кн. Чавчавадзе по этому поводу:

„Извѣстно всѣмъ, что Чорохскій бассейнъ съ давняго времени составлялъ часть Верхней Карталиніи..... оспариваемыя ими (армянскими учеными) мѣста задолго до Рождества Христова по настоящее время сохранили грузинскія названія, напр. въ Чорохскомъ бассейнѣ—Кларджети, Лиганисъ Хеви и т. д.“ (Стр. 15). Но чѣмъ же это доказывается и изъ чего видно, что нынѣ существующія названія существовали и до Рождества Христова? На всѣ эти вопросы князь Чавчавадзе отвѣчаетъ такъ: „Въ этихъ мѣстахъ грузины, начиная съ VII и VIII ст., до XIV в. строили храмы, монастыри, существующіе и понынѣ“. Изъ этого видно прежде всего, что кн. Чавчавадзе ссылается не на письменные памятники исторіи, а на храмы и монастыри и притомъ относящіеся къ VII и VIII столѣтіямъ послѣ Рождества Христова. Засимъ, какимъ образомъ эти памятники VII и VIII столѣтій послѣ Рождества Христова могутъ служить доказательствомъ, что здѣсь жили грузины задолго до Рождества Христова, какъ это утверждаетъ кн. Чавчавадзе? Далѣе, какимъ же образомъ этими храмами и монастырями, воздвигнутыми спустя 200—300 лѣтъ послѣ того, какъ писалъ Хоренскій, можно опровергать свидѣтельство этого писателя V вѣка? Очевидно, и здѣсь мы имѣемъ дѣло съ полнѣйшимъ смѣшеніемъ различныхъ событій, относящихся къ совершенно различнымъ историческимъ эпохамъ. Армянскій историкъ говоритъ о временахъ до V вѣка включительно и не могъ касаться позднѣйшихъ эпохъ. Худабашевъ и Эрицевъ говорятъ

о провинціяхъ древней Арменіи по Моисею Хоренскому, слѣдовательно они имѣютъ въ виду эту древнѣйшую эпоху армянской исторіи, относящуюся къ V и болѣе раннимъ періодамъ, относительно которыхъ свидѣтельства памятниковъ VII и VIII вѣковъ совершенно не могутъ быть приняты въ соображеніе. Вотъ если бы армянскіе ученые утверждали, что и въ VIII и IX столѣтіяхъ армяне господствовали въ предѣлахъ бассейна Чороха, то ихъ указанія могли бы быть опровергнуты такими памятниками. А такъ какъ другихъ доказательствъ искаженія исторіи Моисеемъ Хоренскимъ кн. Чавчавадзе не приводитъ *), то посему позволительно думать, что утвержденіе о томъ, что „всѣмъ извѣстно“, какъ грузины жили въ этихъ спорныхъ областяхъ задолго до Рождества Христова,—придется пока признать голословнымъ и извѣстнымъ только самому кн. Чавчавадзе и въ критически разобранной исторіографіи совершенно никому невѣдомымъ.

Въ заключеніе нельзя не указать, что даже самъ отецъ грузинской исторіографіи M. Brosset, пламенная любовь коего ко всему грузинскому всѣмъ извѣстна, и тотъ говоритъ, что „провинціи Ахалцихская, Самхет-

---

*) Въ подтвержденіе своихъ словъ кн. Чавчавадзе ссылается на армениста Сенъ-Мартена, который-де говоритъ, что „хребетъ горъ, служившій водораздѣломъ Чороха, Куры, Евфрата и Аракса, былъ постоянной границей Грузіи и Арменіи“. (Стр. 16). Но кн. Чавчавадзе не указываетъ, въ какомъ именно сочиненіи и на какой страницѣ Сенъ-Мартенъ говорилъ это, а затѣмъ трудно допустить, чтобы Сенъ Мартенъ могъ указывать какую либо постоянную и неизмѣнную для всѣхъ временъ и эпохъ границу Грузіи и Арменіи. Очевидно, такой постоянной границы не могло быть между государствами, подвергавшимися всяческимъ историческимъ пертурбаціямъ, при которыхъ предѣлы господства армянъ и грузинъ должны были мѣняться. Во всякомъ случаѣ, было бы въ высшей степени желательно выяснить, къ какой именно эпохѣ относится приведенное указаніе Сенъ-Мартена.

ская и Албанская были поочередно заняты двумя народами: армянами, которые называли и называютъ ихъ Тайкъ, Гугаркъ и Агванъ, и грузинами, которые называютъ еще Тао или Месхети, Сомхети и Кахети; они ни въ какомъ видѣ не входятъ въ вопросъ о древнемъ существованіи иберійцевъ *).

Неужели и послѣ такого авторитетнаго мнѣнія можно будетъ утверждать еще, что армяне незаконно „селятся тамъ, гдѣ никогда не жили и присваиваютъ себѣ историческое достояніе грузинъ“.

Спѣшу оговориться, что, говоря о древнѣйшемъ разселеніи грузинъ, я имѣлъ въ виду совершенно опредѣленныя нынѣ существующія этнографически группы картвельскаго племени: грузинъ, имеретинъ, гурійцевъ, мингрельцевъ, свановъ и др., а не древнѣйшія племена, подобныя урартійцамъ, родство которыхъ съ грузинами нынѣ только едва устанавливается въ наукѣ. О древнѣйшемъ разселеніи урартійцевъ мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ, а пока лишь ограничимся этимъ замѣчаніемъ, полагая, что и кн. Чавчавадзе, говоря о господствѣ грузинъ въ Чорохскомъ бассейнѣ, также не имѣлъ въ виду урартійцевъ.

3. Артвинскій храмъ. Снимки клинообразныхъ надписей, сдѣланные о. Месропомъ Сумбатянцемъ. Захватъ армянами территоріи урартійцевъ.

Слѣдуя порядку изложенія кн. Чавчавадзе, мы должны теперь разсмотрѣть обвиненія армянъ въ „уничтоженіи грузинскихъ историческихъ памятниковъ“. Армянскіе ученые, говоритъ кн. Чавчавадзе, не довольствуясь этими (уже разобранными выше) подтасовками, стараются гдѣ могутъ „уничтожить фактъ: или стереть, или выскоблить историческую надпись, или же переиначить ее въ свою пользу“. (Стр. 17). Опасаясь, что „камни, многочисленныя постройки, монастыри, храмы будутъ доказывать, что съ самыхъ древнихъ временъ на этихъ мѣстахъ обитали грузины“, то чтобы „зажать ротъ этимъ правдивымъ свидѣтелямъ грузинъ“, армяне „взяли и гдѣ только смогли и сумѣли уничтожили всякій слѣдъ“. Кн. Чавчавадзе утверждаетъ, что имѣется „не мало примѣровъ, что армяне силились стирать и уничтожать слѣды грузинскаго происхожденія на грузинскихъ храмахъ и монастыряхъ, соскабливать или стирать съ камней грузинскія надписи, вынимать самые камни изъ построекъ и вставлять взамѣнъ ихъ другіе съ армянскими надписями, о чемъ даже писалось и въ русскихъ, и въ грузинскихъ газетахъ“ и что ниже онъ приводитъ примѣры того, что стирать, опорочивать или передѣлывать документы—ихъ (армянъ) ремесло“. (Стр. 17—18). „Нынѣ времена такія, меланхолически продолжаетъ далѣе авторъ, когда для достиженія своей цѣли ни передъ какими средствами не останавливаются,—будетъ ли это достигнуто путемъ обмана, фальсификаціи, подлоговъ—безразлично“. Посмотримъ, однако, чѣмъ кн. Чавчавадзе подкрѣпляетъ свои столь тяжкія обвиненія армянскихъ ученыхъ и познакомимся ближе, какіе это „многочисленные примѣры“ стиранія грузинскихъ надписей и уничтоженія слѣдовъ грузинскаго происхожденія различныхъ памятниковъ приводитъ кн. Чавчавадзе. Прочитавъ всю брошюру, мы нашли всего на всего три такихъ примѣра, могущихъ имѣть отношеніе, хотя и то самое отдаленное, къ затронутому вопросу.

Первый примѣръ, разсказанный кн. Чавчавадзе со словъ Д. Бакрадзе, заключается въ слѣдующемъ.

*) Revue des antiquités georgiennes, M. Brosset, Bullet. Scientif. № 3, (т. V. p. 3, 1839. Спб.).

„Въ Артвинѣ существуетъ весьма старая церковь. Тамошніе армяне возымѣли желаніе наготовѣ присвоить себѣ этотъ храмъ. Но мѣстные греки начали оспаривать его у нихъ на томъ основаніи, что такъ какъ онъ съ давнихъ временъ принадлежалъ грузинамъ, то, слѣдовательно, мы, молъ, какъ православные, имѣемъ преимущество передъ вами. Въ немъ былъ вдѣланъ камень съ грузинскою надписью, а такъ какъ эта надпись служила доказательствомъ принадлежности храма грузинамъ, то армяне изволили благоразумно „припрятать этотъ камень. Такимъ образомъ, вырвавъ эту церковь изъ рукъ православныхъ, армяне присвоили ее себѣ“. (Стр. 18).

Но при этомъ кн. Чавчавадзе оговаривается, что „подобная продѣлка не можетъ придти въ голову простолюдину“ и что у него имѣются основанія приписывать эту и подобную продѣлку только опредѣленной группѣ армянъ, а именно грамотеямъ и ученымъ, но отнюдь не цѣлому народу.

Этотъ примѣръ, по словамъ кн. Чавчавадзе, приводится въ „Археологическомъ Путешествіи“ Д. Бакрадзе. Дѣйствительно, въ этомъ сочиненіи почтеннаго грузинскаго археолога, на стр. 41, имѣются слѣдующія строки:

„Изъ артвинскихъ церквей, въ которыхъ богослуженіе совершается открыто и свободно, четыре новыя построены за 20 лѣтъ, принадлежатъ католикамъ, а одна большая, имѣвшая камень съ грузинскою надписью, обращена въ армянскую, послѣ спора армянъ съ трапезондскими греками, изъ которыхъ первые, припрятавъ камень съ надписью, присваивали себѣ церковь, греки же доказывали, что она, какъ грузинская, должна остаться въ распоряженіи ихъ единовѣрцевъ“... „Въ Бартѣ есть нѣсколько другихъ церквей и одна изъ нихъ нынѣ служитъ мечетью“.

Строки эти относятся къ 1873 г., написаны до присоединенія Артвинскаго округа къ Россіи, когда, слѣдовательно, въ этомъ городѣ господствовали турки. И вотъ въ это время владычества мусульманъ, когда христіанскіе храмы обращались въ мечети, армяне, оказывается, пользовались древнею церковью, имѣвшею, по словамъ артвинскихъ грековъ, одну единственную надпись. Претендентами на эту же церковь явились не потомки грузинъ, давно въ этомъ краѣ принявшіе магометанство, а трапезондскіе греки, которые ухватились за эту грузинскую надпись, какъ за доказательство принадлежности церкви христіанамъ православнаго исповѣданія. Д. Бакрадзе сообщаетъ лишь голый остовъ, наличность бывшаго спора изъ за церкви между греками и армянами, спора, разрѣшившагося, повидимому, въ пользу армянъ. Но Д. Бакрадзе не приводитъ рѣшительно никакихъ доказательствъ справедливости такихъ притязаній грековъ, очевидно, съ ихъ, грековъ, словъ передавая обвиненіе греками армянамъ въ утайкѣ грузинской надписи. Вѣдь надо думать, что греки свои претензіи сообщали не только г. Бакрадзе, но также до него и мѣстнымъ властямъ. Почему же по этому факту, въ разрисовкѣ кн. Чавчавадзе получившему такое ядовитое значеніе, Д. Бакрадзе не привелъ никакихъ иныхъ данныхъ, кромѣ голаго заявленія грековъ! Вѣдь должны же были быть по этому дѣлу данныя у турецкихъ властей? А что до турецкихъ властей долженъ былъ дойти этотъ споръ, явствуетъ изъ того, что, по словамъ грековъ армяне, припрятали надпись. Еслибы власти къ этому вопросу относились равнодушно, то, очевидно, не было надобности въ 1873 г. прятать грузинскую надпись. Наконецъ, почему не было выяснено, что говорятъ армяне по поводу этой греческой претензіи? Всего этого Д. Бакрадзе не счелъ

нужнымъ коснуться и безъ всякихъ колебаній пустилъ въ обращеніе никѣмъ не провѣренное, ничѣмъ не доказанное обвиненіе. Впрочемъ, мы не думаемъ, чтобы г. Бакрадзе придавалъ этому факту какое либо серьезное значеніе. Это скорѣе фактъ, записанный наскоро въ записную книжку и въ сыромъ же видѣ попавшій въ печать, просто какъ матеріалъ, подобно тому какъ тутъ же черезъ нѣсколько строкъ приводится сообщеніе о томъ, что въ округѣ много встрѣчается „зобатыхъ“.

Хотя и приведеннаго достаточно, чтобы убѣдиться, насколько осторожно слѣдовало бы пользоваться матеріаломъ, собраннымъ г. Бакрадзе, но для еще бо́льшаго убѣжденія въ этомъ, посмотримъ, что говоритъ въ этомъ отношеніи грузинскій профессоръ Цагарели. Говоря о сборникѣ г. Бакрадзе („Кавказъ въ древнихъ памятникахъ христіанства“, Тифлисъ, 1875, стр. 31), г. Цагарели замѣчаетъ, что „вообще этимъ сборникомъ г. Бакрадзе слѣдуетъ пользоваться съ большою осторожностью“. „Архитектурные стили въ немъ перемѣшаны, свѣдѣнія о памятникахъ сообщаются не хронологически, источниками авторъ пользуется безъ разбора и не всѣми доступными, встрѣчаются въ немъ пропуски, недосмотры и невѣрности. Такъ, напримѣръ, Бакрадзе, не видѣвши въ глаза древнѣйшаго фресковаго изображенія царицы Тамары, сохранившагося въ Бетанійскомъ храмѣ (около Тифлиса), даетъ описаніе невѣрное этого изображенія. А именно онъ пишетъ (стр. 20—21) „древняя живопись ея (Бет. церкви) еще сохраняетъ свои краски. Вправо отъ входа въ церковь на стѣнѣ особенно бросается въ глаза портретъ царицы Тамары во весь ростъ и въ царскомъ облаченіи, подносящей Божьей Матери модель церкви. Это тотъ самый портретъ, который скопированъ кн. Гагаринымъ и по приказанію бывшаго намѣстника Кавказа кн. Воронцова отлитографированъ въ Лондонѣ. Совершенно такой же портретъ я видѣлъ въ Вардзійскомъ монастырѣ“. Въ Вардзіи, дѣйствительно, имѣется такой портретъ, но въ Бетаніи, какъ и на снимкѣ кн. Гагарина, Тамара изображена иначе.... Я посѣтилъ Бетанію лѣтомъ 1877 года. Въ ноябрьской книжкѣ „Журн. Мин. Нар. Просв.“ я помѣстилъ статью, озаглавленную: „Изъ поѣздки въ Закавказскій край лѣтомъ 1877 г.“. Изъ описанія, помѣщеннаго въ этой статьѣ видно, „что Тамара никакой модели церкви не подноситъ Божьей Матери, а руки ея прямо обращены на возлѣ стоящаго мужчину (мужа) и что ея изображеніе находится не вправо отъ входа въ церковь, а влѣво или почти противъ входа, который имѣется только съ южной и съ западной стороны, а съ сѣверной стороны, на которой находится это фресковое изображеніе Тамары, нѣтъ никакого входа въ церковь и никакихъ дверей. По странной случайности, на другой же день послѣ моего возвращенія изъ Бетаніи въ Тифлисъ, я встрѣтилъ на улицѣ г. Бакрадзе вмѣстѣ съ другимъ археологомъ Д. П. Пурцеладзе и замѣтилъ ему, что его описаніе портрета Тамары не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Онъ нѣсколько смутился, но ничѣмъ не объяснилъ, отчего у него произошла такая ошибка“. (А. А. Цагарели „Свѣд. о памятн. груз. пис.“ т. I, вып. 3, стр. V и VI (примѣч.).

Этотъ отзывъ г. Цагарели мною приводится не для умаленія заслугъ почетнаго грузинскаго археолога и историка г. Бакрадзе, а исключительно для доказательства необходимости относиться съ большою осторожностью къ фактамъ, достовѣрность коихъ не провѣрена и не подтверждена тщательною историческою критикою.

Въ данномъ случаѣ значеніе этого факта еще бо-

лѣе умаляется тѣмъ, что наличность въ церкви грузинской надписи неизвѣстнаго содержанія не есть еще достаточное доказательство принадлежности церкви грузинамъ; мало ли о чемъ могла гласить такая надпись, разъ въ предѣлахъ Грузинскаго Царства многіе армяне могли говорить и писать по-грузински. Затѣмъ, если допустить даже, что въ прежнія времена этотъ Артвинскій храмъ былъ грузинскимъ, то на этомъ основаніи всетаки нельзя обвинять армянъ въ незаконномъ присвоеніи этого храма, потому что остается невыясненнымъ, сколько столѣтій тому назадъ грузины оставили свой храмъ, когда армяне заняли его, въ какомъ видѣ былъ храмъ во время его занятія армянами, какихъ трудовъ и жертвъ стоила его реставрація и въ какую груду однѣхъ развалинъ обратился бы древній грузинскій храмъ, если бы его не поддерживали армяне реставраціей.

Намъ представляется всего больше вѣроятнымъ, что армяне, переселившись въ Артвинъ, или жившіе издавна въ этомъ городѣ, послѣ принятія грузинами мусульманства, или послѣ ихъ ухода изъ Артвина, найдя здѣсь оставленный на произволъ судьбы древній грузинскій храмъ*), заняли его и затѣмъ въ теченіе ста— двухсотъ лѣтъ поддерживали этотъ храмъ постояннымъ попеченіемъ и что въ то время, когда изъ народной

*) Что въ такомъ предположеніи нѣтъ ничего невѣроятнаго, это видно изъ того, что даже такой храмъ, какъ монастырь Зарзма (Древн. Грузинскій) послѣ присоединенія нынѣшняго Ахалцихскаго уѣзда къ Россіи, служилъ мѣстнымъ жителямъ (мусульманамъ) конюшней для загона скота, въ какомъ видѣ монастырь этотъ и застала въ 1886 году графиня Уварова, которая и приказала тогда очистить монастырь, поручивъ надзоръ надъ нимъ одному мѣстному татарину. („Кавказъ", 1904 г. № 11, сообщеніе г. Такайшвили). По этому факту легко судить, какова была судьба древнихъ грузинскихъ христіанскихъ храмовъ въ предѣлахъ Турціи.

памяти совершенно изгладилось всякое воспоминаніе о томъ, кто были первоначальные строители храма, являются греки и, придравшись къ сохранившейся въ храмѣ грузинской надписи,—ad mojarem Dei gloriam—предложили армянамъ очистить для нихъ храмъ, сохраненный и сбереженный десяткомъ чередовавшихся поколѣній армянъ. Очевидно, на подобную претензію армяне должны были отвѣтить грекамъ, что вѣдь и они молятся въ этомъ храмѣ тому же Богу, а не оскверняютъ святого мѣста; что съ тѣхъ поръ какъ они себя помнятъ, церковь эта принадлежала имъ и никогда ни отъ кого, ни отъ самыхъ древнихъ стариковъ они не слыхали, чтобы эта церковь была чужая".

Споръ въ этомъ направленіи, какъ легко себѣ представить, могъ продолжаться весьма долгое время и, конечно, безъ всякаго результата, такъ какъ для турецкаго правительства совершенно безразлично, какого исповѣданія христіане владѣютъ тѣмъ или инымъ ненужнымъ имъ храмомъ. Для нихъ всѣ христіане равны, какъ „невѣрные". Полагаемъ, что подобныя претензіи трапезундскихъ грековъ дальше споровъ и личныхъ пререканій не могли бы пойти и, надо думать, что нынѣ въ Артвинѣ никого этотъ вопросъ и не безпокоитъ. Фактъ этотъ былъ сообщенъ греками археологу Бакрадзе и въ видѣ курьеза былъ занесенъ имъ въ его путевой дневникъ, безъ всякихъ комментаріевъ относительно систематическаго уничтоженія грузинскихъ памятниковъ исторіи армянскими учеными. Если бы г. Бакрадзе былъ одного „умоначертанія" съ кн. Чавчавадзе, то, конечно, онъ объ этомъ высказался бы довольно опредѣленно. Между тѣмъ, говоря о гибели многихъ грузинскихъ историческихъ памятниковъ, г. Бакрадзе приписывалъ эту гибель исключительно всесокрушающему времени и невѣжеству населенія и приводитъ много примѣровъ

такого невѣжества самаго грузинскаго населенія, не понимающаго цѣны этихъ памятниковъ.

Наконецъ, позволительно задать вопросъ, чѣмъ же доказывается, что такая грузинская надпись существовала въ Артвинской церкви? Развѣ для утвержденія этого факта достаточно заявленія одной и притомъ заинтересованной стороны? Думаемъ, что для обвиненія армянъ въ уничтоженіи грузинскихъ надписей слѣдовало хотя бы провѣрить какимъ либо путемъ то, что сообщено было артвинскими греками археологу г. Бакрадзе. Въ высокой степени невѣроятно, чтобы въ древнемъ храмѣ имѣлась бы одна единственная надпись, которую легко было бы уничтожить тѣмъ или инымъ путемъ. Насколько извѣстно, стѣны древнихъ храмовъ бываютъ обычно испещрены всякаго рода надписями, описанія которыхъ наполняютъ цѣлыя монографіи и книги. Не можетъ быть, чтобы въ Артвинскомъ храмѣ не сохранилось другихъ надписей, кромѣ той, которая, по словамъ грековъ, была уничтожена армянами. Ни г. Бакрадзе, повидимому, вполнѣ добродушно отнесшійся къ этому факту, ни даже кн. Чавчавадзе, построившій на нёмъ огромное зданіе тяжкихъ обвиненій, не задали себѣ труда провѣрить эту жалобу грековъ и изслѣдовать вопросъ на мѣстѣ.

Любопытно при этомъ отмѣтить, что обвиняя, огульно армянъ въ подобныхъ предосудительныхъ дѣйствіяхъ, самъ же кн. Чавчавадзе приводитъ вслѣдъ за этимъ одинъ общеизвѣстный фактъ, который совершенно инымъ образомъ характеризуетъ армянскихъ ученыхъ, по отношенію именно къ „спорному“ Чорохскому бассейну. Фактъ этотъ заключается въ томъ, что многіе историческіе памятники того же Чорохскаго бассейна обязаны своимъ сохраненіемъ никому иному, какъ армянскому монаху Саргсяну, который и описалъ ихъ подробно и,

слѣдовательно, болѣе, чѣмъ кто либо, заботился объ интересахъ исторической правды и о выясненіи прошлаго Чорохскаго бассейна. Эта заслуга армянскаго монаха Саргсяна передъ грузинской исторіей столь важная, что ее признаетъ самъ кн. Чавчавадзе, (ст. 28) казалось могла бы убѣдить всякаго, насколько армянскіе ученые чужды близорукаго патріотизма и заботливо охраняютъ историческую правду отъ намѣреннаго искаженія. Но ни этой заслуги, ни многихъ другихъ аналогичныхъ фактовъ, оказывается, недостаточно, чтобы успокоить свирѣпый гнѣвъ грузинскаго поэта. Нѣтъ, восклицаетъ кн. Чавчавадзе съ жаромъ, армяне похитили нарочно камень съ грузинскою надписью, чтобы отнять у грузинъ весь Чорохскій бассейнъ, чтобы селиться тамъ, гдѣ никогда не жили, чтобы приписать себѣ историческія заслуги грузинъ! И это говорится послѣ того, какъ армянинъ Саргсянъ больше всѣхъ потрудился надъ сохраненіемъ грузинскихъ надписей того же самаго Чорохскаго бассейна. Всѣ цѣнныя работы этого армянина по грузинской археологіи не разсѣяли нелѣпой легенды, пущенной въ обращеніе артвинскими греками. Сотни собранныхъ и сбереженныхъ армяниномъ надписей не перевѣсили одного камня, якобы, пропавшаго изъ Артвинской церкви. Кн. Чавчавадзе даже упускаетъ изъ виду, что какое бы объясненіе ни давать этому факту—пропажи одной надписи изъ Артвинской церкви,—и въ историческомъ отношеніи онъ ровно ничего не можетъ доказывать. Сохранилась бы эта надпись въ Артвинской церкви, перешла бы эта церковь въ руки благочестивыхъ трапезундскихъ грековъ или нѣтъ, — для выясненія вопроса о томъ, былъ ли Чорохскій бассейнъ когда либо одною изъ провинцій древней Арменіи — все это совершенно безразлично, потому что, по словамъ самого же кн. Чав-

чавадзе, весь Чорохскій бассейнъ полонъ множествомъ подобныхъ грузинскихъ историческихъ памятниковъ, которыхъ не только нѣтъ никакой возможности уничтожить, но которые собраны и описаны трудами самихъ армянъ.

Поэтому для армянскихъ ученыхъ не могло быть, какъ выражается кн. Чавчавадзе, „разсчета“ утаивать грузинское прошлое Артвинской церкви, а, слѣдовательно, фактъ этотъ долженъ быть исключенъ изъ числа доказательствъ систематической фальсификаціи исторіи армянскими учеными.

Второй примѣръ изъ разсматриваемой категоріи фактовъ заключается въ слѣдующемъ:

„Въ началѣ 60-хъ годовъ, разсказываетъ кн. Чавчавадзе со словъ г. Никольскаго*), о. Месропъ, тогда еще простой монахъ, вычитавъ изъ сочиненій мхитаристовъ, что тамъ, гдѣ въ настоящее время обитаютъ армяне, существуютъ клинообразныя надписи... сталъ ихъ искать и открылъ шесть или восемь надписей; снявши ихъ, онъ послалъ ихъ черезъ профессора Патканова ученымъ... Мордтману, Сэйсу и Мюллеру. (Стр. 109, 110)“. Въ числѣ надписей, найденныхъ г. Месропомъ, по словамъ г. Никольскаго, есть одна, подъ № XV, найденная вблизи мѣстности, называемой „Захалу“. Снимокъ съ этой надписи былъ помѣщенъ въ газетѣ „Араратъ“ (стр. 53, 1883 г.), издававшейся въ Эчміадзинѣ. По поводу этой надписи г. Никольскій пишетъ, что „снимокъ съ нея (съ захалусской надписи), помѣщенной въ „Араратѣ“, представляетъ текстъ въ такомъ изуродованномъ видѣ, что знаки даже почти не напоминаютъ знаковъ ванскаго письма. Можно догадываться, что снимавшій надпись намѣренно хотѣлъ

*) Сдѣлана ссылка на статью г. Никольскаго въ т. I „Древности Восточныя“, изд. Им. Москов. Археол. Общества. 1893 г.

придать знакамъ сходство по формѣ со знаками персидскихъ надписей Ахаменидовъ, воображая, что онѣ одинаковаго или родственнаго происхожденія“. („Древн. Восточн.“ Т. I стр.380), (стр. 111).

Этотъ фактъ искаженія клинообразной надписи, приписываемый Никольскимъ желанію придать имъ сходство по формѣ со знаками персидскихъ надписей Ахаменидовъ, вызванному „воображеніемъ“, что онѣ одинаковаго или родственнаго происхожденія,—слѣдовательно, фактъ, свидѣтельствующій о невѣжествѣ снимавшаго надпись,—быть можетъ, вовсе и не о. Месропа, — въ разсматриваемомъ отношеніи, — въ глазахъ кн. Чавчавадзе получаетъ совсѣмъ особое, чрезвычайное значеніе, какъ примѣръ производимой армянами фальсификаціи исторіи. Указывая, что для истиннаго ученаго имѣетъ важное значеніе, что ванскія (клинообразныя) надписи относятся къ до-ахаменидской эпохѣ, а армяне лишь во время Ахаменидовъ появились въ Арменіи, до того же ихъ тамъ не было, — кн. Чавчавадзе полагаетъ, что такое искаженіе одной надписи подъ № XV, найденной о. Месропомъ, можетъ служить доказательствомъ, что надписи относятся не къ эпохѣ ассирійской, а къ эпохѣ Ахаменидовъ. Если-бы эти надписи относились къ ассирійской эпохѣ, т. е. къ тому времени, когда въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ эти надписи найдены, не было помину объ армянахъ, они не такъ легко могли-бы присвоить ихъ — не могли-бы утверждать, что въ нихъ повѣствуется ихъ исторія. А если-бы онѣ оказались принадлежащими къ эпохѣ Ахаменидовъ, тогда они легко могли-бы соткать изъ фальсификаціи паутину для присвоенія чужого имени и исторіи и никто не могъ-бы возражать имъ: „Васъ еще не было, когда появились эти надписи“.

Какъ мы видимъ, этотъ фактъ намѣреннаго иска-

женія армянами исторіи приводится со словъ археолога г. Никольскаго. Собственно говоря, на немъ и должна была-бы лежать нравственная обязанность дать своимъ словамъ то освѣщеніе, которое они могли имѣть, чтобы этимъ снять съ архіепископа Месропа незаслуженный имъ упрекъ. Но надо думать, брошюра кн. Чавчавадзе до г. Никольскаго нескоро дойдетъ. Посему для выясненія истиннаго взгляда г. Никольскаго на характеръ археологическихъ работъ о. Месропа намъ придется привести изъ его статьи „Клинообразныя надписи ванскихъ царей, открытыя въ предѣлахъ Россіи“ болѣе пространныя выдержки.

Вотъ что въ дѣйствительности пишетъ г. Никольскій объ о. Месропѣ и вообще объ участіи армянъ въ собираніи клинообразныхъ надписей.

„Такъ называемыя ванскія клинообразныя надписи находятся главнымъ образомъ въ городѣ Ванѣ и его окрестностяхъ. Онѣ были сняты въ первый разъ въ 1827 году Э. Шульцемъ... Послѣдующія поѣздки Леярда (1850), Нерсеса Саркесіана (1864), Рассама (1877) значительно пополнили и исправили матеріалъ, собранный Шульцемъ, но до сего времени свѣдѣнія и снимки Шульца составляютъ главнѣйшій источникъ для научнаго изслѣдованія ванскихъ надписей“.

Просимъ прежде всего замѣтить имя Нерсеса Саркесіана, армянскаго ученаго, который на ряду съ другими учеными содѣйствовалъ значительному пополненію матеріаловъ по ванскимъ надписямъ. Никольскій не говоритъ объ искаженіи ими этихъ надписей. Слѣдовательно, вотъ еще одинъ примѣръ вполнѣ и безспорно добросовѣстнаго отношенія къ этимъ надписямъ. Далѣе Никольскій продолжаетъ:

„Въ предѣлахъ Россіи честь открытія большей части этихъ надписей безспорно принадлежитъ армяно-

григоріанскому архіепископу Месропу Сумбатянцу, въ настоящее время начальнику Шемахинской эпархіи. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, еще будучи вардапетомъ, или простымъ монахомъ, Месропъ прочелъ въ трудахъ нѣкоторыхъ мехитаристовъ, что на территоріи, занимаемой въ нынѣшнее время армянами, находятся клинообразныя надписи, и задался мыслію собрать эти надписи въ русской Арменіи, полагая, что онѣ имѣютъ ближайшее отношеніе къ исторіи Арменіи въ ея древнѣйшій періодъ. Его труды увѣнчались успѣхомъ; если не всѣ надписи найдены имъ самимъ, то все-таки— большая часть; но всѣ безъ исключенія имъ обслѣдованы, скопированы и за небольшими исключеніями изданы. Органомъ для изданія надписей онъ сначала избралъ издававшійся въ Москвѣ въ шестидесятыхъ годахъ г. Мсеріанцемъ журналъ на армянскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ „Русскій Вѣстникъ“, а затѣмъ мѣстный издающійся въ Эчміадзинѣ армянскій журналъ „Араратъ“. Снимки его были крайне неудачны, но они доходили до свѣдѣнія западныхъ ученыхъ, спеціально занимавшихся ванскими надписями, какъ-то: Мордтманъ, Сэйса, Мюллеръ, тщательно изслѣдовались, при чемъ посредствующимъ звеномъ въ дѣлѣ передачи этихъ надписей западнымъ ученымъ и ознакомленія съ ними западнаго ученаго міра служилъ покойный профессоръ К. П. Паткановъ, также вѣрившій въ армянское происхожденіе этихъ надписей. Только въ сравнительно недавнее время о. Месропъ прибѣгъ къ фотографическому способу сниманія надписей, открывъ для сего свою фотографію; къ сожалѣнію, этимъ способомъ онъ воспользовался въ крайне ограниченной степени, но эти снимки составляютъ самый лучшій матеріалъ, какой мы имѣемъ по ванскимъ надписямъ. У насъ въ Россіи извѣстно было объ этихъ надписяхъ и о дѣятельности въ дѣлѣ ихъ от-

крытія Месропа изъ краткой статьи Патканова: „О клинообразныхъ надписяхъ“. Избранный въ нынѣшнемъ (1892 г.) членомъ Московскаго Археологическаго Общества, архіепископъ Месропъ прислалъ Обществу снимки со всѣхъ найденныхъ имъ надписей и краткія свѣдѣнія объ ихъ открытіи. Этотъ матеріалъ даетъ возможность въ бóльшей точности и полнотѣ представить отчетъ объ открытыхъ у насъ надписяхъ и доставляетъ намъ поводъ подвергнуть какъ текстъ этихъ надписей, такъ равно и выработанныя наукою относительно ихъ соображенія новой ревизіи, тѣмъ болѣе, что среди надписей, присланныхъ Месропомъ, имѣются такія, которыя не были еще нигдѣ изданы“. (378, 379). Вотъ какую въ общемъ лестную аттестацію даетъ Никольскій трудамъ армянскаго монаха Месропа. Конечно, общее вполнѣ добросовѣстное отношеніе къ дѣлу не исключаетъ крупныхъ промаховъ и ошибокъ, въ особенности въ началѣ дѣла, когда отличительный характеръ ванскихъ надписей еще не былъ выясненъ и могъ-бы быть поэтому неизвѣстенъ и монаху Месропу. Такіе промахи и недостатки оказались и въ снимкахъ о. Месропа и г. Никольскій, описывая подробно всѣ эти надписи, указываетъ на всѣ эти недостатки. Изъ описаній, сдѣланныхъ г. Никольскимъ, видно, что огромное большинство снимковъ оказалось достаточно удовлетворительными и только нѣсколько были сняты плохо, по неумѣлости тѣхъ, кто дѣлалъ снимки, либо потому, что снимавшій не очищалъ клинописей отъ покрывавшаго ихъ мха и только по отношенію къ одной, захалусской надписи, было высказано предположеніе о намѣренномъ искаженіи снимка, объясняемомъ г. Никольскимъ тѣмъ, что снимавшій надпись ошибочно принималъ эти ванскія клинообразныя надписи за другія клинообразныя надписи, относящіяся

къ періоду персидскихъ Ахаменидовъ. Разница между ахеменидскими и ванскими надписями не столь велика, чтобы подобное смѣшеніе не могло явиться результатомъ невѣжества снимавшаго надпись и должно было быть обязательно продиктовано желаніемъ исказить эти надписи, чтобы отнести ихъ къ армянской исторіи. Очевидно, и самъ о. Месропъ сознавалъ возможность грубыхъ искаженій при срисовываніи надписей, такъ какъ, чтобы устранить эти промахи, онъ въ послѣдующемъ фотографичеки снималъ надписи. Это-ли не достаточное доказательство совершенно научнаго безпристрастія и объективности о. Месропа?!

Чтобы убѣдиться еще болѣе въ такихъ качествахъ о. Месропа, какъ ученаго, мы приводимъ выдержки изъ описаній г. Никольскаго всѣхъ надписей, собранныхъ почти исключительно о. Месропомъ и тогда само собою выяснится, какъ эти ничтожные промахи тонутъ въ цѣломъ морѣ добросовѣстнаго труда. Вотъ описанія этихъ снимковъ:

I. Надпись близъ с. Ташбурунъ. Надпись эта была найдена и издана первоначально Кастнеромъ въ 1864 году. Архіеп. Месропъ Сумбатянцъ снялъ съ своей стороны эту надпись и помѣстилъ въ армянскомъ журналѣ „Араратъ“ 1870 г. и, кромѣ того, она была издана и Мартмономъ. Снимки Кастнера и Месропа оказались крайне неудачными. Въ послѣднее время архіеп. Месропъ прислалъ въ Московское Археологическое Общество двѣ фотографіи, но онѣ также неудачны, въ особенности плохо вышла лѣвая сторона; надпись требуетъ предварительной очистки отъ покрывающаго ее мха для сниманія. (Стр. 419—420).

II. Тоже близъ с. Ташбурунъ. Найдена Айрапетомъ Макердьяномъ въ 1886 г. Архіеп. Месропъ снялъ съ нея копію и препроводилъ проф. Патканову, а тотъ въ свою очередь ее проф. Д. Н. Müller'у въ Вѣнѣ, который и издалъ ее. Новая копія архіеп. Месропа, присланная въ Московское Археологическое Общество, имѣетъ небольшія поправки сравнительно съ прежнею. Надпись значительно

повреждена съ обоихъ боковъ, но особенно пострадалъ низъ ея, гдѣ имѣется большая пробоина. (Стр. 423).

III. Тоже близъ сел. Ташбурунъ. Въ 1888 году около Ташбурунъ архіепископъ Месропъ Сумбатянцъ нашелъ клинообразную надпись, по числу 3-ю. въ этомъ мѣстѣ. Для снятія послѣдней надписи арх. Месропъ послалъ своего секретаря г. Паразнуни; копія его была препровождена въ Московское Археологическое Общество. До сего времени она не была нигдѣ опубликована. Надо отдать честь г-ну Паразнуни, его снимокъ—лучшій изъ всѣхъ принадлежащихъ арх. Месропу, такъ что почти не оставляетъ желать ничего лучшаго. Надпись значительно попорчена... (425).

IV. Въ дер. Газанчи. Камень съ надписью найденъ въ 1886 году въ Сурмалинскомъ округѣ въ деревнѣ Газанчи, населенной персіанами, на правомъ берегу Аракса... Снимокъ съ нея былъ напечатанъ архіеп. Месропомъ въ 1886 году въ „Араратѣ"; проф. Паткановъ перепроводилъ его проф. Мюллеру въ Вѣну, который съ своей стороны и издалъ его въ „Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes". (427).

V. Ганлиджа. Надпись вырѣзана на скалѣ къ сѣверовостоку отъ деревни Ганлиджа (Калинджа) въ 8 верстахъ отъ Александрополя (на сѣверо-западъ). Первоначально она была найдена и снята академикомъ Кастнеромъ въ 1882 году и издана въ „Bulletin de l'academie de St. Petersbourg" X. V, p. 428—435...

Проф. Паткановъ имѣлъ подъ руками фотографію съ этой надписи, снятую художникомъ Куркчьянцомъ, и скопировалъ съ нея свой снимокъ въ статьѣ: „О клинообразныхъ надписяхъ ванской системы, открытыхъ въ предѣлахъ Россіи"—(„Журн. Мин. Нар. Просв.", 1883 г. прилож. III). Гдѣ находится эта фотографія—неизвѣстно. Это самая сѣверная изъ надписей, найденныхъ въ предѣлахъ Россіи... (428).

VI. Эларъ. Эта надпись по времени первая была найдена архіеп. Месропомъ изъ числа открытыхъ въ предѣлахъ Россіи, именно въ 1862 году, около деревни Эларъ (на десятиверстной картѣ Эйляръ) на первой станціи по дорогѣ изъ Эривани въ Тифлисъ. По словамъ архіеп. Месропа, она вырѣзана на скалѣ, которая настолько наклонилась къ землѣ, что нужно подползти подъ нее для сниманія надписи. Въ первый разъ она издана была въ московскомъ армянскомъ журналѣ „Русскій Вѣстникъ", въ 1863 г. № 53. У

Мордтмана стр. 510, № 31. Снимокъ оказался весьма неудачнымъ; хорошій снимокъ, вѣроятно, съ фотографіи приложенъ къ статьѣ Патканова прилож. № I, Сэйсъ № XXXVI... Холмъ, на которомъ сохранилась клинопись, принадлежитъ помѣщику Агамалову. Надпись покрыта мхомъ (430).

VII. Кулиджанъ. Надпись находится на скалѣ близъ деревни Кулиджанъ, на сѣверо-западъ отъ горы Алагеза. Открыта и снята г. Арутьяномъ, который сообщилъ копію съ нея архіеп. Месропу. Черезъ проф. Патканова эта копія была передана проф. Сэйсу, который помѣстилъ транскрипцію и переводъ въ „Muséon'ѣ" (1884, avril), а затѣмъ въ своемъ мемуарѣ подъ № LXI. Помѣщенный нами текстъ снятъ съ собственноручной копіи архіеп. Месропа, присланной въ Московское Археологическое Общество (431).

VIII. Ордаклу. Надпись найдена на скалѣ на сѣверозападномъ берегу Гокчайскаго озера, близъ деревни Ордаклу. Неподалеку находятся развалины древней крѣпости. О. Месропъ издалъ ее въ „Араратѣ", 1883 г. стр. 354—355. Проф. Паткановъ препроводилъ этотъ снимокъ проф. Сэйсу, который помѣстилъ переводъ въ „Muséon'ѣ" (1884 avril)... Снимокъ, какъ онъ напечатанъ въ „Араратѣ", весьма неудовлетворителенъ. Собственноручный снимокъ архіеп. Месропа, присланный имъ въ Московское Археологическое Общество, нѣсколько точнѣе прежняго. А. С. Хахановъ доставилъ новый фотографическій снимокъ, къ сожалѣнію, хорошо вышли только три послѣднія строки, верхняя же часть, содержащая болѣе важныя данныя, вышла крайне неотчетливо (433).

IX. Сардарабадъ. Надпись эта открыта лѣтомъ нынѣшняго (1892 г.) года въ мѣстечкѣ Сардарабадъ, въ верстахъ 5 отъ Блура (Армавира), на сѣверъ (въ 30 верстахъ) отъ Эривани, на маслобойномъ заводѣ г. Аветиса. Архіеп. Месропъ прислалъ въ Московское Археологическое Общество фотографію этой надписи и сообщилъ о томъ, что въ настоящее время она находится въ Эчміадзинѣ вмѣстѣ съ другими 6 надписями. Другой фотографическій снимокъ былъ доставленъ А. С. Хахановымъ. Кѣмъ и при какихъ обстоятельствахъ была открыта надпись — неизвѣстно. Тотчасъ по открытіи снимокъ съ нея былъ посланъ проф. Сэйсу, который опубликовалъ переводъ надписей въ тифлисской армянской газетѣ „Мшакъ", № 95 (22 авг. 1892 г.)...

Снимокъ, помѣщенный въ „Мшакѣ“, крайне неудовлетворительный. (435—436).

X и XI. Блуръ (Армавиръ). Надпись первоначально была вырѣзана на одномъ цѣльномъ камнѣ, но впослѣдствіи онъ былъ разбитъ на нѣсколько частей. Одинъ камень съ частью надписи (X) былъ найденъ въ 1869 году архіеп. Месропомъ у подножія холма Блура (на юго-западъ отъ Эчміадзина въ верстахъ 25), близъ сел. Топадиби, въ мѣстности, которую нынѣшніе армяне отожествляютъ съ древнею армянскою столицей Армавиромъ.

Камень... въ настоящее время находится въ Эчміадзинѣ. Надпись была издана первоначально въ „Араратѣ“, въ 1869 г., стр. 138. Проф. Паткановъ и съ этой надписи имѣлъ фотографію художника Куркчянца, съ которой онъ снялъ свой снимокъ. Другой камень (XI) былъ открытъ тутъ же по близости около Блура.

Снимокъ съ надписи въ 1886 г. былъ помѣщенъ архіепископомъ Месропомъ въ „Араратѣ“ и въ томъ же году проф. Паткановъ сообщилъ копію съ нея проф. Мюллеру въ Вѣнѣ, который и издалъ ее вмѣстѣ съ другими двумя надписями (440). Въ настоящее время архіеп. Месропъ прислалъ въ Московск. Археолог. Общество фотографію № XI. Текстъ обоихъ камней представляетъ большія трудности для пониманія по своей фрагментарности и немалому числу словъ, не встрѣчающихся въ другихъ текстахъ. Переводъ проф. Сэйса, насколько могу судить, весь основанъ на догадкахъ. (441).

XII. Блуръ (Армавиръ). Камень найденъ архіеп. Месропомъ при подошвѣ Блура къ западу. По сказаніямъ старожиловъ, онъ, будто бы, свалился съ высокой и толстой стѣны башни, находящейся на холмѣ. Надпись издана въ „Араратѣ“ 1883 г., стр. 242—243. Профессоръ Паткановъ сообщилъ ее Сэйсу, который издалъ транскрипцію и переводъ въ „Muséon'ѣ“, II,3 (1883) и затѣмъ въ своемъ мемуарѣ подъ № XV. Въ настоящее время архіеп. Месропъ прислалъ въ Москов. Археолог. Общество очень хорошую фотографію этой надписи (т. об. XIII). Это самая лучшая изъ всѣхъ надписей, найденныхъ въ предѣлахъ Россіи, она сохранилась въ цѣльности и знаки ея не пострадали. (444).

XIII и XIV. Блуръ (Армавиръ). Оба камня найдены были архіеп. Месропомъ при случайныхъ раскопкахъ на

сѣверозападъ отъ Блура, близъ сел. Моллабаязетъ; вмѣстѣ съ ними былъ найденъ и третій камень, но надпись на немъ нечитаема. Всѣ три надписи помѣщены были въ армянскомъ журналѣ „Араратъ“ 1881 г. стр. 604, 606. Проф. Паткановъ напечаталъ отчетъ объ нихъ въ „Museon'ѣ“ I, 4 (1882)... Въ томъ же году проф. Паткановъ помѣстилъ въ „Журн. Мин. Нар. Просв.“ новый снимокъ по фотографіи, присланной ему архіеп. Месропомъ“... Въ настоящее время мы имѣемъ также отъ архіеп. Месропа хорошую фотографію обѣихъ надписей, на которой и основываемся въ своемъ отчетѣ. (447).

XV. Захалу. Камень съ надписью найденъ былъ въ деревнѣ Захалу на юго-восточномъ берегу Гокчайскаго озера въ 1883 году и въ томъ же году снимокъ съ надписи опубликованъ былъ архіепископомъ Месропомъ Сумбатянцомъ въ „Араратѣ“ (1883 г. стр. 53), но снимокъ оказался настолько дуренъ, что почти ни одинъ знакъ даже не напоминаетъ характера ванскихъ письменъ. Можно догадываться, что снимавшій эту надпись намѣренно хотѣлъ представить ванскіе знаки похожими на знаки древне-персидскихъ клинообразныхъ надписей и съ этою цѣлью ихъ исказилъ, воображая, что онѣ одинаковаго или родственнаго происхожденія.

Понятно, что ни проф. Сэйсъ и никто другой не могъ воспользоваться этимъ снимкомъ для научныхъ изслѣдованій, и опубликованіе его въ этомъ видѣ было безполезно.

Въ настоящее время (слѣд. въ 1893 г.) архіеп. Месропъ прислалъ въ Московское Археологическое Общество новый снимокъ; онъ также весьма неудовлетворителенъ, но не изуродованъ намѣренно) и по немъ можно все-таки возстановить большую часть текста (449). Въ рукописи Месропа помѣщенъ новый и гораздо болѣе вѣрный*, хотя крайне неудовлетворительный, снимокъ (380).

XVI. Атамханъ. Надпись открыта въ 1863 г. архіеп. Месропомъ на юго-западномъ берегу Гокчайскаго озера, въ 20 верстахъ къ востоку отъ города Ново-Баязета, близъ деревни Атамханъ.... Снимокъ первоначально былъ помѣщенъ въ московскомъ армянскомъ журналѣ „Русскій Вѣст-

---

*) Строки относятся къ 1893 г. Изъ этого видно, что о. Месропъ до 1893 г., слѣдовательно до статей кн. Чавчавадзе, представилъ новый неискаженный снимокъ.

никъ“, 1863, № 53, вмѣстѣ съ другими двумя надписями (Аличалу и Эларъ) былъ также воспроизведенъ Мордтманомъ въ „Zeitsch. der Deutsch. Morgenländischen Gesellschafft.“ № XLV., стр. 624, но снимокъ этотъ крайне неудаченъ. Общество любителей Кавказской Археологiи помѣстило довольно хорошiй фотографическiй снимокъ въ своихъ запискахъ 1875 г. табл. 3. Автографическiй снимокъ проф. Патканова, повидимому, основанъ на той же фотографiи... (451).

XVII. Блуръ (Армавиръ). Камень, на которомъ вырѣзана надпись, найденъ около Блура на землѣ Айрапета Мекиртчьяна въ 1885 г. при случайныхъ раскопкахъ. По словамъ архiеп. Месропа, камень этотъ чисто отполированъ и надпись вырѣзана весьма изящно. Изданный въ „Араратѣ“, 1886 г. стр. 25 снимокъ былъ посланъ проф. Паткановымъ проф. Сэйсу, который издалъ транскрипцiю и переводъ въ („Muséon'ѣ“ V, 3, Juin, 1886 и въ мемуарахъ своихъ подъ № IX (452).

Надпись Аличалу (не помѣщена въ спискѣ) въ 19 строкъ, одна изъ самыхъ большихъ, была открыта Месропомъ раньше другихъ, именно въ 1869 году. Она вырѣзана на скалѣ, находящейся надъ прибоемъ волнъ, и снимать ее можно было только на лодкѣ и притомъ съ нѣкотораго разстоянiя. Снимокъ съ нея, помѣщенный въ 1863 г. въ армянскомъ московскомъ журналѣ „Русскiй Вѣстникъ“ (№ 53), вышелъ крайне неудаченъ; въ немъ нельзя разобрать ни одной полной фразы. Къ сожалѣнiю, до сего времени новаго и лучшаго снимка сдѣлано не было... (379).

Говоря объ армянскихъ ученыхъ, кн. Чавчавадзе замѣчаетъ, что „настаивая на своемъ, они стараются замалчивать все, что не входитъ въ ихъ разсчеты, хотя-бы это была неопровержимая истина“. (Стр. 111). Пусть безпристрастный читатель сопоставитъ теперь всю обширную дѣятельность о. Месропа и данный о ней г. Никольскимъ отзывъ съ тѣмъ, что приписываетъ ему кн. Чавчавадзе и судитъ самъ, къ кому изъ нихъ— къ о. Месропу или къ самому кн. Чавчавадзе—болѣе примѣнимъ упрекъ въ замалчиванiи чужихъ заслугъ „по разсчету“.

Читатель могъ убѣдиться, что о. Месропъ съ своей стороны сдѣлалъ все, оказавшееся ему по силамъ, чтобы обогатить науку возможно вѣрными снимками съ клинописей, найденныхъ имъ въ предѣлахъ Россiи, и въ огромномъ большинствѣ его снимки не искажены и считаются лучшими изъ имѣющихся. Мало того, замѣчанiя о намѣренномъ искаженiи снимка относятся только всего къ одной надписи изъ числа 15, которыя были отысканы или списаны о. Месропомъ. При этомъ относительно именно этой злополучной надписи у г. Никольскаго нѣтъ указанiй, кто списывалъ ее и допустилъ ея искаженiе. Роль-же самого о. Месропа по отношенiю къ этой надписи первоначально сводилась къ опубликованiю доставленнаго ему снимка, а впослѣдствiи—къ доставленiю вторичнаго снимка и притомъ уже безъ всякихъ слѣдовъ намѣреннаго искаженiя*).

Какъ же поступилъ кн. Чавчавадзе съ такимъ труженикомъ науки? Изъ всей работы о. Месропа онъ вырываетъ всего одинъ неудачный и неизвѣстно кѣмъ и почему искаженный снимокъ, умалчивая о пятнадцати вполнѣ добросовѣстно исполненныхъ снимкахъ, сдѣланныхъ тѣмъ же о. Месропомъ; о вполнѣ благопрiятной общей характеристикѣ его дѣятельности, данной г. Никольскимъ; объ избранiи о. Месропа,—надо думать, за его ученыя заслуги,—въ члены Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества и, наконецъ о томъ, что самъ-же о. Месропъ, задолго до изо-

*) Хотя нѣкоторые изъ сдѣланныхъ о. Месропомъ снимковъ отличались недостаткомъ исполненiя, но эти недостатки объясняются исключительно неудовлетворительностью самой техники полученiя такихъ снимковъ, недостаточно внимательнымъ срисовыванiемъ надписей, которыя притомъ предварительно не очищались отъ покрывавшаго ихъ мха. Для устраненiя этихъ причинъ о. Месропъ, какъ мы видѣли, сталъ прибѣгать даже къ помощи фотографическаго аппарата.

бличеній кн. Чавчавадзе, представилъ новый снимокъ злополучной захолусской надписи безъ всякихъ слѣдовъ намѣренныхъ искаженій; умалчивая обо всемъ этомъ,—онъ ставитъ этого почтеннаго дѣятеля въ разрядъ фальсификаторовъ исторіи, способныхъ искажать и подтасовывать историческія данныя въ угоду тупому и узкому патріотизму!

На этотъ разъ мы не можемъ оправдать подобнаго извращенія истины незнакомствомъ кн. Чавчавадзе съ трудами о. Месропа. Судя по всему, со статьей г. Никольскаго, въ которой описаны труды о. Месропа, кн. Чавчавадзе былъ знакомъ въ подлинникѣ и читалъ внимательно. Здѣсь уже мы имѣемъ не легкомысленнаго фельетониста, гдѣ-то что-то уловившаго на лету и принявшагося на свой ладъ трезвонить въ газетахъ разныя небылицы. Здѣсь князь Чавчавадзе выступаетъ уже въ роли знатока-спеціалиста литературы, мало кому доступной. Но какимъ злымъ цѣлямъ подчинены эти знанія и спеціальныя свѣдѣнія, надо думать, стоившія кн. Чавчавадзе не малыхъ трудовъ?! И вотъ вамъ результаты: снова оправдалась мудрая грузинская поговорка, что „у лжи ноги коротки“.

Заканчивая эту главу о фальсификаціи историческихъ памятниковъ, намъ остается разсмотрѣть еще одинъ курьезный примѣръ, приводимый кн. Чавчавадзе въ подтвержденіе разсматриваемаго обвиненія и притомъ въ особенно торжественной обстановкѣ, окруженный знаменитыми учеными именами.

Говоря о томъ, что, и по словамъ проф. Серебрякова, армянскіе ученые присваиваютъ себѣ чужой трудъ, кн. Чавчавадзе замѣчаетъ:

„Чего было покойному Серебрякову удивляться подобному поступку армянскаго ученаго? Это порокъ не новый, а еще изстари присущій армянскимъ грамотеямъ... Послушаемъ такихъ свидѣтелей, какъ Ленорманъ и Генрихъ Раулинсонъ, и увидимъ, что переиначиваніе и присваиваніе чужого, подчистка и подскабливаніе надписей на памятникахъ, захваты чужихъ мѣстъ и прочія подобныя добродѣтели съ давнихъ временъ были качествами армянъ и что съ давнихъ же временъ они были знакомы съ этими художествами“. (98).

При упоминаніи такихъ крупныхъ именъ, какъ Ленорманъ и Раулинсонъ, невольно мысль настраивается на серьезный ладъ и подготовляется познакомиться съ какими-нибудь, дѣйствительно, крупными фактами, изобличающими армянъ въ этихъ гадкихъ дѣяніяхъ, вродѣ подскабливанія и подчистки надписей на памятникахъ. Что-же оказывается, однако? Вотъ, дѣйствительно, если когда и получалась невообразимо смѣшная исторія, такъ именно теперь. Посмотримъ въ самомъ дѣлѣ, о какихъ фактахъ говорятъ эти знаменитые ученые въ цитатахъ, приводимыхъ кн. Чавчавадзе. Вотъ эти цитаты, относящіяся къ вопросу о родствѣ урартійцевъ съ армянами.

„На основаніи вышеприведенныхъ фактовъ,—говоритъ Ленорманъ,—я вынужденъ высказать тоже самое, что и Генрихъ Раулинсонъ: „языкъ урарту“ не имѣетъ никакого родства съ настоящимъ гайосскимъ языкомъ... Гайосы, выходцы изъ Фригіи, постепенно заняли возвышенныя мѣста, лежащія къ востоку отъ Фригіи, откуда они вытѣснили часть древнихъ урартійцевъ, часть-же поглотили, и ихъ названія, вѣру, языкъ и преданія замѣнили своими“ *) (98).

---

*) Ту же мысль высказываетъ и проф. Анучинъ, замѣчая, что армянамъ удалось занять страну (нынѣшнюю Арменію) лишь послѣ долгой и упорной борьбы съ племенемъ урарту или понтійскими халдами,—племенемъ, языкъ котораго еще не выясненъ, но есть нѣкоторыя основанія предполагать въ нихъ прародичей картвельскаго или грузинскаго племени. („Брат. пом. арм.“, стр. 361 2-е изд., цитата на стр. 116 у кн. Чавчавадзе).

Не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію, что оба автора имѣли въ виду сказать этимъ, что $2^1/_2$ тысячи лѣтъ тому назадъ арійцы-армяне, выйдя изъ Фригіи, завоевали страну Урарту и, подчинивъ себѣ и своей культурѣ народъ урартійскій, частью ассимилировали, частью-же вытѣснили ихъ въ другія мѣста. Къ этому историческому факту, какъ и ко множеству подобныхъ-же фактовъ завоеванія однимъ народомъ территоріи другого народа и его поглощенія побѣдителями, которыми полна вся всемірная исторія, — рѣшительно непримѣнимъ этическій критерій, служащій для оцѣнки современныхъ международныхъ отношеній. Вѣдь иначе пришлось-бы признать, что и грузинскій народъ каждый разъ, когда завоевывалъ какую-либо новую страну и тѣмъ или инымъ путемъ ассимилировалъ побѣжденный народъ, то совершалъ въ исторіи подлогъ, присваивалъ себѣ чужое, переиначивалъ исторію,—словомъ былъ самъ виновенъ во всѣхъ тѣхъ предосудительныхъ дѣйствіяхъ, въ которыхъ кн. Чавчавадзе, опираясь на авторитетъ знаменитостей, обвиняетъ армянъ VI вѣка до Рождества Христова. Очевидно, съ такою оцѣнкою наиболѣе блестящихъ историческихъ періодовъ Грузіи и самъ кн. Чавчавадзе не согласится, такъ какъ онъ въ той-же брошюрѣ съ особенною и и притомъ совершенно справедливою гордостью вспоминаетъ, между прочимъ, заслуги царя Ираклія II, покорившаго Эриванское ханство и державшаго это ханство въ вассальныхъ къ себѣ отношеніяхъ. Поэтому надо думать, если-бы не армяне побѣдили и поглотили урартійцевъ, а наоборотъ—урартійцы покорили-бы и ассимилировали армянъ на ихъ первоначальной родинѣ во Фригіи, то такой „проступокъ“ урартійцевъ, такой ихъ „захватъ“ и „присвоеніе“ чужого, навѣрное, было-бы кн. Чавчавадзе превознесено до небесъ, какъ проявленіе могущества и мужества предковъ грузинъ-урартійцевъ. По этому пути, однако, мы не послѣдуемъ за кн. Чавчавадзе, и отнюдь не станемъ восторгаться доблестями нашихъ предковъ, которые 2.500 лѣтъ тому назадъ побѣдили урартійцевъ и въ предѣлахъ ихъ прежняго разселенія такъ совершенно поглотили этотъ народъ, что въ настоящее время въ этихъ предѣлахъ отъ этого, нѣкогда могущественнаго соперника міровой Ассирійской монархіи и слѣда не осталось. Полагаемъ, безъ дальнѣйшихъ поясненій, что этотъ историческій фактъ, имѣвшій мѣсто за 600 лѣтъ до Рождества Христова, никоимъ образомъ не можетъ служить поводомъ къ обвиненію армянъ въ присвоеніи чужого, въ подчисткѣ и подскабливаніи надписей на памятникахъ и тому подобныхъ предосудительныхъ дѣйствіяхъ.

Въ заключеніе не лишнимъ считаемъ замѣтить, что всѣ эти разсмотрѣнныя обвиненія являются лишь повтореніемъ небылицы, пущенной въ обращеніе грузинскимъ поэтомъ кн. Акакіемъ Церетели.

Вотъ въ какихъ выраженіяхъ высказался по поводу этихъ обвиненій проф. Марръ.

„Если-бы Акакій,‘ говоритъ проф. Марръ, лишній разъ хотѣлъ указать на маловѣроятное сообщеніе о варварскомъ обращеніи какого-то армянина съ грузинскою надписью, прошедшее черезъ многія газеты, то противъ этого нечего было-бы возражать. Каждый искренно пожалѣетъ, конечно, что кто-то по невѣжеству погубилъ грузинскую надпись, если, повторяемъ, это не выдумка, а армянамъ вдвойнѣ будетъ досадно, если такимъ негодяемъ, дѣйствительно, оказался ихъ сородичъ. Однако, весь ядъ цитованныхъ строкъ въ томъ и состоитъ, что Акакій обобщаетъ единичный, подлежащій провѣркѣ фактъ, и всѣхъ армянъ выставляетъ варварами, сознательно выскабливающими грузинскія

надписи и чинящими подлогъ. Но это—свѣдѣніе, стоящее въ явномъ противорѣчіи съ дѣйствительностью. Вѣдь когда обвиняютъ вообще армянъ въ подобной гнусности, имѣютъ въ виду, конечно, не армянское простонародіе, которое къ тому-же было-бы въ высшей степени несправедливо привлекать къ дѣлу: армянское простонародіе, разъ замѣтивъ буквы на камнѣ, относится къ нимъ съ благоговѣніемъ, какъ къ святынѣ, къ какому-бы языку онѣ ни относились. Мы лично не разъ были свидѣтелями подобнаго отношенія. Въ армянской-же интеллигенціи, составляющей соль общества и руководящей имъ, уваженіе къ древностямъ, какъ къ чужимъ, такъ и къ своимъ, составляетъ одну изъ симпатичнѣйшихъ чертъ ея членовъ, даже въ той либеральной части, которая, ратуя постоянно за разрывъ съ прошлымъ, казалось-бы, менѣе всего должна была интересоваться археологическими вопросами. Да и какъ-же можно ожидать иного отношенія, когда филологія уже давно насчитываетъ въ армянскомъ образованномъ обществѣ сотни своихъ представителей, въ большинствѣ усердно прослушавшихъ какъ русскихъ, такъ, особенно, нѣмецкихъ историковъ, археологовъ, этнографовъ, лингвистовъ и т. п.; но независимо отъ нѣмецкой филологической науки, армяне давно проявили уваженіе къ надписямъ и не только своимъ, но и къ чужимъ. Грузинскія надписи армянскими учеными монахами заботливо собирались и даже печатались, и притомъ раньше, чѣмъ самими грузинами, было обращено серьезное вниманіе на грузинскія надписи. Объ этомъ любовномъ отношеніи армянъ къ грузинскимъ надписямъ грузины могли-бы знать хотя-бы по изданіямъ Императорской Академіи Наукъ, напр., Suscription géorgiens, recueillies par le Père Narsès Sargisian et expliqués par M. Brosset. St. 1. 1864. Такое-же отношеніе приходилось наблюдать намъ лично.

Во время нашихъ археологическихъ поѣздокъ въ Русскую Арменію мы видѣли грузинскія надписи въ мѣстностяхъ, населенныхъ исключительно армянами, между прочимъ, въ селеніи Кошъ, т. е. почти подъ бокомъ Эчміадзина, и если замѣчалось что-либо въ армянахъ, мѣстныхъ и сопровождавшихъ насъ, такъ это было не озлобленіе противъ слѣдовъ временнаго грузинскаго господства въ Арменіи, а вполнѣ разумное любопытство. Въ Александропольскомъ уѣздѣ въ открытомъ полѣ былъ найденъ кусокъ каменнаго креста съ любопытною грузинскою надписью, любопытною по самому своему мѣстонахожденію, и этотъ камень съ грузинскою надписью былъ подобранъ и заботливо спасенъ для науки армяниномъ. Мы это видѣли своими глазами".

Строки эти, принадлежащія компетентному лицу, могли-бы вразумить каждаго непредубѣжденнаго читателя. Но видно есть уши, которыя совершенно глухи ко всему, что только можетъ служить въ пользу добраго имени армянъ, и болѣзненно чутки къ малѣйшему факту, способному ихъ опорочить.

4. Профессоръ Паткановъ и его критика грузинскихъ лѣтописей.

Намъ пришлось подробно остановиться на разборѣ трехъ приводимыхъ кн. Чавчавадзе примѣровъ уничтоженія армянами слѣдовъ грузинскаго происхожденія историческихъ памятниковъ. Другихъ примѣровъ во всей брошюрѣ кн. Чавчавадзе не имѣется. Мы видѣли достоинства этихъ примѣровъ. Легко себѣ представить, каковы должны быть остальные „многіе примѣры", о которыхъ упоминаетъ нашъ авторъ, но которыхъ онъ, надо думать, изъ благоразумія, вовсе не приводитъ. Объ этихъ примѣрахъ „даже писалось и въ русскихъ

и въ грузинскихъ газетахъ“ (17), замѣчаетъ кн. Чавчавадзе. Но гдѣ и когда писалось объ этихъ многихъ примѣрахъ, нашъ авторъ также считаетъ излишнимъ распространяться, вѣроятно, полагая, что основательность приведенныхъ имъ фактовъ даетъ ему право на полное и слѣпое къ нему довѣріе. Но именно полная несостоятельность этихъ описанныхъ имъ и, повидимому, считаемыхъ имъ наиболѣе тяжкими фактовъ, даетъ право сдѣлать совершенно обратное заключеніе и признать и тѣ „многіе примѣры“, которые имѣетъ въ виду кн. Чавчавадзе, по меньшей мѣрѣ, столь же неосновательными, какъ и все то, что уже было нами разсмотрѣно.

Обратимся теперь къ дальнѣйшимъ обвиненіямъ кн. Чавчавадзе.

На стр. 19—27 кн. Чавчавадзе утверждаетъ, будто покойный профессоръ Паткановъ „упразднилъ грузинскую Картлисъ—Цховреба“ (большая хроника жизни грузинъ), изорвалъ эту историческую лѣтопись, клочки бросилъ грузинамъ въ лицо, опорочилъ престижъ грузинъ, оповѣстивъ міръ, будто неучъ и невѣжественный армянинъ, т. е. послѣдній изъ нихъ, стоялъ умственно выше грузинъ даже въ періодъ духовнаго развитія Грузіи, и взвелъ на грузинъ обвиненіе въ фанатизмѣ; отрицалъ древнѣйшее болѣе широкое разселеніе грузинъ и присваивалъ армянамъ тѣ провинціи, которыя всегда входили въ составъ Грузіи и чтобы все это доказать, не останавливался передъ „фальсификаціей“, безцеремонными искаженіями исторіи и другими „продѣлками“.

Далѣе, по словамъ кн. Чавчавадзе, профессоръ Паткановъ оказывается виновнымъ въ томъ, что въ своей статьѣ о грузинской хроникѣ, будто, доказываетъ, что грузинская лѣтопись состряпана, молъ, при Вахтангѣ VI и нѣтъ никакихъ свѣдѣній о существованіи

„Картлисъ-Цховребы“ до него. Извѣстно-де единственное въ этомъ родѣ произведеніе, называемое „Армянская Хроника“, и если существуютъ какіе либо матеріалы для исторіи Грузіи, то развѣ только тамъ можно ихъ найти. Правда, молъ, что хроника эта переведена съ грузинскаго, но, навѣрное, подлинникъ сочиненъ или составленъ несвѣдущимъ и невѣжественнымъ армяниномъ въ XII в., когда грузины почувствовали необходимость исторіи. (Стр. 19). „Значитъ, по мнѣнію Патканова, восклицаетъ кн. Чавчавадзе, грузины до XII ст. были настолько невѣжественны, что не только не имѣли исторіи, но даже и не ощущали въ ней потребности, и здѣсь опять выручилъ армянинъ, да притомъ несвѣдущій и невѣжественный“. (Стр. 20). „Такъ онъ честитъ насъ, стираетъ съ лица земли насъ, грузинъ, да грузинъ какихъ временъ? XII вѣка, вѣка Тамары, вѣка расцвѣта Грузіи“ (20).

Затѣмъ кн. Чавчавадзе утверждаетъ, будто профессоръ Паткановъ „умышленно жмуритъ глаза и не видитъ грузинъ XII и XI вв., т. е. того народа, цвѣтущее положеніе котораго еще въ началѣ перваго вѣка рисуетъ Страбонъ, того народа, который съ давнихъ временъ усѣялъ свою страну храмами и монастырями поразительной архитектуры, того народа, который наполнилъ какъ Грузію, такъ и Грецію, и Палестину грузинскими сокровищами и манускриптами, того народа, который перевелъ составленную на пехлевискомъ языкѣ санскритскую повѣсть „Килила и Мана“ и „Висъ-Раміани“ и создалъ величайшую поэму „Вепхвисъ-Ткаосани“ (Барсову кожу). Кто только намѣренно не желаетъ закрывать глаза, кто сколько нибудь способенъ понимать суть прочитаннаго, развѣ осмѣлится сказать, что народъ, создавшій „Вепхвисъ-Ткаосани“—былъ настолько дикъ и грубъ, что лишенъ былъ способностей сознавать не-

обходимость исторіи"!.. „Какъ онъ рѣшается сказать, что ваша „Картлисъ-Цховреба" ни къ чему негодна, когда компетентные въ этомъ извѣстные ученые Жанъ Сенъ-Мартенъ, Вивіенъ де-Сенъ-Мартенъ, Дюбуа-де-Монпере, ясно и отчетливо говорятъ, что грузинскія историческія сказанія заслуживаютъ вниманія, какъ источники не только для исторіи Кавказа, но и Азіи. Ученый армянинъ имъ не вѣритъ"... „Въ подтвержденіе своихъ словъ онъ приводитъ свидѣтельства Сенковскаго, Коха, Ланглуа". Не придавая значенія авторитетамъ первыхъ двухъ, кн. Чавчавадзе замѣчаетъ, что „Ланглуа—достойный уваженія ученый. Замѣчательно же въ данномъ случаѣ, что, впрочемъ, неудивительно со стороны ученаго армянина-грамотея, — слѣдующее: оказывается, что и Ланглуа того же мнѣнія о „Картлисъ-Цховреба", какого Сенъ-Мартенъ и другіе. Правдолюбивый же Паткановъ сказаніе его перекроилъ на свой вкусъ, по своему желанію. По мнѣнію Ланглуа, совершенно справедливому, начало „Картлисъ-Цховреба" сказочное, миѳологическое. Эти Картлосы, Кахосы и всѣ имъ подобные, понятная вещь, должны быть отнесены къ области миѳовъ". (21, 22).

„Вотъ что говоритъ Ланглуа, а не то, чего Патнановъ жаждетъ. Со стороны покойнаго это не первый и не послѣдній примѣръ фальсификаціи. Мы еще и дальше увидимъ это, а пока скажемъ, что съ такой же безцеремонностью онъ обращается съ Стефанозомъ Орбеліани. Въ одномъ своемъ примѣчаніи этотъ армянскій профессоръ чистосердечно доказываетъ, что грузинская литература бѣдна старыми источниками „и что самъ Стафанозъ, будто бы, жалуется на этотъ пробѣлъ XIII в. На дѣлѣ же оказывается, что Стефанозъ жалуется не на то, что грузинскіе источники вообще бѣдны, а на то, что „Картлисъ-Цховреба" мало даетъ

свѣдѣній о фамиліи Орбеліани. Напротивъ, Стефанозъ очень часто упоминаетъ о грузинскихъ историческихъ сборникахъ и царскихъ архивахъ. Такимъ образомъ, ученый армянинъ Паткановъ мнѣніе Стефаноза обобщилъ, передалъ по-своему и недостатокъ, касающійся частнаго случая, перенесъ на всѣ наши историческіе источники. У кого же есть желаніе еще болѣе убѣдиться, на какія продѣлки способенъ Паткановъ, пусть прочитаетъ соч. Д. Бакрадзе: „Профессоръ Паткановъ и грузинскіе источники"... „Д. Бакрадзе, обвиняя въ этомъ хитроумнаго профессора, приводитъ множество фактовъ: между прочимъ, онъ доказываетъ и то, что грузинскія хроники имѣли, напротивъ, вліяніе на историческіе источники самихъ армянъ". „Такъ, храбрый профессоръ пошелъ войною на нашу „Картлисъ-Цховреба", чтобы, подкопавшись подъ него, вмѣстѣ съ тѣмъ повергнуть ницъ и все наше прошлое и настоящее". (22, 23, 24).

Кн. Чавчавадзе упрекаетъ также профессора Патканова въ томъ, что онъ обвиняетъ грузинъ въ фанатизмѣ на основаніи какой то басни временъ Тамары, тогда какъ сами армяне болѣе всего заслуживаютъ въ этомъ упрека, въ силу проклятія ихъ грузинъ, которое изрекъ патріархъ Авраамъ на Двинскомъ соборѣ, созванномъ въ концѣ V вѣка послѣ раздѣленія армянской и грузинской церквей, о чемъ повѣтствуется у армянскаго историка Каганкатваци, переведеннаго на русскій языкъ самимъ профессоромъ Паткановымъ. (25, 26).

„Будь на свѣтѣ справедливость, развѣ имѣющій въ рукахъ такое фанатическое постановленіе главы армянской церкви дерзнулъ бы заикнуться о фанатизмѣ другихъ?! Почему онъ хранитъ такое достойное похвалы молчаніе о такомъ изъ ряда вонъ выходящемъ фанатизмѣ, разъ онъ заговорилъ объ этомъ предметѣ?" (26).

Развѣ послѣ этого не правъ Д. Бакрадзе, говоря

о Паткановѣ: „Общепризнанные факты грузинской исторіи г. Паткановъ или замалчиваетъ, или если и приводитъ, то въ искаженномъ видѣ, чтобы набросить тѣнь какъ на историческіе памятники грузинъ, такъ и на права нашихъ предковъ“. (26).

Профессоръ Паткановъ оказывается виновнымъ и въ томъ, что онъ „клянется и божится, что „мосхи и колхи“ не родственныя грузинамъ племена, доказательства же на это удивительное увѣреніе никакого не представляетъ“. (28) Между тѣмъ, признано исторической истиной, что „мушеки“ египтянъ, библейскіе „мосохи“ или „мосхи“, нынѣшніе „месхи“, „тиберы“ Геродота, „тиберы“ и колхи“ Страбона составляли одно родственное племя съ грузинскою націею. Также извѣстно, что это грузинское племя съ давнихъ временъ занимало въ Малой Азіи все пространство, со включеніемъ р. Галиса до береговъ Чернаго моря, и всю восточную сторону этого моря, а также всѣ мѣста, лежащія между Курою и Араксомъ. Ясно, что если кому либо угодно будетъ присвоить ихъ себѣ или лишить грузинъ права собственности на нихъ, то онъ поставленъ будетъ въ необходимость доказывать, что вышепоименованныя племена не были родственны грузинамъ. Такъ и поступилъ профессоръ Паткановъ, бездоказательно отрицая родство „колховъ“ съ „мосхами“. (28).

„Такимъ же образомъ онъ захватываетъ и Таосъ-Кари, нынѣшній Чорохскій бассейнъ, несмотря на то, что иностранные лѣтописцы, напр. Константинъ Порфирогенъ (911—959 г.), свидѣтельствуютъ, что ранѣе X в. Чорохскій бассейнъ принадлежалъ грузинскимъ Багратидамъ и что, молъ, оттуда они заняли Эрзерумъ и другія части Арменіи. Хотя бы и этого не было, весь Чорохскій бассейнъ полонъ грузинскими храмами и монастырями съ грузинскими надписями и нѣкоторыя

изъ нихъ относятся къ VIII и IX вв. Всѣ эти неподкупные свидѣтели описаны армянскимъ же монахомъ Саргисіаномъ, изслѣдованы Броссе и напечатаны въ академическихъ мемуарахъ“. (28). „Паткановъ идетъ еще дальше и... протягиваетъ руки и къ Тчанети, по Моисею Хоренскому Джавени, т. е. къ Халдеѣ,—она, молъ, составляла часть Армянскаго Царства“. „Когда и гдѣ объ этомъ писано?—спрашиваетъ Д. Бакрадзе... И онъ правъ. Если Моисей Хоренскій пишетъ, что, молъ, въ тѣхъ мѣстахъ, которыя назывались Халдеею, почти за двѣ тысячи лѣтъ назадъ жили армяне, такъ вѣдь въ настоящее время всякому извѣстно, что это басня“. (29).

По поводу этихъ обвиненій проф. Патканова мы должны прежде всего замѣтить, что кн. Чавчавадзе крайне затруднилъ провѣрку ихъ правильности, не приводя ссылокъ на тѣ страницы, гдѣ онъ вычиталъ приписываемыя пр. Патканову „фальсификаціи“ и „продѣлки“. Пришлось поэтому проштудировать всю статью г. Патканова по интересующему насъ вопросу.

Статья эта представляетъ послѣднюю главу труда пр. Патканова „Ванскія надписи“, помѣщенную въ № 12 „Журн. Мин. Нар. Просв.“ за 1883 г. Глава эта носитъ названіе: „О древней грузинской хроникѣ“. Уже само заглавіе показываетъ, что авторъ трактуетъ не о всей грузинской лѣтописи „Картлисъ Цховреба“, а лишь о совершенно опредѣленной ея части, носящей названіе „Древней Грузинской Хроники“. Содержаніе самой главы еще болѣе подкрѣпляетъ такое убѣжденіе.

Приведемъ теперь рядъ цитатъ изъ этой главы, которыя шагъ за шагомъ будутъ опровергать всѣ взводимыя на проф. Патканова обвиненія.

Оставляя до времени въ сторонѣ вопросъ о вліяніи грузинскаго языка на армянскій, и прежде всего оста-

навливаясь на часто высказываемомъ предположенiи о болѣе широкомъ въ древности разселенiи грузинскаго племени до Вана, пр. Паткановъ прежде всего находитъ, что „въ сущности въ этомъ предположенiи нѣтъ ничего невозможнаго. Островное положенiе грузинской расы, сдавленной со всѣхъ сторонъ, кромѣ запада, позднѣйшими имиграцiями, болѣе, чѣмъ вѣроятное родство грузинъ съ древними мосхами, собственныя имена многихъ мѣстностей въ Арменiи и многiя другiя обстоятельства даютъ мнѣнiю о древней распространенности грузинскаго племени на значительной части территорiи Арменiи нѣкоторую вѣроятность. Но прежде чѣмъ рѣшительно высказаться въ такомъ еще малоразработанномъ вопросѣ, по мнѣнiю пр. Патканова, „слѣдовало бы изучить предметъ со всѣхъ сторонъ и вооружиться достаточнымъ количествомъ положительныхъ данныхъ“.

Эта выдержка показываетъ, что пр. Паткановъ, во 1-хъ, не только не отрицаетъ родство грузинъ съ мосхами, но считаетъ это родство болѣе, чѣмъ вѣроятнымъ; во 2-хъ, допускаетъ нѣкоторую вѣроятность мнѣнiя о древней распространенности грузинскаго племени на значительной части территорiи Арменiи, т. е. такимъ образомъ высказываетъ взглядъ, совершенно противоположный тому, который ему приписываетъ кн. Чавчавадзе.

Далѣе проф. Паткановъ продолжаетъ:

„Въ историческихъ памятникахъ другихъ народовъ мы нигдѣ не встрѣчаемъ извѣстiя, поддерживающаго это предположенiе. Не мѣшаетъ справиться и въ грузинской литературѣ и поискать, не найдется ли въ ней памятниковъ, повѣствующихъ о древнихъ судьбахъ грузинъ. Въ настоящее время существуетъ у грузинъ одно произведенiе этого рода „Лѣтопись Грузiи“. Разсмотримъ ее. Все сказанное нами („Ванскiя надписи“, гл. III) относительно способовъ составленiя первобытной исторiи Арменiи путемъ созиданiя эпонимовъ по именамъ племенъ, городовъ, рѣкъ и др. мѣстностей, еще въ большей мѣрѣ приложимо къ, такъ называемой, Древней Хроникѣ Грузiи, въ которой нѣкоторые ученые, Вивьенъ де-Сенъ Мартенъ, Броссе и др. желали видѣть дѣйствительныя древнiя преданiя, унаслѣдованныя потомками отъ предковъ, преданныя впослѣдствiи письму. Но при всемъ нашемъ уваженiи къ памятникамъ народной старины мы въ Древней Хроникѣ Грузiи видимъ не болѣе, какъ относительно новую, неудачную компиляцiю, составленную неопытной рукой по извѣстному шаблону“. (200). Итакъ, и здѣсь мы видимъ, что пр. Паткановъ все время говоритъ лишь о Древней Хроникѣ Грузiи, а не „пошелъ войною“ на „Картлисъ-Цховреба“. Затѣмъ, переходя къ историческимъ временамъ, пр. Паткановъ замѣчаетъ:

„Географическое положенiе Грузiи, занимающей большую часть Сѣвернаго Закавказья отъ восточнаго прибрежья Чернаго моря до впаденiя Алазани въ Куру, настолько извѣстно, что считаю лишнимъ о немъ распространяться. Съ незапамятныхъ временъ въ предѣлахъ этой мѣстности живетъ народъ, называющiй себя нынѣ Картвели, а страну свою Картли или Сакартвело, а у сосѣдей извѣстный подъ именемъ Виркъ (к знакъ множ.) Гурджи, Грузинъ. Древнiе называли страну Иверiей, а народъ—иверами“...

„Вопреки мнѣнiю нѣкоторыхъ ученыхъ, мы изъ клинописныхъ памятниковъ не могли убѣдиться въ томъ, чтобы ассирiйскiе завоеватели когда либо доходили до предѣловъ Грузiи. Правда, въ нихъ говорится о каскахъ, которыхъ иные отожествляютъ съ колхами, но этотъ вопросъ далеко еще нельзя считать рѣшеннымъ. Какъ впослѣдствiи при Сассанидахъ, такъ, вѣроятно, и

при Ахеменидахъ, Грузія, если не въ видѣ настоящей провинціи, то черезъ своихъ отдѣльныхъ правителей находилась въ вассальныхъ отношеніяхъ къ Персіи. О таковомъ отношеніи колховъ, если только это племя принадлежало къ грузинской расѣ, къ Ахеменидамъ, сказано опредѣленно у Геродота (III, 97, VII, 79), но о другихъ соплеменникахъ ихъ, жившихъ на Средней Курѣ, у него не упоминается. Историческія свѣдѣнія о Грузіи начинаются собственно со временъ похода Помпея (за 65 л. до Р. Х.). Сами грузины не сохранили никакихъ историческихъ памятниковъ о первобытныхъ временахъ своего существованія. Точно также не дошло до насъ ни одного изъ тѣхъ эпическихъ сказаній, въ которыхъ народное творчество возсоздаетъ свое прошлое на основаніи поэтической правды. Все, что сохранилось о болѣе древнихъ эпохахъ исторіи Грузіи, дошло до насъ въ случайныхъ замѣткахъ Страбона, Плинія, Аппіана и другихъ о временахъ не ранѣе I в. до Р. Х., относительно же среднихъ вѣковъ—у болѣе древнихъ византійскихъ, армянскихъ и арабскихъ авторовъ. Историческіе матеріалы, заключающіеся въ грамотахъ царскихъ и монастырскихъ, не заходятъ за XI в. по Р. Х. (Самыя древнія грамоты восходятъ до начала XI ст. (1024 г. См. Д. Пурцеладзе „Грузинскіе церковные гуджары“, Тифлисъ, 1881). Между тѣмъ извѣстно, что грузины, если не всѣ, то частью приняли христіанство въ IV—V в. и уже вскорѣ послѣ этого событія имѣли свою національную письменность. Чѣмъ объяснить при этихъ обстоятельствахъ полное отсутствіе народной исторіографіи о временахъ не только первобытныхъ, но и вполнѣ историческихъ? По нашему мнѣнію, причина этого явленія заключается отчасти въ самомъ фактѣ ранняго принятія грузинами христіанства и въ незначительномъ въ то время развитіи государственной жизни по всей территоріи, населенной грузинскими племенами. Сирійскіе, греческіе и армянскіе монахи, содѣйствовавшіе распространенію христіанства въ грузинскомъ народѣ, очевидно, придавали бо́льшее значеніе легендамъ и мученической жизни святыхъ, чѣмъ народнымъ сказаніямъ о языческихъ предкахъ новообращеннаго народа. Въ Арменіи ревнію Св. Григорія-Просвѣтителя приписываютъ не только стараніе обречь забвенію все совершившееся въ народѣ до его крещенія, но и окончательное истребленіе памятниковъ древнихъ вѣрованій и до-христіанской письменности армянъ. Говоря о письменности, мы имѣемъ, конечно, въ виду не Месробовскую азбуку, изобрѣтенную въ началѣ V в., а употребленіе въ письмѣ алфавитовъ персидскаго, греческаго, ассирійскаго. Первые ревнители сильно опасались, чтобы новообращенная паства не впала снова въ языческое заблужденіе. Путемъ насильственнаго уничтоженія всего, что могло напомнить народу, стоявшему не на высокой степени культурнаго развитія, о его прошломъ, они думали покончить съ язычествомъ, и не ошиблись. Нѣчто подобное могло случиться и въ Грузіи“. (202).

И изъ этихъ выдержекъ видно, что пр. Паткановъ отрицаетъ историческую достовѣрность свѣдѣній, относящихся къ событіямъ до Р. Х., т. е. временъ совершенно первобытныхъ. Говоря же о скудости историческихъ свѣдѣній о послѣдующихъ временахъ, пр. Паткановъ о грузинской исторіи замѣчаетъ то же самое, что имъ было высказано относительно армянской исторіи. Слѣдовательно, видѣть въ однихъ и тѣхъ же замѣчаніяхъ пристрастіе къ армянамъ и недоброжелательство къ грузинамъ, конечно, совершенно невозможно. Равнымъ образомъ пр. Паткановъ не только не считаетъ грузинъ народомъ дикимъ, не сознающимъ

необходимости исторіи, на томъ-де основаніи, что у нихъ нѣтъ исторіи, но самъ, несмотря на отсутствіе историческихъ письменныхъ памятниковъ, утверждаетъ, что грузины вскорѣ послѣ принятія ими христіанства (IV—V в.) имѣли свою національную письменность и объясняетъ отсутствіе народной исторіографіи для этого времени—рвеніемъ распространителей христіанства, какъ это случилось и въ Арменіи.

Гдѣ же тутъ указанія на невѣжество, дикость и грубость грузинскаго народа?

Далѣе пр. Паткановъ продолжаетъ:

„Съ другой стороны, народъ грузинскій долгое время едва ли сознавалъ общее происхожденіе разнообразныхъ грузинскихъ племенъ и, будучи политически и территоріально раздѣленъ на многіе мелкіе центры, недостаточно ясно представлялъ свое единство. При такихъ обстоятельствахъ могли существовать отдѣльныя племенныя сказанія, которыя при сліяніи мелкихъ группъ въ болѣе крупныя политическія единицы теряли свое значеніе и утрачивались въ памяти народной. Къ единовластію,—и то не вся Грузія, а только большая ея часть—пришла довольно поздно. Между тѣмъ старыя племенныя сказанія, не бывъ во́ время записаны, частью пришли въ забвеніе, частью игнорировались ревностнымъ христіанскимъ духовенствомъ. Не изъ чего было создавать народный эпосъ. Творчество народное, не найдя въ своей древности предметовъ, возвышающихъ національное сознаніе, обратилось къ другимъ темамъ“. „У всякаго народа, вмѣстѣ съ усиленіемъ его политическаго могущества, просыпается жажда узнать свое прошлое, объяснить себѣ постепенный ходъ своего историческаго развитія. Нѣчто подобное было и въ Грузіи“... (203).

„Читая со вниманіемъ единственную историческую

грузинскую книгу, мы невольно приходимъ къ заключенію, что въ составленіи ея принималъ участіе армянинъ или человѣкъ, получившій образованіе въ армянской школѣ“... (203). „Книга сочинена относительно поздно. Но и въ то время, если бы поискать какъ слѣдуетъ, нашлись бы дѣйствительныя народныя преданія и пѣсни, въ которыхъ сохранились отчасти воспоминанія о древностяхъ грузинскаго народа. Но для христіанскаго монаха того времени, особенно для иностранца, не слишкомъ дороги были преданія дикаго, на его взглядъ, народа, его трудно произносимыя имена, его непонятныя повѣрья, хранившія слѣды языческой старины“.... (203).

„Мнѣнія ученыхъ объ историческомъ значеніи этихъ анналовъ (Картлисъ-Цховреба) различны. Одни, какъ Броссе, посвятившій труды свои на изученіе ихъ въ подлинникѣ, несмотря на массу очевидныхъ промаховъ и противорѣчій, твердо стоятъ за ихъ древность и увѣрены въ вѣрности сообщаемыхъ ими свѣдѣній. Такого мнѣнія отчасти придерживался и арменистъ Сенъ Мартенъ въ своихъ мемуарахъ. Другіе, въ томъ числѣ Сенковскій, Кохъ, Ланглуа держатся противоположнаго мнѣнія, по крайней мѣрѣ, о первой ихъ части до Вахтанга I-го и не придаютъ имъ вовсе историческаго значенія *). Послѣдніе, мимоходомъ высказывая свое мнѣніе на основаніи полученнаго ими послѣ прочтенія анналъ общаго впечатлѣнія, не дали, однако, себѣ труда подвергнуть строгой исторической критикѣ всю лѣтопись или извѣстный ея отдѣлъ и не постарались вникнуть въ самый процессъ ея составленія. Эту мало благодарную работу съ извѣстными огра-

*) Опредѣленнѣе другихъ излагаетъ свое мнѣніе Ланглуа въ „Essai de classification des suites monétaires de la Géorgie“ Paris. 1860.

ниченіями, о которыхъ будетъ сказано ниже, приняли мы на себя въ ожиданіи того времени, когда образованные грузинисты, глубоко изучивъ памятники своей старины, примутся за это дѣло и, отдѣливъ въ своей лѣтописи вымышленное отъ историческаго, новое отъ древняго, выставятъ въ надлежащемъ свѣтѣ ея достоинства и недостатки, какъ историческаго матеріала. До сихъ поръ все написанное грузинскими авторами касательно древнѣйшихъ эпохъ исторіи Грузіи отличается не столько научнымъ, сколько патріотическимъ направленіемъ. Только г. Бакрадзе въ статьѣ „Объ источникахъ грузинской исторіи" допускаетъ, что „источники о первыхъ временахъ исторіи Грузіи скудны, да и тѣ носятъ характеръ баснословный", и даже, что „событія древнихъ временъ были описываемы по преданію". („Кав. Календ." 1858, стр. 405, 407). „Цѣль наша, между прочимъ, состоитъ и въ томъ, чтобы доказать, что первая часть исторіи Грузіи составлена не по преданію и извѣстія въ ней не носятъ баснословнаго характера, если подъ баснословіемъ понимать легенды о миѳическихъ временахъ Грузіи, а просто вымышлена однимъ лицомъ съ предвзятою цѣлью. Если бы она заключала въ себѣ дѣйствительныя преданія о древности грузинской, то историческая цѣнность ея была бы другая". (205).

Какова же могла быть цѣль подобнаго вымысла? На этотъ вопросъ пр. Паткановъ отвѣчаетъ такъ:

„Анонимный авторъ Хроники жилъ въ XI—XII в. по Р. Х. и написалъ свою лѣтопись, частью чтобы создать грузинскую исторію, недостатокъ которой въ то время сильно чувствовался въ народѣ, но, главнымъ образомъ, съ цѣлью возвеличить царствовавшій въ Грузіи родъ Багратидовъ и придать ихъ правамъ историческую санкцію". (225).

Какъ извѣстно, подобнымъ же династическимъ цѣлямъ обязана косвенно своимъ происхожденіемъ и армянская исторія Моисея Хоренскаго.

Изъ всего приведеннаго выше ясно видно, что проф. Паткановъ ограничиваетъ свою задачу критическимъ разборомъ лишь одной и притомъ древнѣйшей части „Картлисъ-Цховреба", т. е. именно той части, за которую и Д. Бакрадзе, и столь чтимый княземъ Чавчавадзе—Ланглуа—признаютъ за ними баснословный характеръ. Съ еще большею опредѣленностью эта ограниченная задача пр. Патканова видна изъ слѣдующихъ строкъ: „Въ настоящй статьѣ мы имѣемъ въ виду заняться только первымъ отдѣломъ этой лѣтописи, тою ея частью, въ которой описывается первобытная исторія Грузіи до Р. Х." (206).

Эта же цѣль явствуетъ изъ того, что пр. Паткановъ предпосылаетъ своей критикѣ полную перепечатку въ текстѣ своей статьи всей критикуемой исторіи, т. е. именно этой древнѣйшей части исторіи Грузіи. Такимъ образомъ, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что пр. Паткановъ не касается исторіи позднѣйшихъ періодовъ, ограничиваясь по поводу этой части грузинской исторіи задачей не только не отрицательной, но скорѣе созидательной, стремясь доказать, что у грузинъ должна была быть исторія и въ болѣе ранней редакціи, чѣмъ редакція Вахтанга, хотя эта ранняя редакція и не дошла до нашего времени. И, дѣйствительно, вотъ что говоритъ пр. Паткановъ объ этомъ вопросѣ:

„Въ лѣтописи говорится, что исторія обращенія грузинъ въ христіанскую вѣру была составлена тремя современниками—евреемъ Абіатаромъ, дочерью его Сидоніей и Саломе, дочерью царя Миріана".. Въ другомъ мѣстѣ, послѣ описанія смерти св. Арчила Мученика, въ началѣ VIII в., находится слѣдующая приписка: „Исто-

рія Грузіи до Вахтанга Гургаслана была написана въ разныя времена. Отъ Вахтанга до сего времени, т. е. до начала XVIII в., она составлена Джеванширомъ Джеванширяномъ, мужемъ дочери брата св. Арчила". „Дѣло грузинистовъ разобрать, сколько правды въ этихъ припискахъ. Не входя въ ближайшее ихъ разсмотрѣніе, мы полагаемъ, что эти приписки, если онѣ даже автентичны, относятся только къ христіанскимъ легендамъ, а не къ фактамъ гражданской жизни"…. (206) „Въ краткомъ вступленіи, предпосланномъ редакціи Вахтанга, говорится: „Исторія Грузіи съ теченіемъ времени подвергалась разнообразнымъ искаженіямъ со стороны переписчиковъ или была перерываема вслѣдствіе (неблагопріятныхъ) обстоятельствъ времени. Царь Вахтангъ, сынъ Левана и племянникъ по отцу славнаго царя Георгія, созвалъ ученыхъ мужей, собралъ повсемѣстно грузинскія лѣтописи, какія только можно было отыскать въ его время, а также грамоты, находившіяся въ монастыряхъ Мцхетскомъ и Гелатскомъ, въ церквахъ и у разныхъ князей. Ихъ сравнивали между собой, исправили искаженія, сдѣлали извлеченія изъ историческихъ сочиненій армянскихъ и персидскихъ и все это привели въ слѣдующій порядокъ". Изъ этого вступленія оказывается, что во время Вахтанга V (т. е въ началѣ XVIII в.) существовали еще древнія грузинскія лѣтописи, въ которыхъ онъ произвелъ исправленія, и что вся новая редакція, помимо чисто-грузинскихъ сочиненій и грамотъ, покоится еще и на извѣстіяхъ, извлеченныхъ изъ историческихъ книгъ персидскихъ и армянскихъ. Но каковы были эти грузинскія лѣтописи, въ чемъ заключались исправленныя въ нихъ искаженія переписчиковъ и изъ какихъ именно персидскихъ и армянскихъ книгъ сдѣланы извлеченія,—на всѣ эти вопросы новая редакція не даетъ никакого отвѣта. Какъ нарочно, древнія грузинскія

лѣтописи, собранныя Вахтангомъ для составленія своей редакціи, не сохранились до нашего времени. И такъ какъ Вахтангъ не исчисляетъ поименно и тѣхъ иностранныхъ сочиненій, которыми онъ пользовался, то мы лишены возможности въ новой его редакціи отдѣлить текстъ древнихъ лѣтописей отъ тѣхъ прибавокъ, которыя сдѣланы имъ въ видѣ исправленій или извлеченій изъ армянскихъ и персидскихъ книгъ. Поэтому у каждаго читателя Вахтанговыхъ Анналъ можетъ невольно возникнуть (что и бывало) сомнѣніе, дѣйствительно ли когда нибудь существовала древняя грузинская лѣтопись и не выдумалъ ли ее Вахтангъ для приданія бо́льшей авторитетности своимъ Анналамъ". (207).

„Извѣстно, что за исключеніемъ нѣсколькихъ жизнеописаній святыхъ, отъ древняго періода грузинской литературы не осталось другихъ памятниковъ историческаго содержанія. Между тѣмъ, трудно предположить, чтобы народъ, одинъ изъ первыхъ принявшій христіанство, исторически извѣстный около 2000 лѣтъ, владѣвшій письменностью около 12 вѣковъ, во все это время до самаго XVIII столѣтія лишенъ былъ какого либо письменнаго памятника о своей прошлой судьбѣ. Были въ исторіи Грузіи и блестящія эпохи внѣшняго расширенія предѣловъ и внутренняго процвѣтанія, когда вслѣдствіе объединенія подъ одну власть многихъ ея племенъ (при Багратидахъ), неминуемо должно было родиться въ коренномъ ея населеніи желаніе узнать, откуда они и какою жизнью они жили до того времени. Не вѣроятно, повторяемъ, чтобы грузины задолго до Вахтанга не имѣли своихъ историческихъ книгъ. И, дѣйствительно, этотъ вопросъ поставленъ внѣ всякаго сомнѣнія, благодаря извѣстіямъ, сообщаемымъ армянскими историками XIII вѣка". (207).

„Историкъ Варданъ говоритъ о существованіи въ его время у грузинъ „Исторической книги“ и дѣлаетъ изъ нея извлеченія, сходныя по содержанію съ тѣмъ, что говорится въ редакціи Вахтанга“... (207). „Въ хронологической исторіи Мхитара Айриванеци, современника Вардана, приведены имена всѣхъ князей, царей и епископовъ грузинскихъ, встрѣчающихся у Вахтанга“... „Какъ Варданъ, такъ и Мхитаръ, вѣроятно, пользовались уже армянскимъ переводомъ Грузинской Хроники, такъ какъ у обоихъ встрѣчается форма Арбакъ, вмѣсто Аршакъ. Наконецъ, въ самомъ концѣ XIII в. Стефанъ Орбеліани, митрополитъ Сюнійскій, еще опредѣленнѣе говоритъ о грузинской лѣтописи и приводитъ ея грузинское названіе „Картлисъ-Цховреба“... „Извлеченія, которыя онъ дѣлаетъ, почти тождественны съ тѣмъ, что передается въ началѣ Вахтанговыхъ Анналъ“.(208).

Такимъ образомъ, изъ этихъ выдержекъ ясно, что пр. Паткановъ не только не отвергаетъ существованіе исторіи у грузинъ до Вахтанга, но ссылками на армянскихъ историковъ разсѣиваетъ всякія на этотъ счетъ сомнѣнія, тѣмъ болѣе умѣстныя, что эта болѣе ранняя редакція исторіи не сохранилась до нашего времени въ грузинскомъ оригиналѣ.

Затѣмъ пр. Паткановъ продолжаетъ:

„Какъ Варданъ, такъ и Стефанъ, находятъ свѣдѣнія, сообщаемыя грузинскою книгою весьма скудными, и въ дальнѣйшемъ изложеніи ссылаются на Мхитара Анеци (XII в.) Стефанъ Орбеліани прибавляетъ, что не нашелъ въ „Грузинской исторіи“ разсказа о катастрофѣ, постигшей фамилію князей Орбеліенъ“. (209).

Какъ видно и изъ этихъ строкъ, указанія на то, что „свѣдѣнія, сообщаемыя грузинскою книгою весьма скудны“,—дѣлаемыя армянскими историками до XIII вѣка никоимъ образомъ не могутъ относиться къ вахтанговой редакціи грузинскихъ лѣтописей, относящейся къ XVIII ст., а лишь къ той грузинской книгѣ, которая въ оригиналѣ до насъ не дошла.

„Изъ сказаннаго мы убѣждаемся въ томъ, говоритъ далѣе пр. Паткановъ, что въ XIII в. существовала грузинская историческая книга на грузинскомъ языкѣ съ весьма скуднымъ содержаніемъ. Но мы не знаемъ еще, въ чемъ заключалось это скудное содержаніе, за исключеніемъ того, что изъ нея извлечено Варданомъ и Стефаномъ относительно грузинскихъ родоначальниковъ. Вступленіе Вахтанга говоритъ о грамотахъ, хранившихся въ монастыряхъ и у князей. Но такія грамоты и другіе документы могли относиться только къ позднѣйшимъ эпохамъ, а не къ доисторическому періоду, описываемому въ началѣ редакціи Картлисъ-Цховреба. Изъ того, что сообщаютъ персы о Грузіи, весьма малая часть вошла въ редакцію Вахтанга, а изъ армянскихъ книгъ и того менѣе“. (209—210).

„Итакъ, хотя источники, по которымъ царь Вахтангъ составилъ свою редакцію, не сохранились до нашего времени, извѣстія армянскихъ писателей не даютъ, однако, мѣста сомнѣнію относительно ихъ дѣйствительнаго существованія задолго до Вахтанга. Этотъ послѣдній выводъ обратился въ положительный фактъ открытымъ въ 30 годахъ настоящаго столѣтія спискомъ армянскаго перевода старинной грузинской лѣтописи“. (210). Эти списки найдены въ Венеціи у Мхитаристовъ, въ рукописяхъ архіепископа Карапета въ Тифлисѣ и, наконецъ, въ библіотекѣ Эчміадзинскаго монастыря. Этотъ послѣдній, по мнѣнію Броссе, написанъ между 1279 и 1311 годами.

„Такимъ образомъ, фактъ существованія древней грузинской лѣтописи раньше XIII в. по-

ставленъ внѣ всякаго сомнѣнія. Изъ сравненія этого стараго армянскаго перевода съ вахтанговою редакціею, несмотря на то, что послѣдняя по объему нѣсколько разъ превосходитъ первую, оказывается, что въ сущности содержаніе обѣихъ редакцій тождественно, только многіе факты, кратко сообщенные въ армянскомъ переводѣ, въ вахтанговой редакціи переданы бо́льшимъ количествомъ словъ, не сдѣлавшись отъ этого яснѣе. Также и рѣчи, вложенныя въ уста нѣкоторыхъ лицъ, удлинены въ ней до безконечности. Затѣмъ не прибавлено ни одной характеристической черты къ подробностямъ кратко передаваемаго армянскимъ переводомъ факта. Слѣдуетъ полагать, что армянскій переводъ ближе передаетъ древній утраченный нынѣ грузинскій оригиналъ, чѣмъ редакція Вахтанга, исправленная въ началѣ XVIII столѣтія. Но въ то же время нельзя съ увѣренностью утверждать, чтобы армянская редакція была дословнымъ переводомъ, а не сокращеннымъ извлеченіемъ изъ первоначальной Грузинской Хроники". (211).

„Вся редакція Вахтанга, по мнѣнію Патканова, должна относиться къ объему Армянской Хроники, какъ 3 : 1. Но это отношеніе еще болѣе уменьшится, если мы изъ обѣихъ редакцій выкинемъ самостоятельную легенду объ обращеніи грузинъ въ христіанскую вѣру". (211).

Упоминаемая пр. Паткановымъ Армянская Хроника, которую онъ считаетъ за переводъ съ грузинскаго оригинала утраченной первоначальной Грузинской Хроники,— приведена въ русскомъ переводѣ пр. Паткановымъ въ текстѣ разбираемой статьи и во французскомъ переводѣ въ приложеніи къ французскому переводу „Картлисъ Цховреба" M. Brosset. О дѣйствительной скудости этой хроники каждый самъ можетъ составить ясное понятіе.

При такихъ условіяхъ, чтобы опровергнуть мнѣніе пр. Патканова, что Древняя первоначальная Хроника Грузіи скудна свѣдѣніями, надо доказать, что найденная Армянская Хроника не составляетъ полнаго перевода этой Хроники. Но для доказательства такого положенія нѣтъ данныхъ; теоретически же разсуждая, въ дошедшемъ до насъ переводѣ на армянскій языкъ сокращенію могли подвергнуться не существенныя части и не фактическій матеріалъ, а лишь безконечныя рѣчи, влагаемыя въ уста нѣкоторыхъ лицъ. Во всякомъ случаѣ, объ этой первоначальной Хроникѣ либо никакихъ заключеній нельзя дѣлать—пока оригиналъ не будетъ найденъ—либо надо признать правильными заключенія пр. Патканова, что Хроника эта сообщаетъ свѣдѣнія скудныя,—если только согласиться съ пр. Паткановымъ, что найденная Армянская Хроника есть переводъ утраченной Грузинской Хроники. Въ пользу этого послѣдняго мнѣнія, помимо указанныхъ выше соображеній, пр. Паткановъ приводитъ еще слѣдующіе доводы.

„Кромѣ отзывовъ армянскихъ писателей, изложенныхъ выше, Армянскую Хронику мы называемъ переводомъ, а не оригиналомъ, на томъ основаніи, что въ ней въ сильной степени сохранились слѣды грузинскаго текста: 1) авторъ перевода, человѣкъ мало свѣдущій, нашелъ нужнымъ передавать армянскими словами названія такихъ мѣстностей, которыя находились въ сердцѣ Грузіи, и, слѣдовательно, должны были носить чисто грузинскія названія (вмѣсто Тке-тба—лѣсное озеро, Цихедидъ—большая крѣпость, Уплисъ-цихе—крѣпость владыки и др.) т. е. буквальнымъ переводомъ грузинскихъ названій, тогда какъ въ оригинальномъ сочиненіи мѣстныя названія были бы сохранены, какъ собственныя туземныя имена. 2) Онъ удержалъ во многихъ собственныхъ именахъ, имѣющихъ отдѣльную армянскую форму, гр

зинскій мѣстный суффиксъ ет—напр. Хазаретъ, вмѣсто Хазирка, Джорджанетъ—вмѣсто Вrканъ; 3) въ церковномъ грузинскомъ письмѣ буквы ш и б весьма сходны другъ съ другомъ. Переводчикъ, вѣроятно, не совсѣмъ точно знавшій эту азбуку, передаетъ черезъ букву б и такія имена, которыя, по настоящему, должны были заключать въ себѣ букву ш. Напр., онъ пишетъ Біуабъ, Арбакъ, Ардабиръ, вмѣсто Шіуашъ, Аршакъ, Ардаширъ и пр. Такихъ слѣдовъ, доказывающихъ, что армянская Хроника есть переводъ старинной грузинской лѣтописи, довольно много". (212). Но Паткановъ полагаетъ, что Вахтангъ пользовался, главнымъ образомъ, не армянскимъ переводомъ, а старымъ грузинскимъ текстомъ. (212). „Въ настоящее время Армянская Хроника по своей древности должна занимать мѣсто утраченнаго оригинала и мы именно ее, а не текстъ Вахтанга, кладемъ въ основаніе своего изслѣдованія, сравнивая ее постоянно съ французскимъ переводомъ Вахтанговыхъ Анналъ".(213).

Относительно даты составленія этой лѣтописи пр. Паткановъ высказываетъ слѣдующій взглядъ. Во первыхъ, онъ полагаетъ, что „лѣтопись не могла быть составлена позже XIII ст." (213), такъ какъ ее знали армянскіе историки XIII в.

„Доказательствъ позднѣйшаго поарабскаго происхожденія лѣтописи не много, но они есть. Въ пользу болѣе ранней эпохи составленія Хроники нѣтъ вовсе доказательствъ". (214).

Во вторыхъ, онъ находитъ, что лѣтопись никакъ не могла быть написана ранѣе XI в., такъ какъ авторъ ихъ зналъ содержаніе „Шахъ-Наме", (произведенія XI ст.). На этихъ основаніяхъ пр. Паткановъ дѣлаетъ заключеніе, что анонимная, нынѣ въ оригиналѣ несуществующая Грузинская Хроника могла быть сочинена только въ промежутокъ времени отъ XI до XIII ст. и вѣроятнѣе всего—въ XII в., на началѣ котораго прерывается Армянская Хроника. (214).

Другихъ болѣе раннихъ письменныхъ памятниковъ грузинской исторіи пр. Паткановъ не находитъ и, повидимому, они не сохранились, по крайней мѣрѣ на это не имѣлось никакихъ указаній въ относящейся литературѣ въ то время, когда писалъ пр. Паткановъ. Эту мысль и выразилъ пр. Паткановъ, опираясь на объективные, поддающіеся провѣркѣ факты. Грустны ли эти факты или способны возбуждать радость съ точки зрѣнія національнаго самолюбія,—этого пр. Паткановъ не касался. Поэтому заключенія кн. Чавчавадзе относительно отсталости и малой культурности, дикости и грубости грузинъ, столь поздно сознавшихъ потребность въ своей писанной исторіи,—никоимъ образомъ не могутъ быть поставлены въ вину пр. Патканову, цѣль котораго не шла далѣе выясненія вопроса, къ какой эпохѣ можетъ относиться самая ранняя редакція грузинскихъ лѣтописей.

Подобною же объективною цѣлью задается пр. Паткановъ, разбирая вопросъ, въ какой мѣрѣ авторъ Хроники былъ подготовленъ къ выполненію своей задачи какъ лѣтописецъ. Вопросъ этотъ представлялъ интересъ не съ точки зрѣнія уязвленія національнаго самолюбія грузинъ, какъ думаетъ кн. Чавчавадзе,—что вотъ-де грузины такіе дикари, что имъ даже исторію написалъ армянинъ и при томъ невѣжественный. Вопросъ этотъ заслуживалъ вниманія для разбора и оцѣнки самой Хроники, какъ историческаго матеріала. И, дѣйствительно, называя анонимнаго автора Хроники человѣкомъ мало свѣдущимъ и мало начитаннымъ, но знакомымъ, какъ видно, съ сочиненіями Хоренскаго и Агафангела, пр. Паткановъ, замѣчаетъ „что наивность и малая начитанность автора изумительны. Онъ не только не знаетъ того, что говорятъ о Грузіи классическіе писатели, но

и того, что о болѣе позднѣйшихъ эпохахъ грузинской исторіи повѣствуется у византійскихъ и армянскихъ историковъ, говорившихъ о многихъ событіяхъ какъ современники. Онъ не сообщаетъ никакихъ народныхъ преданій, которыя несомнѣнно существовали въ его время. Напротивъ, по примѣру Хоренскаго, онъ даже избѣгаетъ ихъ, прибѣгая къ заимствованіямъ изъ книгъ (пересказъ Хоренскаго и Шахъ-Наме) и сочиняя генеологіи, ни съ чѣмъ не сообразныя. На каждомъ шагу чудовищные анахронизмы слѣдуютъ за не менѣе чудовищными противорѣчіями до такой степени, что въ первомъ отдѣлѣ Хроники едва-ли можно встрѣтить хоть одинъ фактъ, имѣющій, дѣйствительно, историческое значеніе. Отсутствіе элементарныхъ понятій объ исторіи высказывается у автора особенно въ томъ, что въ его изложеніи не принимаются въ соображеніе ни міровыя историческія событія, ни хронологія". (215).

Затѣмъ Паткановъ приводитъ примѣры, доказывающіе справедливость его взгляда. Но этихъ примѣровъ изъ эпохи послѣ распространенія христіанства Паткановъ касается вскользь, мимоходомъ, затрагивая повѣствованія о Вахтангѣ Гургъ-Асланѣ, находя эти повѣствованія крайне преувеличенными.

„Если кому либо изъ извѣстныхъ историческихъ лицъ можно приписать часть подвиговъ, совершенныхъ Вахтангомъ, то развѣ жившему нѣсколько раньше анонимнаго лѣтописца знаменитому Газневидскому султану Махмуду". При немъ написано Шахъ-Наме, содержаніе коего было извѣстно автору лѣтописи. Послѣ Вакха и Александра Великаго, Махмудъ одинъ прославлялся въ народныхъ преданіяхъ, какъ завоеватель Индіи, вывезшій оттуда несмѣтную добычу". (217).

Ссылаясь на Егише и Лазаря Парпеци (V в. по Р. Х.), Паткановъ утверждаетъ, что „современники видѣли въ Вахтангѣ не могущественнаго царя (каковымъ онъ и не могъ быть), а простого предводителя, князя или владѣтеля грузинскаго, который не только не былъ великимъ завоевателемъ, но самъ даже нуждался въ помощи армянскихъ инсургентовъ". (216).

„Такова бо́льшая часть извѣстій, сообщаемыхъ грузинскимъ хронографомъ. Только крайняя снисходительность или отсутствіе критики могли придавать этой Хроникѣ значеніе историческаго источника, говоря о первой ея части". Приближаясь къ нашему времени, конечно, чаще и чаще встрѣчаются факты историческаго характера; но, какъ мы уже говорили раньше, насъ въ настоящее время занимаютъ извѣстія о древнемъ, до-христіанскомъ періодѣ исторіи Грузіи. Разбирая самый текстъ, мы постараемся шагъ за шагомъ слѣдить за авторомъ и будемъ отмѣчать, гдѣ онъ черпалъ свои свѣдѣнія"... (218).

„И эта лѣтопись, исполненная вымысловъ, заимствованій и противорѣчій (мы говоримъ о первой ея части), и до сихъ поръ, несмотря на всѣ свои недостатки, пользуется огромною популярностью и авторитетомъ у грузинъ"... (225).

Затѣмъ пр. Паткановъ выписываетъ интересующую его первую часть (до христіанства) Хроники и, подробно разобравъ её, оканчиваетъ такъ:

„Прослѣдивъ разсказъ автора отъ времени столпотворенія до эпохи Рождества Христова и разобравъ рядъ его вымысловъ и заимствованій, мы убѣдили себя и, надѣемся, также и читателя въ томъ, что во всемъ изложеніи автора не встрѣчается почти ни одного историческаго факта, ни одного подлиннаго народнаго преданія. При этомъ мы пришли къ нѣсколькимъ положительнымъ выводамъ и высказали большее число предположеній. Насколько тѣ и другія основательны, покажутъ дальнѣйшія изслѣдованія". (274).

Сравнивая эти строки Патканова съ тѣмъ, что ему приписывается, легко, мы думаемъ, придти къ убѣжденію, что, очевидно, кн. Чавчавадзе не читалъ статьи Патканова, такъ какъ Паткановъ нѣсколько разъ, дѣлая заключеніе о значеніи „Картлисъ-Цховреба", оговаривается, что имѣетъ въ виду лишь первую древнѣйшую ее часть, обнимающую до-христіанскій періодъ Грузіи. Какимъ же образомъ ему приписывается, будто онъ всю „Картлисъ-Цховреба" изорвалъ въ клочки и бросилъ грузинамъ въ лицо, „упразднивъ Картлисъ-Цховреба"; что „она состряпала при Вахтангѣ VI", когда пр. Паткановъ самъ, изслѣдуя этотъ вопросъ, приходитъ къ заключенію о составленіи этой древнѣйшей части въ періодъ между XI и XIII вѣками. Изъ чего же видно, будто пр. Паткановъ утверждаетъ, будто бы грузины не имѣли исторіи, по своему невѣжеству; что онъ этимъ стираетъ съ лица земли грузинъ, не видитъ грузинъ XII и XI вв. и повергаетъ ницъ все прошлое и настоящее грузинъ и укоряетъ грузинъ въ фанатизмѣ?. На всѣ эти вопросы мы не нашли никакого отвѣта во всей статьѣ пр. Патканова, которая почти совершенно не касалась христіанскаго періода исторіи Грузіи, т. е. именно той части, которая составляетъ ея славу. Мало того, пр. Паткановъ не только не желалъ подкапываться подъ наиболѣе славные моменты исторіи Грузіи, но даже самъ говоритъ объ этомъ періодѣ слѣдующее:

„Подъ управленіемъ династіи Багратидовъ съ XI в. наступаетъ самая блестящая эпоха въ исторіи Грузіи. Имена Давида Возобновителя, Георгія III, Тамары и др. дѣлаются извѣстны въ отдаленныхъ странахъ. Извнѣ предѣлы Грузіи значительно расширяются. Внутри государства настаетъ время высшаго благосостоянія, какое когда либо знала Грузія. Счастливыя войны съ сосѣдями и дѣятельная торговля обогащаютъ край. Члены царскаго семейства и знать тратятъ большія суммы на возведеніе храмовъ и другихъ общественныхъ зданій, одаряютъ монастыри, поддерживаютъ народную литературу, заводятъ школы. Цвѣтущее состояніе Грузіи продолжается до вторженія Ховарезмійцевъ и Монголовъ, въ первой трети XIII ст."... „Багратиды царствовали до начала прошлаго столѣтія"... (221).

Гдѣ же и въ чемъ тутъ умаленіе историческаго прошлаго Грузіи?

Равнымъ образомъ не ради возвеличенія армянъ и униженія грузинъ пр. Паткановъ утверждалъ, что эта разобранная имъ древняя часть грузинской лѣтописи составлена армяниномъ, а исключительно въ цѣляхъ исторической критики, чтобы объяснить нѣкоторые недостатки этой Древней Грузинской Хроники. И, дѣйствительно, вотъ почему пр. Паткановъ приписываетъ Хронику не грузину, а армянину: „Въ Хроникѣ возвеличенъ Гайкъ, родоначальникъ армянъ, а Картлосу, миѳическому праотцу грузинъ, отведена самая скромная роль. Онъ, Картлосъ, вмѣстѣ съ братьями своими помогаетъ Гайку (въ борьбѣ его съ Небротомъ), а впослѣдствіи основываетъ нѣсколько крѣпостей и замковъ. И ни одного героическаго подвига! Мы полагаемъ, что даже, вымышляя всю доисторическую генеологію, авторъ не могъ бы поступить такимъ образомъ, если бы онъ былъ природнымъ грузиномъ". (242).

„Раздѣляя свои владѣнія, Торгомъ даетъ Гайку половину всѣхъ своихъ владѣній, а другую—семи своимъ сыновьямъ, въ томъ числѣ и Картлосу. Послѣ счастливо оконченной борьбы съ Небротомъ, всѣ братья, въ томъ числѣ и Картлосъ, признаютъ своимъ царемъ Гайка. Такимъ образомъ, по лѣтописцу —всѣ древнѣйшія воспоминанія грузинъ говорятъ объ ихъ исконномъ подчиненіи армянамъ". (243).

Къ тому же заключенію приводитъ пр. Патканова

и то мѣсто Древней Хроники, въ которомъ упоминается, что древніе грузины говорили по-армянски. Отрицая историческую достовѣрность этого сообщенія лѣтописца, пр. Паткановъ замѣчаетъ:

„У лѣтописца говорится, что грузинскій языкъ образовался изъ смѣси армянскаго, хазарскаго, еврейскаго, греческаго и сирійскаго языковъ, предполагая, что первоначальнымъ языкомъ грузинъ былъ все-таки армянскій. Производя восемь народовъ отъ одного праотца, авторъ долженъ былъ быть послѣдовательнымъ, заставляя всѣхъ ихъ говорить первоначально однимъ языкомъ—армянскимъ. Но при этомъ онъ не задаетъ себѣ вопроса: почему грузины, говорившіе на своемъ родномъ армянскомъ языкѣ, были грузины, а не армяне и почему имъ понадобился отдѣльный отъ армянъ родоначальникъ“. (268).

Эта одна выдержка могла бы свидѣтельствовать о полномъ безпристрастіи пр. Патканова, который не могъ не видѣть въ подобныхъ утвержденіяхъ лѣтописца его невѣжества и незнакомства съ общепризнанными историческими фактами. Вѣдь при иномъ отношеніи къ лѣтописцу пришлось бы согласиться съ такими его утвержденіями, которыя отнюдь не содѣйствовали бы исторической славѣ грузинскаго народа. Слѣдовательно, обнаруживая невѣжественную наивность автора Древней Грузинской Хроники и высказывая догадку, что лѣтописецъ едва-ли былъ природный грузинъ, вѣроятнѣе всего—малограмотный армянскій монахъ, пр. Паткановъ не только ничего лестнаго для армянъ не говорилъ, но и оградилъ прошлое грузинъ отъ обидныхъ для ихъ патріотизма заключеній. Для грузинъ эта высказанная догадка тѣмъ болѣе ничего обиднаго не можетъ представлять, что, во первыхъ, она не заключаетъ отрицанія наличности у грузинъ весьма развитой культуры

и политической жизни и во 2-хъ, потому, что наряду съ такою догадкою относительно происхожденія Древней Грузинской Хроники пр. Паткановъ совершенно опредѣленно говоритъ о существованіи у грузинъ другихъ памятниковъ письменности.

Какъ мы говорили выше, отрицательныя указанія пр. Патканова относятся лишь къ одной незначительной части грузинскихъ лѣтописей. Но и въ этой части не все подвергается имъ отрицанію. Даже и въ ней онъ находитъ указанія, въ которыхъ имѣется зерно исторической правды. Вотъ что, напримѣръ, говоритъ пр. Паткановъ о Фарнавазѣ:

„Если мы признали за вымыселъ все, что говоритъ авторъ о Картлосѣ, Уплосѣ и другихъ прародителяхъ грузинъ, то въ сообщеніяхъ его о Парнавазѣ, или Фарнавазѣ, хотя не заключается въ себѣ ничего чисто историческаго относительно вѣрности изложенныхъ фактовъ, но выступаетъ передъ нами несомнѣнно личность народнаго героя. Можно даже съ вѣроятностью предполагать, что онъ—самое древнее лицо, сохранившееся въ народной памяти, въ которой Парнавазъ, а не Картлосъ, занималъ первое мѣсто... Авторъ, поставивъ Картлоса во главѣ исторіи Грузіи, не зналъ, что съ нимъ дѣлать: онъ и его потомки были выдуманы для объясненія происхожденія названій племенъ и мѣстностей. Совершенно въ другомъ положеніи находится Парнавазъ. Въ немъ народъ олицетворялъ извѣстную ступень своего культурнаго развитія и ему приписывалъ всѣ тѣ порядки, которые засталъ онъ въ моментъ своего сознательнаго существованія. Религія, языкъ, письменность, административное устройство страны—во всемъ видно участіе Парнаваза“. (270). „Въ Парнавазѣ мы видимъ вводителя религіознаго и гражданскаго благоустройства въ Грузіи. Точно также ему приписывается изобрѣтеніе

грузинскихъ письменъ. Парнавазъ далъ приказаніе всей странѣ говорить по-грузински. О томъ, что Парнавазъ лицо не вымышленное, мы имѣемъ свидѣтельство одного армянскаго писателя IV в. (Фауста Византійскаго)“ (272).

Заканчивая свою статью, пр. Паткановъ еще разъ оговаривается, что „скромная задача его заключается не въ изслѣдованіяхъ по Исторіи Грузіи, а въ оцѣнкѣ Армянской Хроники, въ которой до эпохи, нами разсматриваемой, ничего историческаго не сохранилось“. (273).

Остается теперь намъ разсмотрѣть обвиненіе Патканова въ „присвоеніи“ злополучнаго Чорохскаго бассейна, за которое такъ досталось отъ кн. Чавчавадзе гг. Худабашеву, Эмину и Эрицеву. Но и здѣсь оказывается, что пр. Паткановъ и кн. Чавчавадзе говорятъ о разныхъ эпохахъ, а именно пр. Паткановъ говоритъ слѣдующее:

„Въ первые вѣка христіанства, какъ намъ извѣстно отъ современниковъ, часть нынѣшней Грузіи, по южному берегу Куры, входила въ составъ Армянскаго Царства. Области Тайкъ и Гукаркъ (Gogaren) въ политическомъ отношеніи принадлежали Арменіи и составляли первая 14-ю, а вторая 13-ю провинціи этого государства. Но населеніе этихъ мѣстностей было, вѣроятно, и въ то время на половину грузинское. Впослѣдствіи съ образованіемъ Грузинскаго Царства, въ нихъ стали господствовать грузины и политически сами грузины считали Гугаркъ армянскою провинціею, такъ какъ называли ее Сомхетъ, т. е. Арменіей. У мѣстныхъ жителей могло сохраниться воспоминаніе объ ихъ прежней зависимости отъ армянъ“. (243).

Разсматриваемый здѣсь вопросъ нами подробно былъ разобранъ въ главѣ объ Эминѣ, Худабашевѣ и Эрицевѣ и потому мы не будемъ повторять уже сказаннаго. На-

помнимъ лишь, что указанія пр. Патканова согласуются со взглядомъ М. Броссе, который также писалъ, что этими провинціями попеременно владѣли грузины и армяне.

Конечно, пр. Паткановъ могъ ошибаться, но во всей его статьѣ проглядываетъ одно стремленіе разобраться въ темныхъ вопросахъ древнѣйшей исторіи Грузіи на основаніи историческихъ фактовъ и достовѣрныхъ историческихъ памятниковъ; при этомъ онъ же приглашаетъ продолжать и дополнить его попытку другихъ болѣе свѣдущихъ грузинологовъ, отнюдь не претендуя на непогрѣшимость и, во всякомъ случаѣ, не преслѣдуя никакихъ тенденціозныхъ цѣлей и развѣнчивая лишь миѳологическій періодъ исторіи Грузіи. Если отъ такого историческаго анализа древней лѣтописи нѣсколько меркнетъ баснословный періодъ грузинской исторіи, то въ этомъ историческая критика неповинна. Тѣмъ менѣе можетъ быть она заподозрѣна въ умышленномъ извращеніи исторіи, что еще ранѣе древней исторіи Грузіи, въ первыхъ главахъ той же своей статьи пр. Паткановъ съ еще большею безпощадностью критиковалъ и древнюю исторію армянъ Моисея Хоренскаго. Очевидно, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ проф. Паткановъ исполнилъ лишь свой долгъ ученаго историка, которому должны быть совершенно чужды всякія иныя цѣли, кромѣ одной—исканія научной истины и искренности этого его стремленія пока никто не могъ заподозрѣть.

Что указанія, приведенныя въ статьѣ пр. Патканова, не могутъ служить основаніемъ къ обвиненію его въ тенденціозномъ искаженіи исторіи, видно, между прочимъ, изъ того, что даже А. Цагарели, несмотря на все его отрицательное отношеніе къ работѣ Патканова, замѣтилъ, что это „якобы“ изслѣдованіе пр. Патканова есть ничто иное, какъ сводъ отрицательныхъ мнѣній, пере-

данныхъ дословно или въ легкой перефразировкѣ когда либо высказанныхъ его предшественниками или современниками о грузинскомъ историческомъ сборникѣ „Картлисъ-Цховреба“, что не трудно доказать сопоставленіемъ параллельныхъ мѣстъ изъ статей этихъ авторовъ“. Не беря, однако, на себя „не трудной“ задачи фактически подтвердить свои обвиненія и предпочитая еще болѣе „легкій“ трудъ голословныхъ обвиненій, А. Цагарели дѣлаетъ такое важное для нашихъ цѣлей заключеніе: „такъ что въ статьѣ пр. Патканова нѣтъ ничего новаго, ни самостоятельнаго ни въ фактическомъ, ни въ теоретическомъ отношеніи“ *). Совершенно не касаясь вопроса объ оригинальности научныхъ заслугъ пр. Патканова въ дѣлѣ критической оцѣнки Древ. Груз. Хроники и охотно допуская, что все высказанное имъ было замѣчено ранѣе его другими авторами, во всякомъ случаѣ, думаемъ, что этотъ отзывъ А. Цагарели долженъ совершенно очистить самого пр. Патканова отъ тѣхъ обвиненій, которыя на него лично взводятся кн. Чавчавадзе, такъ какъ, по свидѣтельству А. Цагарели, буквально то же самое говорили до него другіе его предшественники или современники, въ числѣ коихъ мы не находимъ ни одного армянина.

Считаемъ не лишнимъ и здѣсь высказать догадку, откуда самъ кн. Чавчавадзе могъ почерпнуть свои свѣдѣнія о статьѣ пр. Патканова и читалъ ли онъ эту статью въ подлинникѣ.

Слѣдующее мѣсто изъ А. Цагарели проливаетъ нѣкоторый свѣтъ на этотъ интересующій насъ вопросъ. У А. Цагарели, между прочимъ, говорится, что пр. Паткановъ высказываетъ предположеніе, что авторъ Картлисъ-Цховреба, вѣрнѣе всего, —малограмотный

*) А. Цагарели. Свѣдѣнія о памятникахъ грузин. письм. (т. I. вып. 3. стр. XCVI).

армянскій монахъ (тамъ же стр. XCVI), т. е. то, что приведено у кн. Чавчавадзе. Слѣдовательно въ обоихъ случаяхъ допущена одна и та же ошибка, такъ какъ пр. Паткановъ говоритъ не объ авторѣ всей „Картлисъ-Цховреба“, а лишь объ авторѣ Древней Грузинской Лѣтописи, какъ было приведено выше. Подобное совпаденіе одного и того же ошибочнаго утвержденія факта, котораго мы не находимъ у пр. Патканова, дѣлаетъ вѣроятной догадку объ общности происхожденія этой ошибки.

Коснувшись А. Цагарели, нельзя не замѣтить, что, въ сущности главнымъ виновникомъ всѣхъ обвиненій Патканова въ тенденціозномъ отношеніи къ грузинской исторіи является, повидимому, именно А. Цагарели, а не кн. Чавчавадзе. Послѣднему, какъ неспеціалисту и при томъ, быть можетъ, не имѣвшему возможности провѣрить въ подлинникѣ написанное пр. Паткановымъ, простительно основываться на словахъ ученаго профессора А. Цагарели и повторять и даже разукрашивать то, что говоритъ А. Цагарели и др. критики Патканова. Но какъ могъ самъ А. Цагарели такъ безцеремонно инсинуировать по адресу своихъ ученыхъ же коллегъ—это, признаемся, для насъ непостижимо. Въ предисловіи къ выпуску первому изданныхъ имъ „Свѣдѣній о памятникахъ грузинской письменности“, онъ не только повторяетъ басню, будто есть ученые, которые „отрицаютъ историческое значеніе всей „Картлисъ-Цховреба“, но даже позволилъ себѣ утверждать, что различные рецензенты, не богатые фактическими познаніями но очень богатые различнаго рода соображеніями, часто неимѣвшими ничего общаго съ цѣлями науки, стремясь доказать, что „мало грузинскихъ историческихъ памятниковъ“, тѣмъ самымъ хотѣли убѣдить, что „и культура въ Грузіи была слаба“ и что поэтому, „стоитъ ли

изучать прошлое такого народа". (Ст. XXXIII, XXXIV. Вотъ какія цѣли приписываются ученымъ грузинологомъ различнымъ критикамъ, въ томъ числѣ и Патканову, какъ видно изъ третьяго выпуска тѣхъ же „Свѣдѣній", гдѣ пр. Паткановъ, вмѣстѣ съ Сенковскимъ и Шопеномъ уже прямо обвиняются ученымъ А. Цагарели въ томъ, что они „вводили въ заблужденіе учебное начальство и образованное общество относительно грузинологіи своей некомпетентной, поверхностной, придирчивой и несправедливой критикой".. „изъ за неудержимаго патріотическаго желанія (достойнаго лучшей цѣли) предостеречь кого слѣдуетъ отъ непроизводительныхъ расходовъ на поддержаніе такого неклассическаго предмета, какъ грузинологія". (Стр. LXXXVIII—IX). Но чѣмъ доказываетъ А. Цагарели наличность именно такихъ внутреннихъ побужденій ученыхъ, критиковавшихъ грузинскія лѣтописи? Рѣшительно ничѣмъ. По крайней мѣрѣ, по отношенію къ пр. Патканову не приведено ни одной ссылки, подтверждающей подобную догадку. А между тѣмъ эти догадки выдаются, какъ нѣчто неоспоримо вѣрное.

Вина этихъ авторовъ, оказывается, усиливается еще тѣмъ, что ихъ критика появлялась въ самые рѣшительные моменты учебныхъ реформъ, а именно: 1) Сенковскій выступилъ со своей критикой какъ разъ въ первые годы, когда грузинскій языкъ и литература пріобрѣли право гражданства въ научной программѣ С.-Петербургской Академіи Наукъ (въ 1837—1838 г.), 2) Шопенъ издалъ книгу „Новыя замѣтки на древнія исторіи Кавказа и ея областей" въ 1866 г., вслѣдъ за изданіемъ новаго университетскаго устава 1863 г: и 3) Паткановъ напечаталъ свою статью о Древне-Грузинской Хроникѣ въ 1883 г., наканунѣ новаго университетскаго ставау 1884 г. (т. I. вып. 3. стр. LXXXIX—XC).

Насколько характеръ статьи Сенковскаго былъ совершенно чуждъ подобнымъ стремленіямъ, читатель могъ судить по обширнымъ выдержкамъ, приведеннымъ въ первой главѣ. Что же касается пр. Патканова, то если критика одной древнѣйшей части лѣтописей непремѣнно должна была явиться только въ силу подобныхъ низменныхъ побужденій, то тогда слѣдовало бы признать, что Паткановъ въ равной мѣрѣ предостерегалъ кого то отъ непроизводительныхъ расходовъ по поддержанію арменологіи, такъ какъ, мы видѣли,—одновременно съ критикой Древней Грузинской Хроники онъ подвергъ еще болѣе безпощадной критикѣ и Армянскую Исторію М. Хоренскаго. Но, очевидно, этой цѣли пр. Паткановъ не могъ преслѣдовать. Слѣдовательно, чтобы заподозрить его въ такихъ цѣляхъ по отношенію къ грузинологіи, нужны иныя доказательства, кромѣ критики грузинскихъ лѣтописей. А этихъ то другихъ доказательствъ ученый грузинологъ не приводитъ, не щадя памяти своего ученаго коллеги отъ незаслуженнаго обвиненія. Между тѣмъ, еслибъ А. Цагарели самъ безъ „неудержимаго патріотическаго рвенія", прочелъ статью Патканова, онъ вынесъ бы убѣжденіе, что его статья, дѣлая лишь нѣсколько общихъ замѣчаній о всей „Картлисъ Цховреба" подвергаетъ критикѣ только Древнюю Грузинскую Хронику и что пр. Паткановъ взялся за свою критическую оцѣнку древней лѣтописи „въ ожиданіи того времени, когда образованные грузинисты, глубоко изучивъ памятники своей старины, примутся за это дѣло и, отдѣливъ въ своей лѣтописи вымышленное отъ историческаго, новое отъ древняго, выставятъ въ надлежащемъ свѣтѣ ея достоинства и недостатки, какъ историческаго матеріала". Могъ ли ученый, высказавшій такое пожеланіе о развитіи критическаго грузиновѣдѣнія въ тоже время интриговать въ самый рѣшительный

моментъ учебной реформы противъ непроизводительной траты денегъ на грузиновѣдѣніе—пусть судитъ читатель. Для насъ же несомнѣнна несовмѣстимость подобныхъ двухъ желаній, не говоря уже о всѣхъ прочихъ фактахъ и отзывахъ, свидѣтельствующихъ о научномъ безпристрастіи, которымъ проникнуты всѣ работы пр. Патканова.

Остается намъ разсмотрѣть несправедливое обвиненіе грузинъ въ фанатизмѣ, приписываемое пр. Патканову. Такого обвиненія, однако, мы въ разсматриваемой статьѣ этого автора не нашли. Нѣкоторый свѣтъ на это обвиненіе проливаетъ слѣдующее мѣсто изъ „Отповѣди“ пр. Марра грузинскому поэту Акакію, также пустившему въ обращеніе это знаменитое постановленіе Двинскаго собора, какъ образчикъ фанатизма армянъ.

„Акакій одно изъ своихъ доказательствъ сознательно питаемой вражды армянъ къ грузинамъ, говоритъ пр. Марръ, видитъ въ рѣшеніи Двинскаго собора, 596 г. *), воспрещающемъ армянамъ общаться съ грузинами въ чемъ либо, кромѣ дѣлъ купли и продажи **). Можно указать на случай такой же, а, пожалуй, еще болѣе фанатической нетерпимости грузинъ къ армянамъ, какъ иновѣрцамъ, и даже кощунственнаго отношенія грузинскихъ іерарховъ къ христіанской святынѣ. Достаточно, думается, вспомнить ту отвратительную сцену, которая описывается въ грузинскихъ лѣтописяхъ по поводу спора

*) Въ дѣйствительности „редакція этого запрещенія“ принадлежитъ не собору, а окружному посланію католикоса Авраама. (См. статью пр. Марра въ „Братской Помощи“, изд. 2, стр. 562).

**) Это можетъ свидѣтельствовать только лишь „о крайнемъ обостреніи отношеній между распавшимися на два лагеря духовными вождями до тѣхъ поръ единой армянско-грузинской церкви, каковому обостренію обѣ стороны одинаково содѣйствовали, ревнуя о чистотѣ вѣры и ни о чемъ болѣе“. (Тамъ же примѣч. на стр. 563).

о томъ, какая вѣра лучше—армянская или грузинская. Мы стѣсняемся передать здѣсь это сообщеніе грузинскаго лѣтописца“. (Brosset, I, стр. 452—454).

„Никто, конечно, не отрицаетъ, что армянская церковь, вѣря въ непогрѣшимость своего ученія, ревниво оберегала своихъ сыновъ отъ ученій, казавшихся ей заблужденіемъ и, отстаивая свое автокефальное существованіе, соборными постановленіями, боролась съ отрицателями ея авторитета, но это явленіе—общее во взаимныхъ отношеніяхъ церквей даже тогда, когда церквамъ не угрожаетъ никакая опасность. Едва ли также нуждается въ доказательствѣ, что пресловутый запретъ Двинскаго собора былъ плодомъ минутнаго раздраженія и никогда не получалъ жизненнаго значенія. Такой правильный взглядъ на дѣло, притомъ мотивированный, существуетъ въ самой грузинской литературѣ (О. Жарданія, Хроники и пр. (на грузинскомъ языкѣ), Тифлисъ, 1893 г. стр. 313). Также и Д. З. Бакрадзе въ своемъ сочиненіи „Проф. Паткановъ и источники грузин. исторіи“ (на груз. языкѣ), откуда Акакій, по всей видимости, взялъ сообщеніе о Двинскомъ соборѣ, также не придаетъ этому документу обще-армянскаго характера, ибо противъ такого его значенія возстаютъ неоспоримые факты“. (Ор. с., стр. 6—7).

Чтобы покончить съ обвиненіями пр. Патканова, не лишнимъ считаемъ привести рядъ выдержекъ изъ книги Ланглуа, чтобы выяснить, насколько этотъ, по словамъ кн. Чавчавадзе, „достойный уваженія ученый“, (см. у кн. Чавчавадзе стр. 22), въ сущности вполнѣ сходится съ проф. Паткановымъ по самому основному вопросу, такъ взволновавшему кн. Чавчавадзе, а именно—о скудости грузинскихъ историческихъ письменныхъ памятниковъ и о недостовѣрномъ характерѣ ихъ древнѣйшей части.

5. Мнѣніе В. Ланглуа о грузинскихъ лѣтописяхъ. Отзывъ пр. Марра о профессорѣ Патхановѣ.

Въ 1860 году Victor Langlois издалъ въ Парижѣ сочиненіе подъ названіемъ „Essai de classification des suites monétaires de la Géorgie“ Въ сочиненіи этомъ, по заглавію имѣющемъ цѣлью нумизматическія изысканія, содержатся, между прочимъ, слѣдующія строки о грузинскихъ лѣтописяхъ:

„Исторія Грузіи, въ томъ видѣ, въ какомъ она дошла до насъ въ компиляціи, извѣстной подъ названіемъ „Большихъ лѣтописей“ въ резюмэ царевича Вахуштія и въ различныхъ хроникахъ, недавно получившихъ освѣщеніе благодаря М. Броссе, дѣлится на двѣ части: древности и современный вѣкъ. Однако, мы думаемъ, что было бы возможно установить другое различіе и подраздѣлить исторію на два большихъ періода: героическій и историческій. Первый, заключающій цѣлую серію, большею частью, легендарныхъ разсказовъ и который продолжается до VI в. нашей эры, т. е. до того времени, когда Грузія, стряхнувъ иго Персіи, находившейся тогда во власти Сассанидовъ, призвала на тронъ Багратидовъ и вступила въ союзъ съ греками Византіи, и второй, который начинается въ VI в. нашей эры и оканчивается присоединеніемъ Царства къ Россійской Имперіи въ 1801 году.

Что касается времени до Рождества Христова и до установленія этой религіи въ Грузіи,—лѣтописи, собственно говоря, не заключаютъ ничего иного, кромѣ легендъ и дѣйствительно ничто не указываетъ, что хроникеры, якобы разсказывающіе событія, совершившіяся до этой эпохи, пользовались документами, почерпнутыми изъ историческихъ источниковъ. Есть основаніе даже думать, что то, что могло бы замѣнить древнія

національныя традиціи до введенія христіанства въ Закавказскихъ странахъ, было уничтожено въ моментъ обращенія грузинъ въ новую вѣру, какъ это имѣло мѣсто въ періодъ проповѣднической дѣятельности Св. Григорія Просвѣтителя. Поэтому понятно, что „Большія Лѣтописи“, въ редактированіи которыхъ принимали участіе различные хроникеры въ разное время,—содержатъ относительно первыхъ временъ Закавказскихъ странъ лишь ткань басенъ, въ которой по временамъ можно найти искаженныя (denaturée) преданія, и которыя почти невозможно связать съ историческими событіями. Едва только начавъ изученіе этой книги, первыя главы которой были составлены значительно позднѣе введенія христіанства въ Закавказьѣ, очень скоро можно придти къ заключенію, что авторы этихъ длинныхъ хроникъ были простыми монахами, коихъ единственную науку составляли священныя книги, изъ которыхъ они дѣлали постоянно позаимствованія. Послѣ этого неудивительно, что національныя преданія, уже совершенно искаженныя къ ихъ времени, подверглись еще многочисленнымъ измѣненіямъ въ ихъ рукахъ, такъ какъ ихъ мы видимъ замѣненными исторіями и генеологіями властителей, большая часть коихъ была связана съ большимъ или меньшимъ искусствомъ съ разсказами и родославными еврейской расы. Впрочемъ, эта система свойственна не только грузинскимъ лѣтописцамъ, такъ какъ мы знаемъ, что первые армянскіе историки дѣйствовали такимъ же образомъ и приходили къ тѣмъ же результатамъ. Сверхъ этого, легко понять, что для разсказа о событіяхъ эпохи почти забытой подобный способъ долженъ былъ необходимымъ образомъ придти на умъ людямъ, для которыхъ священныя книги были текстомъ историческимъ и религіознымъ по преимуществу, единственнымъ достовѣрнымъ преданіемъ, пото-

му что они были дѣломъ откровенія. Оставивъ въ сторонѣ почти совершенно смутныя традиціи, которыя дошли до нихъ относительно происхожденія ихъ расы и древнѣйшей исторіи ихъ націи, лѣтописцы грузинскіе сохранили только имена лицъ, коихъ существованіе нельзя было отрицать, и которыхъ они ввели въ свои разсказы, несмотря на свое отвращеніе ко всему, что прямо не относилось къ священнымъ книгамъ. Но эта смѣсь библейскихъ преданій и искаженныхъ грузинскихъ воспоминаній произвела такую смуту въ умахъ составителей лѣтописей, и слѣдовательно и въ ихъ писаніяхъ, что въ настоящее время почти невозможно извлечь что нибудь серьезное изъ первыхъ главъ лѣтописей.

Чтобы нагляднымъ образомъ доказать, насколько вымыселъ господствуетъ на первыхъ страницахъ лѣтописи, достаточно указать на то, что ни одинъ фактъ, касающійся исторіи Грузіи и приводимый греческими и латинскими историками, не разсказывается лѣтописцами; даже болѣе того, лица, коихъ имена намъ переданы писателями древности, въ грузинскихъ лѣтописяхъ, за рѣдкими исключеніями, не фигурируютъ вовсе, а въ этихъ исключительныхъ случаяхъ въ очень измѣненной формѣ. Однако, мы имѣемъ всѣ основанія вѣрить свидѣтельству древнихъ, которые разсказывали о событіяхъ своего времени. Такимъ образомъ, никто не станетъ подвергать сомнѣнію экспедицію Помпея въ Иберію, факты касательно царствованія Фаразмана, упроченія его брата Митридата въ Арменіи, таланты, жестокости и недостатки Радамиста, сына Фаразмана, событія замѣчательныя, коихъ отголоски должны быть обширны въ Грузіи, такъ какъ даже Римъ зналъ ихъ детали, и коихъ современные писатели упоминали въ своихъ разсказахъ. Правда, что въ эпоху, когда совершались упомянутыя нами событія, Грузія, страна почти варвар-

ская, была въ теченіе долгихъ лѣтъ подъ властью Персіи; ея существованіе было тѣснѣйшимъ образомъ связано съ существованіемъ Аршакидовъ и Сассанадовъ; религія огня была общая у двухъ народовъ и до того времени, чтобы ни говорили лѣтописцы, никакихъ признаковъ національности и политической организаціи не существовало въ Грузіи. Свѣдѣнія достовѣрныя, которыя мы могли собрать относительно древнихъ временъ исторіи Закавказья, не позволяютъ отмѣтить ничего иного, кромѣ долгаго оцѣпѣнѣнія, причиненнаго чужестраннымъ давленіемъ; казалось, нація ждала одного изъ тѣхъ событій, которыхъ Провидѣніе во время создаетъ и которыя извлекаютъ націю изъ глубокой тьмы, окружающей ее въ теченіе столькихъ столѣтій. Это событіе было произведено христіанствомъ. Впрочемъ, мы знаемъ, что до проповѣди Евангелія въ Грузіи, эта страна была незначительна и почти неизвѣстна древнимъ. Тацитъ, который жилъ во второй половинѣ I столѣтія нашей эры, говоритъ о ней въ такихъ выраженіяхъ: „Modicum Hiberiae regnum; въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ еще: „Ignobilem Hiberum, mercenario milite“.

Но какъ только грузины приняли христіанство и божественный крестъ замѣнилъ священный огонь на алтаряхъ древней религіи персовъ, духъ національности сразу проявился. Вскорѣ возгорѣлась религіозная борьба между поклонниками огня—и грузины сдѣлались христіанами, борьба, театромъ коей была также и Арменія въ ту же эпоху и которая породила тѣ религіозныя войны, свидѣтелемъ коихъ былъ V-ый вѣкъ въ этой части Азіи.

Итакъ, изучая внимательно исторію Грузіи того времени, которымъ мы занимаемся, мы видѣли вначалѣ одновременное присутствіе вымысла и преданія, иначе говоря—смѣсь писаній невѣжественныхъ и религіозныхъ,

гдѣ господствовали христіанскія идеи. Въ отличіе отъ системы, которой слѣдовали Геродотъ и Ѳукидитъ для разсказа о событіяхъ совершившихся, грузинскіе лѣтописцы смѣшали легенды съ миѳами и національныя традиціи, собранныя ими, не подверглись ни контролю, ни очищенію со стороны какой либо критики. Поэтому не приложимо ли къ составителямъ грузинскихъ лѣтописей эти слова греческаго философа, что „для него начало важно настолько, насколько оно подготовляетъ послѣдующіе успѣхи“ (le commencement vaut a lui seul les progrès ulterieurs qu'il prepare).

Стоитъ только бросить взглядъ на содержаніе первыхъ страницъ грузинскихъ лѣтописей, которыя содержатъ курьезные образчики невѣжественной и религіозной литературы страны, какъ наталкиваешься на героическія легенды и вскорѣ хроникеръ переноситъ васъ къ первымъ вѣкамъ нашей эры, эпохѣ чисто-исторической для другихъ народовъ, которая для Грузіи все еще частью остается баснословной. И дѣйствителъно, составители избрали первые вѣка нашей эры, чтобы заставить насъ присутствовать при появленіи не родоначальника націи, но возстановителя націи, героя грузинскаго по преимуществу, необычайнаго завоевателя, который далеко раздвинулъ предѣлы страны, торжествовалъ со славой надъ всѣми своими врагами и царствовалъ могущественно надъ обширными странами, которыхъ подчинила ему его армія. И странное дѣло, это героическое лицо, которое хроникеромъ называется Вахтангомъ-Гургасланомъ, — Левъ-Волкъ, жило въ V стол. нашей эры, слѣдовательно очень немногимъ ранѣе Юстиніана и Хозрова Нуширвана. Читая описаніе жизни и приключеній Вахтанга, тотчасъ же признаешь въ немъ одно изъ тѣхъ поэтическихъ сочиненій, обязанныхъ воображенію какого нибудь энтузіаста, который

создалъ національнаго героя, коего высокія дѣянія должны служить вступленіемъ къ исторіи его родины. Вахтангъ, — такъ, какъ онъ обрисованъ въ лѣтописяхъ, — есть скорѣе Вакхъ индейскій, или псевдо-Александръ, полу-богъ, полу-герой, проходившій черезъ Азію, подчиняя ее своимъ законамъ, чѣмъ глава маленькаго государства, которое съ такою суровостью квалифицируетъ Тацитъ нѣсколько вѣковъ передъ тѣмъ. Во всякомъ случаѣ, мы не думаемъ отрицать существованіе Вахтанга, тѣмъ болѣе, что армянскій историкъ Лазарь Парбскій, его современникъ и авторъ жизни Св. Шушаники жены Восгена, патріарха Кукарка, намъ сообщаетъ, что Вахтангъ царствовалъ (правилъ) въ Мцхетѣ. Кромѣ того, мы знаемъ, что Вахтангъ, по словамъ византійскихъ историковъ, принялъ участіе въ экспедиціи Фируза въ центральную Азію и въ Индію и одна надпись въ церкви Nouzala сообщаетъ о похищеніи его сестры Ассами. Какъ бы то ни было, біографія Вахтанга, какъ она передана лѣтописями, была страннымъ образомъ искажена и дополнена — и критика отказывается признать ея подлинность. Къ тому же это тотъ способъ, которымъ вообще начинаются большая часть лѣтописей народовъ Азіи, въ которыхъ преданія перемѣшаны съ миѳами, служа, такъ сказать, введеніемъ въ положительные историческіе матеріалы. Тѣмъ не менѣе, курьезно видѣть, что въ V вѣкѣ нашей эры, грузины, такъ же какъ и арабы, были еще въ своемъ героическомъ періодѣ, и что ихъ исторія по большей части покоилась на поэтическихъ вымыслахъ. Это явленіе, которое было замѣчено однимъ ученымъ оріенталистомъ также и у арабовъ той же эпохи, показываетъ, что въ то время какъ одни народы Азіи уже далеко подвинулись въ цивилизаціи, другіе народы, находившіеся въ близкомъ къ нимъ сосѣдствѣ, пребывали еще въ своемъ герои-

ческомъ періодѣ. Это очень любопытное явленіе въ міровой исторіи, что два народа, весьма удаленные другъ отъ друга, переживая такимъ образомъ свой героическій вѣкъ рядомъ съ расами, уже старыми въ исторіи и продолжающіе свою героическую жизнь въ эпоху, весьма близкую къ нашей, среди значительно подвинувшейся впередъ мысли. (Стр. 3—9). Надо дойти до VI вѣка, чтобы видѣть исторію Грузіи вполнѣ освобожденную отъ этихъ миѳовъ, занимающею значительное мѣсто въ лѣтописяхъ Азіи. Христіанство установилось на солидныхъ основаніяхъ во всей странѣ и лѣтописцы начинаютъ записывать послѣдовательное развитіе, пріобрѣтенное христіанствомъ, благодаря покровительству царя страны (Стр. 9).

Итакъ, какъ только династія Сассанидовъ подверглась полному упадку и грузинскіе князья объявили себя независимыми и обратились къ Византіи для выбора себѣ суверена *), дѣйствительно зародилась исторія Грузіи и національныя монеты начали обращаться во всей странѣ (Стр. 10).

„Древняя исторія Грузіи очень темна, событія, совершавшіяся въ этой странѣ со времени утвержденія расы Картлоса до первыхъ вѣковъ нашей эры, были настолько искажены лѣтописцами, что почти невозможно найти ея слѣды и связать между собой какою либо связью большую часть фактовъ, переданнымъ намъ лѣтописцемъ“.

Изъ этой выдержки изъ сочиненія Ланглуа ясно видно, что взглядъ его во всемъ сходенъ съ тѣмъ, что утверждалъ послѣ него пр. Паткановъ относительно

*) Выборъ палъ на одного изъ Багратидовъ, который и былъ назначенъ курапалатомъ. Но впослѣдствіи званіе курапалатовъ не удовлетворяло болѣе честолюбія Багратида, который провозгласилъ себя царемъ.

грузинскихъ лѣтописей. Въ частности по отношенію къ Вахтангу Гургаслану, нельзя не замѣтить, что взгляды пр. Патканова есть лишь простое повтореніе того, что говорилъ Ланглуа, авторитетъ коего признаетъ кн. Чавчавадзе. Спрашивается, въ чемъ же вина самого пр. Патканова? Очевидно, передъ исторической наукой у него нѣтъ вины, есть лишь вина передъ узкимъ и слѣпымъ патріотизмомъ. Но этой вины онъ не только не скрывалъ и не стыдился, а скорѣе могъ бы гордиться.

Вотъ что по этому поводу говоритъ одинъ изъ учениковъ пр. Патканова, съ благодарностью вспоминающій его уроки безпристрастнаго, строго научнаго отношенія къ исторіи. Въ „Біографическомъ словарѣ профессоровъ и преподавателей Императорскаго С.-Петербургскаго Университета“, т. второй, 1898 г., стр. 93, профессоръ Н. Марръ говоритъ о Паткановѣ К. П. слѣдующее:

„Наибольшимъ мастерствомъ отличался К. П. въ оцѣнкѣ историческихъ памятниковъ и въ критикѣ ихъ источниковъ. Строго критическое отношеніе къ грузинскимъ лѣтописямъ (Ж. М. Н. П. 1883 г. декабрь) навлекло на К. П. упреки (Д. Бакрадзе, „Профессоръ Паткановъ и источники грузинской исторіи на груз. яз.“ Тиф. 1884 г., стр. 3) въ особомъ недоброжелательствѣ къ грузинамъ; упреки исходили отъ лицъ, очевидно, незнакомыхъ съ общимъ характеромъ его научныхъ работъ. Не говоря о томъ, что существенная часть сужденій К. П., представляющихъ первый серьезный опытъ научной критики по вопросу находитъ оправданіе въ новѣйшихъ изслѣдованіяхъ, устанавливающихъ фактъ позднѣйшей редакціи грузинскихъ лѣтописей, достаточно напомнить, что К. П. съ не меньшею охотою принималъ дѣятельное участіе и въ дѣлѣ разрушенія армянскихъ авторитетовъ, разъ они казались ему основанными на болѣе или менѣе легендарныхъ преданіяхъ: онъ безу-

словно былъ чуждъ всякихъ національныхъ предразсудковъ. Какъ просвѣщенный человѣкъ, К. П. во всѣхъ своихъ изслѣдованіяхъ былъ нелицепріятнымъ поборникомъ научной правды. Безпристрастіе въ обсужденіи учеными вопросовъ, близко касающихся ихъ національности, рекомендовалось имъ неоднократно на лекціяхъ, свидѣтельствовавшихъ объ его искреннемъ желаніи возбуждать въ слушателяхъ интересъ къ научнымъ занятіямъ".

Затѣмъ, тотъ же пр. Марръ въ своей „Отповѣди Акакію", (Брат. Пом., 2 из. ст. 561) обвинявшему пр. Патканова въ тѣхъ же „преступленіяхъ", говоритъ слѣдующее:

„Не вчера ли это было, говоритъ далѣе Акакій, какъ ихъ (армянъ) ученый Паткановъ доказывалъ, что у грузинъ не было исторіи, что они ее сочинили лишь въ XVIII в., во время Вахтанга, и то на основаніи армянской сказки". „Если бы Акакій хотѣлъ сказать, что покойный профессоръ Петербургскаго университета, русскій ученый, армянинъ по происхожденію, первый подвергъ строго научной критикѣ грузинскія лѣтописи, указалъ въ этомъ памятникѣ на крупные анохронизмы, выяснивъ несостоятельность ряда фактовъ, основанныхъ частью, несомнѣнно, на эпонимномъ пріемѣ, извѣстномъ ему изъ армянскихъ историковъ, частью, предположительно, на „грузинизацію" подвиговъ иноземныхъ героевъ, и доказалъ съ очевидностью, что грузинскія лѣтописи въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ были въ его время, единственно извѣстны въ европейской наукѣ, во всякомъ случаѣ, есть произведеніе XVIII в. и что болѣе древняя редакція, доступная пока исключительно въ армянскомъ переводѣ, едва ли древнѣе XI в.; если бы, повторяемъ, Акакій имѣлъ въ виду указать на эти заслуги покойнаго армениста, то, конечно, и говорить бы намъ было не о чемъ. Оговорившись, что мысль о баснословномъ характерѣ источниковъ начальной эпохи грузинской исторіи была вскользь высказана еще до Патканова грузиномъ Бакрадзе *), мы бы только добавили, что, какъ ученикъ покойнаго профессора, съ гордостью признаемъ за нимъ эту заслугу передъ лицемъ науки, и кромѣ того, лично интересуясь научнымъ грузиновѣдѣніемъ, мы питаемъ къ его памяти особую признательность за ту же статью, такъ какъ оживленіе мысли, вызванное ею въ грузинской научной литературѣ, дало толчекъ серьезной разработкѣ вопроса объ источникахъ грузинской исторіи и содѣйствовало, между прочимъ, появленію на свѣтъ Божій древнѣйшей редакціи грузинскихъ лѣтописей, которая въ существенной части превосходно подтверждаетъ основныя мысли К. П. Патканова". **).

„Могутъ подумать, что въ этой благотворной для грузиновѣдовъ научной критикѣ отрицательное отношеніе

*) Вотъ подлинныя слова покойнаго историка: „Источники о первыхъ ея (Грузіи) временахъ очень скудны, да и тѣ носятъ характеръ баснословный (Бакрадзе, „Объ источникахъ грузинской исторіи", „Кавказ. Календарь", 1885 г. Тифл. 1857, стр. 405). И въ позднѣйшихъ работахъ Бакрадзе вовсе не отрицаетъ этого факта, а оправдываетъ его неблагопріятными обстоятельствами. Кстати, можно замѣтить, что въ своихъ научныхъ трудахъ этотъ ученый, по признанію, держался замѣчательно корректнаго тона по отношенію къ армянскому вліянію на грузинъ; даже въ его интересныхъ многими указаніями возраженіяхъ на статью К. П. Патканова, по существу, однако, не представляющихъ отвѣта на ея части, доминируетъ дѣловитое отношеніе къ вопросу, хотя въ этихъ возраженіяхъ аплогетическаго характера въ спокойный тонъ ученаго мѣстами прорывается нотка взволнованнаго національно-патріотическаго чувства."

**) Изъ сказаннаго о значеніи работы К. П. Патканова вовсе нѣтъ надобности заключать, что она безукоризненна до мелочей: не будучи спеціалистомъ по грузиновѣдѣнію, Паткановъ естественно не могъ не избѣжать нѣкоторыхъ промаховъ въ подробностяхъ. Въ настоящее время, кромѣ того, нѣкоторые его пріемы показались бы устарѣвшими, но это уже не имѣетъ никакого отношенія къ навязываемому ему грузинофобству.

Патканова къ грузинскимъ лѣтописямъ опредѣлялось ненавистью его, какъ армянина, ко всему грузинскому, желаніемъ унизить грузинъ въ глазахъ образованнаго общества; что тотъ же Паткановъ въ критикѣ армянскихъ памятниковъ избѣгалъ отрицательнаго отношенія. Но дѣло въ томъ, что хотя и армянинъ, ученый Паткановъ былъ одинаково безпощаденъ въ критикѣ историческихъ памятниковъ,—принадлежали ли они грузинамъ или армянамъ. Достаточно сказать, что въ оцѣнкѣ Хоренскаго, этой гордости армянской литературы, „армянскій ученый" Паткановъ болѣе неумолимъ въ своихъ отрицательныхъ выводахъ, чѣмъ въ оцѣнкѣ грузинскихъ лѣтописей".

Таковъ взглядъ пр. Марра на научныя заслуги пр. Патканова. Мы полагаемъ, что всѣ эти факты въ достаточной мѣрѣ очищаютъ память покойнаго ученаго армениста, армянина пр. Патканова отъ всѣхъ обвиненій, возводимыхъ на него кн. Чавчавадзе. И такимъ образомъ кн. Чавчавадзе можетъ быть спокоенъ: грузинская „Картлисъ-Цховреба" никѣмъ не изорвана, грузинской исторіи никто не пытался упразднить и участіе армянина въ составленіи Древней ея Хроники не умаляетъ заслугъ всѣхъ позднѣйшихъ, несомнѣнно, почтенныхъ грузинскихъ лѣтописцевъ.

6. Профессоръ Н. Я. Марръ и его отношеніе къ грузинской культурѣ и отзывъ о „Барсовой Кожѣ".

Покончивъ съ критикой пр. Патканова, кн. Чавчавадзе переходитъ уже въ наступленіе и обращается къ разбору М. Хоренскаго, никакого отношенія къ грузинской исторіи и къ разбираемому имъ вопросу не имѣющему, единственно затѣмъ, чтобы обличить пр. Патканова въ присвоеніи себѣ всего того, что Ленорманъ говорилъ объ этой исторіи Хоренскаго. Эта часть брошюры кн. Чавчавадзе имѣетъ цѣлью дискредитировать вообще заслуги ученаго армениста, независимо отъ его отношеній къ грузиновѣдѣнію, чтобы показать на что вообще способны армянскіе ученые. Входить въ разборъ этой части „сочиненія" кн. Чавчавадзе мы не намѣреваемся, такъ какъ это не имѣетъ значенія для выясненія „грузино-армянскихъ отношеній", составляющихъ цѣль настоящей книги. Хорошъ ли былъ пр. Паткановъ какъ ученый арменистъ или нѣтъ—объ этомъ пусть скажетъ свое компетентное слово ученая критика. Насъ же занимаетъ единственный вопросъ, были ли во всемъ, что писалось армянами о грузинахъ, слѣды тенденціознаго стремленія умалить заслуги грузинъ, присвоить ихъ историческія права себѣ и прибѣгали ли эти ученые въ своихъ изысканіяхъ къ какимъ либо предосудительнымъ, недостойнымъ пріемамъ.

Въ этомъ отношеніи въ порядкѣ изложенія кн. Чавчавадзе намъ придется остановиться на обвиненіяхъ такого „армянскаго" ученаго, какъ пр. Марръ. Каждому извѣстно, что пр. Марръ не армянинъ. Вина пр. Марра предъ грузинами, однако, довольно тяжкаго свойства. Оказывается, по мнѣнію Н. Марра, если существуютъ какіе либо зачатки культуры въ Грузіи, то чуть ли не по милости армянъ. „Вздумай грузины отрицать это, полъ-культуры ихъ, грузинъ, сгинетъ." Въ выноскѣ дѣлается ссылка на „Братскую Помощь" стр. 562, изд. 2-е. Въ этой книгѣ имѣется статья пр. Марра, являющаяся лишь перепечаткой его извѣстнаго фельетона „Отповѣдь грузинскому сборнику Акакія", первоначально появившагося въ тифлисскомъ „Новомъ Обозрѣніи". Въ статьѣ этой дѣйствительно находится подобная фраза, но по какому поводу и съ какими оговорками она вы-

сказана—вотъ въ чемъ суть дѣла. Въ дѣйствительности оказывается, что пр. Марръ разбирая мнѣніе „молодого ученаго", на котораго ссылается Акакій, что „у нынѣшнихъ армянъ нѣтъ никакого національнаго названія, у нихъ не было никакой національной исторіи до отдѣленія армянской церкви отъ православной", а сообщенія армянскихъ историковъ лишь сказки, говоритъ слѣдующее:

„Если бы рѣчь шла о томъ только, что въ древне армянскихъ историкахъ начальная эпоха исторіи армянъ представлена легендарно (а начала какихъ древнихъ народовъ, скажите, пожалуйста, не окутаны легендарными данными), еслибъ хотѣли намъ внушить, что данными армянскихъ историковъ, какъ и данными всякихъ историковъ, нельзя пользоваться безъ критической провѣрки, то, конечно, мы не имѣли бы ничего сказать. Мы развѣ замѣтили бы, что „молодой грузинскій ученый" и его почтенный единомышленникъ запоздали. Отрицательная критика армянскихъ источниковъ въ общемъ сдѣлала гигантскіе шаги, благодаря трудамъ ученыхъ, частью европейцевъ (извѣстнаго историка Gutschmidt'a, проф. Baumgarten'a, проф. Carriere и др.), значительною же частью самихъ армянъ (проф. Патканова, ученаго отца Дашяна, историка Карагашяна, ученаго монаха о. Галуста, проф. Халастьянца и др.), Это увлеченіе отрицательнымъ отношеніемъ, шедшее crescendo, въ настоящее время нуждается скорѣе въ умѣряющемъ духѣ, чѣмъ въ поощреніи. Однако, всѣ эти ученые, не говоря о спеціалистахъ иного направленія, подвергая строгой критикѣ данныя армянскихъ источниковъ, не являются отрицателями армянской національной исторіи, а, напротивъ, содѣйствуютъ ея утвержденію на болѣе прочныхъ научныхъ данныхъ. Конечно, жаль, если подобная элементарная истина еще

не усвоена въ грузинской интеллигентной средѣ, но признаемся, что въ этомъ явленіи есть элементъ забавный, такъ какъ отрицаніе армянской національной исторіи и, слѣдовательно, армянской культуры является, если не болѣе, такъ на половину отрицаніемъ грузинской культуры".

„Говоря объ армянской и грузинской культурахъ, само собой понятно, мы не говоримъ еще ничего объ ихъ абсолютномъ значеніи. Для науки цѣна культурныхъ явленій не въ вѣсѣ и размѣрахъ ихъ, а въ интересѣ, сопряженномъ съ выясненіемъ ихъ жизненнаго процесса". (562).

„Въ самую древнюю пору и вплоть до X в. по Р. Х. грузинская литература находилась подъ значительнымъ вліяніемъ армянской; достаточно сказать, что первые переводы библейскихъ книгъ на грузинскій языкъ были сдѣланы съ армянскаго языка и это доказывается не армянами, а учеными, совершенно равнодушными къ армяно-грузинскимъ препреканіямъ. Грузинское церковное письмо, если и не было дано армяниномъ Месропомъ (современное армяновѣдѣніе на этомъ и не желаетъ настаивать, какъ думаетъ Акакій), то оно несомнѣнно было составлено по образцу армянскаго алфавита и по существу сообщеніе армянскихъ историковъ нисколько не противорѣчитъ дѣйствительности".

Изъ этихъ приведенныхъ строкъ ясно видно, что пр. Марръ совершенно не касался вопроса о томъ, кто культурнѣе—грузины или армяне и притомъ мнѣніе о вліяніи армянской культуры на грузинскую высказываетъ исключительно въ опроверженіе вообще отрицательнаго отношенія къ армянской культурѣ со стороны „нѣкоего молодого ученаго". Кромѣ того, высказанный взглядъ является не голословнымъ, а подкрѣпленъ неоспоримыми фактами.

Далѣе кн. Чавчавадзе приписываетъ пр. Марру, будто онъ утверждаетъ, что грузинскій языкъ, какъ слабѣйшій, оставилъ на себѣ отпечатокъ вліянія армянскаго, какъ болѣе культурнаго языка. „Неужели съ такимъ намѣреніемъ г. Марръ говоритъ намъ, восклицаетъ кн. Чавчавадзе, что грузинскій языкъ усвоилъ себѣ много армянскихъ словъ и тѣмъ какъ бы издалека намекаетъ, что это еще одинъ доводъ въ пользу культурности армянъ“? (33). Приводя далѣе рядъ словъ *), которыя, по мнѣнію пр. Марра, позаимствованы грузинами у армянъ, кн. Чавчавадзе удивляется, почему онъ не обратилъ вниманія на мнѣніе Ленормана и Э. Бурнуфа, изъ коихъ первый высказалъ слѣдующее: „Положительно установлено, что большая часть этихъ (грузинскихъ) словъ относится къ персидскому языку и вошла въ составъ грузинскаго сравнительно недавно и не по необходимости, а въ силу историческихъ обстоятельствъ. Остальная же часть грузинскихъ словъ существуетъ съ давнихъ временъ и, достовѣрно можно сказать, носитъ грузинскій характеръ, какъ это намъ доказалъ великій лингвистъ Эженъ Бурнуфъ“. (34). „О древнѣйшихъ временахъ Грузинскаго Царства, продолжаетъ затѣмъ кн. Чавчавадзе, и культуры его упоминается въ ассарійскихъ клинообразныхъ надписяхъ еще въ 1300 г. до Р. Х., какъ это увидимъ ниже, объ армянахъ же и помину не было до конца VII в. до Р. Х. А если уже зашла рѣчь о языкѣ, то развѣ не болѣе основаній предположить, что армяне позаимствовали отъ грузинъ слова для пополненія недостающихъ у нихъ?“ (34). Подтвержденіе этого же взгляда кн. Чавчавадзе видитъ въ томъ обстоятельствѣ, что ученый Гетеріасъ „высказался, что не могъ ясно по-

*) банаки, спетаки, жами, калаки, сенаки, карги, тцеси матіанэ, пативи, тчешмарити и др.

нять внутренняго значенія армянскаго языка, пока не выучился грузинскому, такъ какъ многіе корни армянскаго языка состоятъ изъ элементовъ грузинскаго и безъ этого языка невозможно было ихъ объяснить“ (34) и что это мнѣніе Гетеріаса усиливается высказаннымъ гг. Ленорманомъ и Раулинсономъ взглядомъ, что вторженіе армянъ въ Арменію (въ концѣ VII в. до Р. Х.) поглотило много чего алародійскаго (грузинскаго), что по всѣмъ этимъ основаніямъ, по крайней мѣрѣ, г. Марръ долженъ былъ усомниться въ своихъ сужденіяхъ, а не издавать приказа, что это должно быть такъ, какъ ему угодно, и какъ онъ наставленъ въ томъ своимъ менторомъ“. (35).

Посмотримъ, однако, что говоритъ пр. Марръ по этому вопросу.

„Существованіе армянскихъ словъ въ грузинскомъ языкѣ, говоритъ онъ въ той же цитированной выше статьѣ, признано и указано такими грузинами, какъ писатель XVIII в. Саба Сулханъ Орбеліани и лексикографъ XIX в. Д. І. Чубиновъ“... „Позорнаго нѣтъ ничего въ томъ, что въ грузинскій языкъ вошло много иностранныхъ словъ, въ томъ числѣ и армянскихъ. Усвоеніе чужого и переработываніе въ свое указываетъ лишь на жизнеспособность языка. Грузинскій языкъ также оказалъ извѣстное вліяніе на армянскій“.

„Сами армяне нисколько не стараются скрыть этотъ фактъ: венеціанскіе мхитаристы охотно отмѣчаютъ въ своемъ капитальномъ словарѣ слова грузинскаго происхожденія, если, конечно, это имъ извѣстно“.

Изъ дальнѣйшаго видно, что тѣ же слова были въ свое время приведены и Акакіемъ и, отвѣчая ему, пр. Марръ замѣчалъ, что онъ свои лингвистическія изысканія довелъ до такого предѣла, что сталъ утверж-

дать, что грузины заимствовали у армянъ такія слова, какъ дзунци—скупой, мачанкали—сводникъ, авазаки—разбойникъ, састики—лютой, для каковыхъ, будто бы, не было въ грузинскомъ лексиконѣ собственныхъ словъ, что если грузины и заимствовали иногда слова у армянъ, то только слова предосудительнаго содержанія. Акакій внушаетъ, что слова заимствуются изъ языка въ языкъ, будто, исключительно такія, какихъ нѣтъ въ языкѣ заимствующаго, между тѣмъ какъ интенсивность культурнаго воздѣйствія одного народа на другой въ томъ и проявляется, что подпавшая вліянію народность заимствуетъ даже такія слова, безъ которыхъ она легко могла бы обойтись при независимости своего умственнаго развитія; но плѣненному чужимъ литературнымъ или инымъ вліяніемъ уму родныя слова кажутся не вполнѣ выразительными и игнорируются, а съ теченіемъ времени и забываются вовсе". „Не будемъ настаивать, продолжаетъ далѣе пр. Марръ, на томъ, что Акакій, не зная армянскаго языка—скупой и сводникъ—рекомендуетъ армянскими, хотя первое слово не имѣетъ никакого соотвѣтствія въ армянскомъ, а второе—князь,—повидимому, со словъ Чубинова, какъ разъ въ этомъ ошибающагося, отожествляетъ съ мачакалъ, означающимъ на армянскомъ пекарь и не стоящимъ ни въ какой связи съ грузинскимъ—сводникъ. Это, напротивъ, коренное грузинское слово, имѣющее діалектическую разновидность". (Стр. 567).

Такимъ образомъ пр. Марръ не доказывалъ нигдѣ бо́льшей культурности армянъ сравнительно съ грузинами, не отрицалъ заимствованія армянами грузинскихъ словъ, а если и указывалъ на вліяніе армянской культуры на грузинскую и историческую ихъ взаимную зависимость, то говорилъ о фактахъ чисто историческаго и лингвистическаго порядка и при томъ съ строго науч-

ной точки зрѣнія, чуждой всякихъ націоналистическихъ соображеній.

Но всѣ эти прегрѣшенія пр. Марра передъ грузинскимъ народомъ блѣднѣютъ передъ самымъ его тяжкимъ преступленіемъ, „нахальнымъ и непростительнымъ поступкомъ", заключающемся въ томъ, что онъ предалъ „поруганію истинно великаго человѣка" грузинскаго народа, „оскорбляетъ почти святая святыхъ его, которымъ онъ восторгается и которымъ онъ не налюбуется въ продолженіи почти 7—8 столѣтій; приравнялъ великаго грузинскаго поэта Шоти Руставели—гордость грузинъ—къ простымъ воришкамъ, подобно армянскимъ книжникамъ, обвинивъ его въ томъ, что онъ выдалъ чужое за свое, нанесъ „смертельный ударъ грузинскому народному самолюбію", отнялъ у нихъ опору ихъ славы и гордости, попралъ, пошатнулъ фундаментъ славнаго памятника, въ который народъ вложилъ свое горе и свою радость, свою душу, свои лучшія помышленія, чувства".

Кому этотъ народный памятникъ (поэма „Барсова Кожа") достоинствъ грузинъ служитъ бѣльмомъ на глазу, восклицаетъ возмущенно съ горечью кн. Чавчавадзе,—что г. Марръ съ такимъ самоотверженіемъ старается снять его?" И даетъ затѣмъ ясно понять, въ угоду кому старается г. Марръ, т. е., конечно, армянамъ. (36, 37, 38).

Въ чемъ же дѣло, что вызвало такой ярый гнѣвъ кн. Чавчавадзе? По словамъ нашего автора, „Г. Марръ и въ другомъ отношеніи дѣлаетъ попытку прогуляться на счетъ грузинъ, какъ будто онъ имѣетъ на нихъ зубъ и мститъ за что-то". Давно онъ грозится: дайже мнѣ время, я изорву въ клочки *) вашу пресло-

*) Удивительный взглядъ у кн. Чавчавадзе на задачи ученыхъ изысканій: ему кажется, что критика обязательно

вутую поэму „Барсову Кожу“ (Вепхисъ—Ткаосани). Я предполагаю, что въ Англіи есть-де манускриптъ, найду его и докажу вамъ, что пресловутая эта поэма ваша или переведена, или заимствована оттуда“.

И опять кн. Чавчавадзе не приводитъ указаній, гдѣ именно пр. Марръ высказываетъ столь „преступные взгляды“. У кн. Акакія (судя по „Отповѣди“ пр. Марра) А. Цагарели и Д. Бакрадзе—этихъ вдохновителей кн. Чавчавадзе,—мы не нашли никакихъ слѣдовъ этихъ обидныхъ для грузинскаго національнаго самолюбія воззрѣній. Просмотрѣть все написанное пр. Марромъ, конечно, не было ни малѣйшей возможности. Намъ оставалось обратиться къ самому пр. Марру и спросить его, гдѣ именно онъ говоритъ то, что ему приписываетъ кн. Чавчавадзе. Чтобы разъяснить интересовавшій насъ вопросъ, пр. Марръ указалъ намъ на двѣ свои статьи, въ которыхъ онъ касается „Барсовой Кожи“, присовокупивъ, что, убѣдившись въ томъ, что его догадка о возможности нахожденія въ Англіи манускрипта, откуда, могъ бы быть заимствованъ сюжетъ поэмы Руставели не оправдалась, онъ самъ первый объ этомъ заявилъ и отказался отъ этого взгляда. Обратившись затѣмъ къ указаннымъ пр. Марромъ статьямъ, мы нашли, что въ первой статьѣ, озаглавленной „Грузинскій изводъ сказки о трехъ остроумныхъ братьяхъ изъ Русуданіани“ и помѣщенной въ „Восточныхъ Замѣткахъ“ (Спб. 1895 г.). говорится, между прочимъ, объ этомъ произведеніи Руставели слѣдующее:

„Сравнительно счастливые въ политичесекомъ суще-

должна „изорвать въ клочки“ критикуемое. Такъ, Паткановъ, оказывается, „изорвалъ въ клочки“ грузинскія лѣтописи, теперь пр. Марръ тоже самое продѣлываетъ съ „Барсовой Кожей“. Всѣ эти ученые только и дѣлаютъ, что „рвутъ въ клочки“ всѣ грузинскіе литературные и историческіе памятники.

ствованіи грузины, жившіе всецѣло современными интересами и безпечно глядѣвшіе на надвигавшееся мрачное будущее, не обмолвились ни однимъ словомъ о національномъ эпосѣ, о народныхъ пѣвцахъ, но въ пользу ихъ существованія свидѣтельствуетъ не менѣе убѣдительно самый фактъ, единичный, но весьма крупный, это—поэма „Юноша въ барсовой кожѣ“ Шота Руставели, великаго мастера грузинскаго слова и грузинскаго стихотворнаго искусства. Но и этотъ нерукотворный памятникъ воздвигнутъ лишь одной высокоразвитой формѣ народнаго эпоса; съ задатками богатоодареннаго, свободнаго поэта и традиціями народныхъ пѣвцовъ, Шота, вступивъ въ ряды писателей, не оказался въ силахъ совершенно сбросить съ себя оковы господствовавшаго въ литературѣ теченія, подпалъ подъ иго литературной подражательности, и не только заимствовалъ чуждый сюжетъ, но—что важнѣе,—подчинился условности персидскихъ литературныхъ пріемовъ и „поэтическихъ“ описаній, и тѣмъ лишилъ свое дѣтище истиннаго національнаго значенія“...

„На грузинскомъ языкѣ мы имѣемъ рядъ переводныхъ сказочныхъ повѣстей, персидское происхожденіе которыхъ не подлежитъ сомнѣнію, но персидскихъ ихъ оригиналовъ мы пока не знаемъ. Я продолжаю надѣяться, что рано или поздно въ персидской литературѣ всплыветъ и тотъ грузинскій романъ, прозаическій переводъ котораго послужилъ матеріаломъ творцу поэмы „Юноша въ барсовой кожѣ“... (Стр. 229).

„Въ свѣтской отрасли грузинской литературы замѣчается два довольно характерныхъ періода, какъ пропастью раздѣленныхъ нѣсколькими вѣками полной непроизводительности: первый, классическій, совпадаетъ почти цѣликомъ съ XII вѣкомъ, а второй длится до новѣйшаго времени, начавшись въ XVI столѣтіи, съ

утвержденіемъ Сефевидовъ въ Персіи и распространеніемъ ихъ власти по Грузіи. Оба періода въ политической жизни грузинъ совпадаютъ съ весьма тѣснымъ вольнымъ или невольнымъ сближеніемъ съ Персіею; въ обоихъ случаяхъ персидская романтика и эпосъ являются главнымъ, если не единственнымъ, источникомъ живительной влаги, разлившейся по нивѣ грузинской литературы" *)... (Стр. 229—230).

„Духовная литература у грузинъ зародилась за много вѣковъ раньше, развивалась въ иныхъ условіяхъ и до возникновенія свѣтской успѣла пережить два главныхъ періода, характеризуемыхъ одинъ—болѣе или менѣе тѣснымъ общеніемъ съ армянской литературой, другой, болѣе поздній и цвѣтущій—непосредственной зависимостью отъ греческой. Новѣйшія попытки отвергнуть вліяніе армянской литературы на древнѣйшую грузинскую грѣшатъ крайней тенденціозностью, идутъ въ разрѣзъ съ неоспоримыми фактами, въ родѣ присутствія массы армянскихъ словъ въ грузинскомъ текстѣ, въ родѣ случаевъ разночтеній, объясняемыхъ исключительно зависимостью отъ армянскаго текста и вообще крайне шатки, какъ мы то увидимъ въ свое время".

Во второмъ трудѣ своемъ, озаглавленномъ „Древне грузинскіе одописцы" (XII в.) и вошедшемъ въ составъ IV тома сочиненій пр. Марра „Тексты и розысканія по армяно-грузинской филологіи" о томъ же предметѣ имѣются слѣдующія строки:

„Разбирая вопросъ, кѣмъ могла бы быть написана ода въ честь Тамары, пр. Марръ говоритъ: „Если бы памятникъ дошелъ до насъ безъ рукописнаго преданія объ его авторѣ, то едва ли кто сталъ оспаривать его

*) См. „Персидская національная тенденція въ грузинскомъ романѣ „Амирандареджаніани". (Ж. Мин. Нар. Пр. 1895 г. іюнь).

принадлежность тому безподобному художнику слова, который силою лишь чарующей музыкальности своихъ стиховъ сумѣлъ придать національный грузинскій обликъ персидской переводной повѣсти и сдѣлалъ ее народнымъ достояніемъ. Я имѣю въ виду Шоту Руставели, автора „Барсовой Кожи". (51). „Стихи эти (ода въ честь Тамары), однако, не надо смѣшивать съ романтическою поэмою, представляющею стихотворную обработку какого то переводного романа". (54). „Если въ романтической поэмѣ желать видѣть, какъ нѣкоторые то доказываютъ, цѣликомъ восхваленіе Тамары или даже полную картину исторической Грузіи XII вѣка, то это можно лишь путемъ мистическаго толкованія, основаннаго на упорномъ игнорированіи историко-литературныхъ фактовъ и на искусственно-возбужденномъ патріотизмѣ. Конечно, и такое мистическое толкованіе представляетъ интересъ, но лишь съ точки зрѣнія изученія той эпохи, когда оно возникло. Для реальнаго же изученія самаго памятника подобныя попытки ничего, кромѣ вреда, не приносятъ. Прежде всего лежащее въ ихъ основѣ болѣзненное и острое желаніе видѣть въ поэмѣ цѣликомъ грузинское народное національное произведеніе затрудняетъ изслѣдованіе, не позволяетъ замѣтить въ ней и тѣ любопытныя, дѣйствительно, національныя грузинскія черты, которыя не могутъ не быть признаны отголоскомъ грузинской современной жизни, даже отраженіемъ, быть можетъ, и невольнымъ, обаятельной личности Тамары, центральной фигуры той эпохи. Затѣмъ мистическо-національныя толкованія вселяютъ въ читателя безъ всякаго основанія недовѣріе къ словамъ самого поэта, откровенно излагающаго свое отношеніе къ избранному имъ сюжету. Шота говоритъ (7, 3 и 4), что онъ переложилъ на стихи то, что раньше разсказывалось прозою; опять

самъ Шота говоритъ (16, 1—4), что онъ переложилъ на стихи повѣсть, давно переведенную съ персидскаго на грузинскій языкъ"... „Наконецъ, все тотъ же Шота говоритъ (1634, 1): „Для богини грузинъ, кому служитъ солнце (жизнь) Давида, для забавы ея я переложилъ на стихи эту повѣсть"... „Отсюда ясно, продолжаетъ пр. Марръ, что если „Барсова Кожа" имѣетъ какое-либо отношеніе къ Тамарѣ, то прежде всего постольку, поскольку поэма была составлена для ея развлеченія, поскольку поэту хотѣлось заслужить вниманіе царицы чудными стихами. Это, конечно, не исключаетъ возможной наличности въ поэмѣ въ самомъ изложеніи ея заимствованнаго романтическаго сюжета, тѣхъ или иныхъ подробностей, тяготѣющихъ къ окружавшей поэта средѣ". (55, 56).

Этой выдержки достаточно вполнѣ, чтобы показать, что пр. Марръ и не думалъ отрицать всѣхъ достоинствъ творенія Шота Руставели, котораго онъ даже величаетъ „творцомъ", „великимъ мастеромъ грузинскаго слова", т. е. даетъ ему эпитеты, которые обычно даютъ дѣйствительно великимъ поэтамъ и художникамъ, какъ Пушкинъ, Гоголь въ русской литературѣ, или Шекспиръ и Байронъ въ англійской литературѣ. Съ этой точки зрѣнія приписывать пр. Марру, будто онъ сопоставилъ Шота Руставели съ „пройдохами" и „воришками"—значитъ прежде всего профанировать имя великаго грузина, гордости грузинскаго народа, такъ что, давая волю своему необузданному языку, якобы въ интересахъ преслѣдованія враговъ національной славы грузинъ, кн. Чавчавадзе прежде всего самъ оскорбляетъ память славнаго творца „Барсовой Кожи". Далѣе, пр. Марръ называетъ самъ же эту поэму „нерукотворнымъ памятникомъ". Что-жъ, развѣ это показываетъ, что пр. Марръ предаетъ поруганію, оскорбляетъ „святая святыхъ", наноситъ смертельный ударъ грузинскому самолюбію? Развѣ говорятъ о заурядномъ хотя бы и весьма значительномъ произведеніи, что оно—нерукотворный памятникъ? Развѣ не очевидно, что, называя „Барсову Кожу" нерукотворнымъ памятникомъ, пр. Марръ воздалъ должное ея великимъ и неувядаемымъ достоинствамъ? И, наконецъ, развѣ можно желать, чтобы ученый, глубоко любящій свой предметъ, кладущій долгіе годы терпѣливаго труда на разработку темныхъ вопросовъ своей спеціальности, ограничилъ бы свою задачу любовнымъ и слѣпымъ восхищеніемъ какимъ-либо литературнымъ памятникамъ только потому, что народъ имъ никакъ не налюбуется въ теченіе 7—8 вѣковъ? Нѣтъ, истинная наука безпощадна въ своей любви къ истинѣ. Она должна, она прямо обязана проникать острымъ ножемъ своей критики въ самыя, быть можетъ, дорогія народныя вѣрованія, не заботясь ни о національномъ самолюбіи, ни о святости преданій старины. Сколько поколѣній армянъ буквально воспитывалось на Исторіи М. Хоренскаго! Сколько вдохновеній черпалъ въ этой Исторіи армянскій народъ въ пору своихъ тяжелыхъ многовѣковыхъ бѣдъ... Но настало время научнаго анализа,—и слава Хоренскаго значительно померкла, и притомъ сами же армяне явились одними изъ самыхъ первыхъ и смѣлыхъ піонеровъ этой разрушительной работы, грѣша скорѣе излишнимъ рвеніемъ въ этомъ отношеніи, чѣмъ ревнивымъ обереганіемъ національной гордости отъ неосторожнаго и непочтительнаго отношенія и въ результатѣ—высшіе интересы истины, всегда согласные съ истинными интересами народа, отъ такой работы только выиграли. По отношенію къ „Барсовой Кожѣ" вѣдь и этого не было. Не оспаривая безсмертныхъ заслугъ автора этой поэмы, пр. Марръ высказалъ свой взглядъ о заимствованности его сюжета изъ персидскаго

источника, опираясь притомъ также и на слова самого поэта, и на сильное вліяніе на форму этой поэмы, оказанное персидской литературой. Но что же въ этомъ обиднаго? Кто не знаетъ, что заимствованіе сюжета ни на іоту не умаляетъ цѣнности художественнаго произведенія, ни оригинальности творческой работы его автора. Шекспиръ значительную часть своихъ безсмертныхъ драмъ и трагедій писалъ по сюжетамъ, заимствованнымъ изъ старыхъ хроникъ. Отъ этого національная слава шекспировскихъ твореній нисколько вѣдь не умаляется. Что же касается подчиненія формѣ чужой литературы, то это такое явленіе, которое замѣчается въ самыхъ развитыхъ литературахъ наиболѣе передовыхъ народовъ. Да иначе и быть не можетъ. Врядъ ли можетъ какая либо литература претендовать на совершенную свою сомобытность, такъ какъ преемственная связь и зависимость всѣхъ литературъ между собою—фактъ, не подлежащій сомнѣнію. Русская литература отразила на себѣ вліяніе англійской и французской, эти послѣднія—вліяніе греческой и латинской и отъ этого слава достоинствъ и міровое культурное значеніе этихъ литературъ нисколько не страдаютъ, ибо, помимо сюжета, формъ и заимствованныхъ словъ и образовъ, въ творчествѣ каждаго народа наиболѣе важнымъ и цѣннымъ являются изображенія дѣйствительной жизни народа и его глубокихъ сокровенныхъ идеаловъ въ своеобразномъ освѣщеніи и оцѣнкѣ народнаго генія.

Исходя изъ этихъ основныхъ положеній, для насъ несомнѣнно, что пр. Марръ глубоко несправедливо подвергся оскорбительнымъ обвиненіямъ въ желаніи нанести смертельный ударъ грузинскому самолюбію въ угоду армянамъ, для которыхъ слава „Барсовой Кожи“, якобы, является бѣльмомъ на глазу. А если онъ, какъ человѣкъ науки, предпочелъ критическое отношеніе безмятежному и благоговѣйному созерцанію при оцѣнкѣ творенія великаго мастера слова, то за это онъ заслуживаетъ только признательности съ точки зрѣнія истинныхъ интересовъ народнаго самосознанія.

Остается затѣмъ упрекъ, будто пр. Марръ гдѣ то писалъ, что поэма „Барсова Кожа“ или переведена, или заимствована съ персидскаго. Ничего подобнаго пр. Марръ нигдѣ не могъ говорить, такъ какъ единственное, на что онъ указывалъ и указываетъ, ссылаясь, между прочимъ, на текстъ самой поэмы, это то, что сюжетъ ея заимствованъ. Читатель, конечно не нуждается въ разъясненіяхъ, какая огромная разница между заимствованіемъ сюжета и переводомъ или заимствованіемъ самого произведенія. Пр. Марръ говоритъ въ этомъ отношеніи не болѣе того, что говоритъ самъ Шота Руставели, творецъ національной грузинской поэмы.

Такимъ образомъ, и здѣсь опять кн. Чавчавадзе остался вѣренъ себѣ: не понявъ или сознательно переиначивъ, онъ пустилъ въ обращеніе еще одну клевету про почтеннаго ученаго, заслуживающаго только глубокую благодарность какъ армянъ, такъ и грузинъ своей любовью и безпристрастнымъ научнымъ отношеніемъ къ нашей старинѣ. Но развѣ это смущаетъ кн. Чавчавадзе? Лишь бы нашумѣть, накричать, забить тревогу о поруганіи всего для грузинскаго народа святого и самому попарадировать въ образѣ защитника священнаго народнаго достоянія, а тамъ кто еще станетъ докапываться до истины, да и повѣрятъ ли чьимъ либо возраженіямъ, когда говоритъ противъ армянъ и обличаетъ армянскую интригу самъ кн. Илья Чавчавадзе, краса и гордость современной грузинской литературы!

---

7. Французскій корреспондентъ Кутули о грузинскомъ народѣ.

Всю слѣдующую главу IV и часть главы V кн. Чавчавадзе посвящаетъ тоже, повидимому „армянскому ученому“—нѣкоему французу Кутули, корреспонденту французской газеты „Temps.“ Въ списокъ обвиняемыхъ этотъ корреспондентъ попалъ потому, что въ 1877 году онъ, будто бы, со словъ армянскаго журналиста Арцруни и дѣятелей его лагеря печаталъ въ „Temps“ корреспонденціи, въ которыхъ разсказывалъ про грузинъ разный вздоръ, якобы, въ угоду армянамъ. Что Кутули писалъ подъ диктовку армянъ, повторялъ, какъ эхо, слышанное отъ армянъ,—въ этомъ кн. Чавчавадзе не сомнѣвается на томъ основаніи, что съ самой станціи Балта, Военно-Грузинской дороги, гдѣ онъ встрѣтился съ однимъ армяниномъ офицеромъ артиллеристомъ и затѣмъ во все время непродолжительнаго пребыванія въ Тифлисѣ Кутули вращался въ кругу армянской интеллигенціи, которая всюду его водила, все показывала, устраивала ему загородные кутежи, всячески ублажая его и систематически способствуя сформированію въ немъ опредѣленнаго убѣжденія, крайне невыгоднаго для грузинскаго народа. Если Кутули все время вращался въ кругу армянъ, то, очевидно,—такъ полагаетъ кн. Чавчавадзе,—онъ только со словъ армянъ могъ составить такое неблагопріятное о грузинахъ мнѣніе, которое впослѣдствіи высказывалъ во французской газетѣ. Никакого иного источника (ни относящейся литературы, ни личныхъ наблюденій) кн. Чавчавадзе не допускаетъ для Кутули.

Хотя нѣкоторыя строки корреспонденціи Кутули, довольно неодобрительныя объ армянахъ, могли бы убѣдить кн. Чавчавадзе, насколько Кутули былъ свобо-

денъ отъ исключительно армянскаго вліянія, но кн. Чавчавадзе, самъ же приводя эти дурные отзывы Кутули объ армянахъ, все-таки упорно настаиваетъ на томъ, что вдохновителемъ его были армянскіе „философы“ и „либералы“, разные „Делингеры“ и „Гіацинты“. Нѣсколько странно въ устахъ передового грузинскаго поэта слышать слова „либералы“ и „философы“—въ ругательномъ смыслѣ, но кн. Чавчавадзе пріучилъ насъ и не къ такимъ еще „игривымъ“ пріемамъ полемики и потому оставимъ эту сторону вопроса и посмотримъ, что говоритъ о самихъ армянахъ этотъ „ученикъ“ армянскихъ либераловъ, это „эхо“ армянскихъ грамотеевъ.

Пока Кутули оставался въ Тифлисѣ, говоритъ кн. Чавчавадзе, и вертѣлся среди нихъ, какъ угорѣлый въ какомъ то чаду, онъ не уставалъ восхвалять ихъ, но когда ему, Кутули, случилось побывать въ Эриванской губерніи, повѣствуетъ далѣе кн. Чавчавадзе о дѣяніяхъ этого грузинофобствующаго армянофила, и собственными глазами присмотрѣться къ нимъ на собственномъ же ихъ пепелищѣ, то „задалъ же онъ имъ трезвону“, „пропѣлъ имъ пѣсенку“. „Армяне, молъ, на родинѣ своей вообще трусы, неучи, невѣжды и равнодушны къ судьбѣ своей родины“. (54—55).

Какъ вамъ нравятся эти отзывы Кутули, рекомендованнаго передъ тѣмъ въ качествѣ простого „эхо“ армянъ?! Казалось бы, этого было бы довольно для опредѣленія истинной роли армянскаго вліянія во всѣхъ писаніяхъ Кутули. Очевидно, что Кутули писалъ все, что ему приходило въ голову подъ вліяніемъ своихъ легкомысленныхъ и поверхностныхъ наблюденій и заключеній. На этомъ можно было бы и успокоиться или, въ крайнемъ случаѣ, разнести его самого въ пухъ и прахъ за всѣ вздорныя вещи, которыя онъ позволилъ

себѣ говорить о грузинахъ. Но тутъ то и выдалъ себя съ головою кн. Чавчавадзе и свои истинныя намѣренія. Стоило этому легкомысленному писателю, повторявшему безъ провѣрки всякій слышанный вздоръ, облить армянъ грязью, какъ немедленно же кн. Чавчавадзе производитъ его въ авторы, заслуживающіе такого полнаго довѣрія, что, на основаніи приведенныхъ выше его словъ объ армянахъ, кн. Чавчавадзе уже дѣлаетъ въ самой опредѣленной формѣ такое заключеніе:

„Итакъ, какъ видно, они (армяне) оказываются и учеными, и народомъ, заботящимся о судьбѣ своей, храбрымъ—только тамъ, гдѣ они, по ихъ собственной пословицѣ, чуютъ запахъ хлѣба". (55)

И послѣ такой фразы кн. Чавчавадзе рѣшается увѣрять своихъ читателей, что онъ имѣетъ въ виду только армянскихъ грамотеевъ-ученыхъ и книжниковъ, а не весь народъ, къ которому онъ преисполненъ благихъ чувствъ и пожеланій?! Вотъ ужъ истинно про себя самого кн. Чавчавадзе приводитъ изъ Евангелія отъ Матѳея изреченіе: „Рѣчь твоя обличаетъ тебя"!

Вотъ вамъ тотъ критерій, которымъ въ глазахъ кн. Чавчавадзе опредѣляются достоинства и недостатки писателя: если онъ ругаетъ армянъ—значитъ онъ заслуживаетъ довѣрія, и на его показаніяхъ можно строить свой выводъ; если же хвалитъ ихъ да еще при этомъ осмѣливается не совсѣмъ похвально отозваться о грузинахъ—онъ окончательно погибъ въ глазахъ кн. Чавчавадзе, нѣтъ ему ни спасенія, ни пощады ни въ этомъ, ни въ иномъ мірѣ. Имя такого писателя навѣки должно быть покрыто позоромъ. Что жъ, мы готовы признать въ такомъ критеріи много непосредственнаго, хотя и наивнаго, патріотизма. Много ли въ немъ справедливости и послѣдовательности—это, конечно, ужъ совсѣмъ иной вопросъ, мало волнующій этого обитателя грузинскаго Парнаса...

Но вернемся, однако, къ Кутули и посмотримъ, какъ велики его прегрѣшенія. Эти прегрѣшенія двоякаго рода. Первыя заключаются въ томъ, что онъ объ армянахъ далъ слишкомъ лестный отзывъ. Спрашивается теперь, если кн. Чавчавадзе—добрый нашъ сосѣдъ, зачѣмъ колютъ ему глаза эти похвалы, расточаемыя армянамъ во французской газетѣ? Что же, развѣ отъ этого убудетъ грузинъ, затмится ихъ слава, или вообще причинитъ это какой либо ущербъ нравственный или матеріальный грузинамъ? Очевидно, нѣтъ! Обидно это лишь для завистливаго чувства, котораго слѣдовало бы стыдиться, а не вкладывать въ такой неумѣренной дозѣ въ свою публицистическую дѣятельность.

Посмотримъ, однако, что въ этомъ отношеніи писалъ Кутули.

Въ газетѣ „Temps", разсказываетъ кн. Чавчавадзе, Кутули подробно описалъ свои впечатлѣнія, при чемъ армяне повели дѣло такъ, что, по корреспонденціямъ Кутули, „все оказалось армянскимъ: парламентъ (Дума) армянскій, пиры и увеселенія—армянскіе, праздники—армянскіе; Делингеры и Гіацинты—армяне, философы—армянскіе, кушанья—армянскія и гдѣ же? въ Тифлисѣ. Очевидно, здѣсь Арменія и Тифлисъ—городъ Арменіи. Какой же другой выводъ могъ сдѣлать такъ искусно опутанный пришелецъ"? „Такимъ образомъ увѣрили европейскаго корреспондента, что Грузія, включая и Тифлисъ,—Арменія и вѣсть эту заставили его распространить по всему міру при посредствѣ такой почтенной и вліятельной газеты, какъ „Temps". При этомъ кн. Чавчавадзе обнаруживаетъ тайный умыселъ такого „смѣшного вѣроломства и фальсификаціи (43), заключавшійся въ томъ, что армяне желали выдвинуть вмѣстѣ съ ве-

ликимъ восточнымъ вопросомъ и армянскій“. Для этого армяне и постарались убѣдить Кутули, что Тифлисъ и вся Грузія—ихъ обиталище, ихъ страна,—и разъ это дѣйствительно такъ, кто же скажетъ послѣ этого, что армяне разсѣяны и нѣтъ у нихъ территоріи для сплоченія (43—44). „Протяните отсюда нить къ тому, что говорилъ Сенковскій и хотя это представляетъ „дистанцію огромнаго размѣра“, вы найдете ключъ къ заданной намъ загадкѣ. Какъ знать? Легко предположить, что Делингеры и философы армянскіе существовали и при Сенковскомъ“. (Стр. 44). Такимъ образомъ кн. Чавчавадзе утверждаетъ, что кружокъ Арцруни явился лишь продолжателемъ дѣла, начатаго еще Сенковскимъ и для этой цѣли сдѣлалъ Кутули своимъ слѣпымъ орудіемъ. Но мы видѣли въ первой главѣ, насколько чуждъ былъ Сенковскій навязываемой ему тенденціи, интересуясь лишь вопросомъ о томъ, когда грузины пришли въ предѣлы Тифлиса и не касаясь совершенно всей послѣдующей судьбы этой мѣстности. Слѣдовательно, нельзя устанавливать общей виновности въ дѣлѣ, совершенно чуждомъ, по крайней мѣрѣ, Сенковскому. Что же касается кружка Арцруни, якобы внушавшаго Кутули, что и Тифлисъ, и вся Грузія принадлежатъ армянамъ, то и это указаніе нисколько не вяжется съ тѣми цитатами, которыя приводитъ самъ кн. Чавчавадзе. Изъ этихъ цитатъ видно лишь одно, что кружокъ Арцруни водилъ Кутули въ „Тифлисскую городскую думу, которую онъ, Кутули, величаетъ маленькимъ парламентомъ; что члены управы мерещутся корреспонденту министрами, а Арцруни съ своею либеральною партіею—оппозиціею; что Кутули вмѣстѣ съ членами кружка Арцруни обходитъ всѣ армянскія церкви, въ которыхъ прекрасныя и дорогія облаченія священниковъ поражали Кутули; что Кутули тѣ же армяне повезли въ армянскія школы *); что Кутули ввели въ армянскій интеллигентный кружокъ, чествовали на славу, угощая его армянскими кушаньями и даже повезли на храмовой праздникъ въ Шиндиси, и здѣсь, когда Кутули былъ пораженъ, что всѣ бывшія на пирахъ и на богомольѣ женщины были съ большими какъ гора носами, то объяснили ему „толково и чистосердечно“, что всѣ эти носатыя дамы—грузинки“. (42—43).

Оставляя въ покоѣ большіе носы дамъ, видѣнные Кутули, какъ имѣющіе чисто-анекдотическое значеніе, позволимъ только спросить, что же тутъ обиднаго для грузинскаго самолюбія, что армянская интеллигенція познакомила французскаго корреспондента съ различными сторонами армянской жизни въ Тифлисѣ: школами, церковью, даже общественнымъ самоуправленіемъ, въ которомъ армяне, въ особенности въ семидесятыхъ годахъ, играли такую преобладающую роль,—наконецъ, съ армянскими кушаньями? Развѣ не то же самое дѣлали и продолжаютъ дѣлать грузины съ пріѣзжими гостями, вступающими въ ихъ среду? И, наконецъ, развѣ изъ всего этого можно сдѣлать заключеніе, что армяне присваивали себѣ Тифлисъ и Грузію, какъ свою страну? Развѣ не естественнѣе видѣть во всемъ вниманіи, оказанномъ Кутули, одно желаніе познакомить Европу съ положеніемъ армянъ въ Россіи, безъ всякихъ поползновеній присвоить имъ чужое и несоотвѣтствующую дѣйствительности роль и значеніе? Даже допуская, что Кутули, что называется, переборщилъ и слишкомъ поусердствовалъ по части восхваленія армянъ,—чувствовать себя задѣтымъ можетъ только лишь тотъ, для кого

*) Несмотря на всю силу армянскаго внушенія, Кутули не постѣснился, отозвавшись съ похвалой на счетъ прекрасныхъ глазъ армянокъ-ученицъ, довольно иронически „извиниться“ на счетъ ихъ красоты („pordon, молъ!“). (Стр. 42).

весь успѣхъ армянъ въ глазахъ общественнаго мнѣнія Европы является бѣльмомъ на глазу.

Посмотримъ дальше, что еще, по убѣжденію кн. Чавчавадзе, армяне „внушили“ Кутули.

„По словамъ Кутули, въ Закавказьѣ живутъ армяне, грузины, татары и русскіе“. Но эти четыре народности указаны не за тѣмъ, чтобы о нихъ трактовать. Лишь одно сопоставленіе грузина съ армяниномъ — вотъ та игра, въ которой козыри всегда, по странной прихоти судебъ, оказываются въ ихъ рукахъ. Заставили же они его каркнуть, что Тифлисъ — Арменія; но и Тифлиса не довольно имъ—необходимо заставить его сболтнуть, якобы и все Закавказье принадлежитъ армянамъ; и это желаніе, какъ увидимъ, исполнилось. Повѣдавъ Европѣ, что на Кавказѣ живутъ представители четырехъ національностей, Кутули далѣе говоритъ: „Хотя армянъ, молъ, въ настоящее время меньше, чѣмъ грузинъ, всего 600 т., но въ концѣ настоящаго столѣтія число ихъ увеличится и ихъ станетъ больше послѣднихъ. А остальныя націи?, восклицаетъ кн. Чавчавадзе. О татарахъ и русскихъ не упоминается ни слова, какъ будто не стòитъ говорить о нихъ, какъ будто они не могутъ быть приняты въ разсчетъ. Не ясно ли, что бѣльмомъ въ глазу служитъ лишь перевѣсъ грузинскаго элемента въ Закавказьѣ“. (Стр. 45).

На основаніи этой фразы кн. Чавчавадзе убѣждаетъ читателя, что Кутули, будто, возвѣстилъ Европѣ, что грузины вымираютъ и вырождаются, а армяне обильно нарождаются, что „грузины, молъ, переведутся, а армяне размножатся“; что армяне составляютъ, молъ, на Кавказѣ „третье сословіе“, въ рукахъ которыхъ—торговля, всѣ ремесла, всѣ отрасли общественной дѣятельности. Они—врачи, адвокаты, люди свободныхъ профессій. У нихъ свои школы, журналы, свой маленькій парламентъ

въ Тифлисѣ; армяне же дали русской арміи цѣлую плеяду генераловъ; что будущее на Кавказѣ принадлежитъ армянамъ, сосѣдямъ же ихъ, грузинамъ и татарамъ, не остается ничего, какъ только обармяниться“ (стр. 46) и „превратиться въ рабовъ армянъ“ (стр. 47); что армяне, по мнѣнію „въ высшей степени всесторонне развитого философа“ (Арцруни), въ будущемъ составятъ царство съ 30-ю милліонами подданныхъ.

Послѣ всего, что выяснилось о той точности, съ которой кн. Чавчавадзе излагаетъ чужія мысли, прежде всего въ высокой степени позволительно усомниться, чтобы и въ данномъ случаѣ почтенный грузинскій поэтъ не далъ воли своей фантазіи и не вложилъ въ уста Кутули или Арцруни того, чего, быть можетъ, они и не думали говорить. Сомнѣнія эти позволительны еще болѣе потому, что ничего подобнаго тому, что приписывается Кутули и Арцруни, никогда не писали и не говорили его вдохновители, т. е. кружокъ Арцруни, съ самимъ Арцруни во главѣ. Публицистическая дѣятельность послѣдняго и идеи, проводимыя созданнымъ имъ органомъ „Мшакъ“ — достаточно всѣмъ извѣстны и доступны. Остается, слѣдовательно, чтобы кн. Чавчавадзе и его единомышленники привели точную цитату изъ какой либо статьи, появившейся въ газетѣ „Мшакъ“, въ которой говорилось бы о вырожденіи и вымираніи грузинъ въ Закавказьѣ, о скоромъ овладѣніи всѣмъ краемъ армянами и о неизбѣжномъ обармяненіи грузинъ и обращеніи ихъ въ рабовъ армянъ. Смѣемъ думать, что такой цитаты не окажется!

Что же касается того, насколько армянамъ вообще чужды подобныя дѣянія и оскорбительныя для грузинъ мысли и мечты, то въ этомъ отношеніи никакія сомнѣнія неумѣстны, въ виду свидѣтельства самого кн.

Чавчавадзе, который по поводу всего вздора, приписываемаго Кутули и его вдохновителями армянамъ восклицаетъ:

„Не думаемъ, чтобы какой либо разумный армянинъ согласился съ такимъ необузданнымъ бредомъ всесторонне развитого философа (Арцруни) относительно 30-ти милліоннаго армянскаго царства, которое, очевидно, сможетъ создать нынѣ малочисленный армянскій народъ только путемъ порабощенія и обармяненія всѣхъ своихъ сосѣдей“. „Мы убѣждены, продолжаетъ далѣе нашъ авторъ, что ни одинъ армянинъ, находящійся въ здравомъ умѣ, не только не скажетъ, даже и не помыслитъ объ этомъ. Это стукотня расшатавшейся мельницы,—между армянами же или нѣтъ вовсе такихъ, а если и есть, то не стоитъ и говорить о нихъ. Это лишь болтовня бездѣльника. Все это глупый бредъ одного человѣка и да простится ему это“. (48).

На этотъ разъ не можемъ не согласиться вполнѣ съ кн. Чавчавадзе. Это, дѣйствительно, глупый бредъ, но только на этомъ и слѣдовало бы успокоиться, а не приводить этого бреда въ статьяхъ, посвященныхъ армянскимъ ученымъ и во всякомъ случаѣ не подымать изъ подобной вздорной болтовни такого шума. Но, видно, одно дѣло—порисоваться высокимъ безпристрастіемъ, а другое—подавить въ себѣ всѣ мелкія, дурныя чувства. Послѣднее оказалось и для кн. Чавчавадзе трудомъ непосильнымъ. Воскликнувъ съ такимъ снисходительнымъ великодушіемъ: „Это бредъ одного человѣка и да простится ему“, кн. Чавчавадзе въ дальнѣйшемъ все еще продолжаетъ серьезно доказывать неосуществимость этой мечты о 30 милліонномъ государствѣ, утверждая, что хотя сами армяне это знаютъ, но извѣстная часть армянъ усвоила принципъ „кричать о себѣ какъ можно больше“.

Выходитъ, что кн. Чавчавадзе не умѣетъ даже простить искренно вздорную болтовню невѣдомому фантазеру—и онъ не прощаетъ ее и не только не прощаетъ, но ловко пользуется этой же болтовней, чтобы изъ нея выудить факты, уличающіе армянскій народъ въ отсутствіи у него основныхъ понятій о нравственности. И какъ все это ловко продѣлывается!. Какіе то армяне сообщили Кутули нѣсколько армянскихъ поговорокъ, вѣроятно, скорѣе курьеза ради, чѣмъ для характеристики армянскаго народа. Кн. Чавчавадзе подхватываетъ эти поговорки и, сопоставляя ихъ съ грузинскими поговорками, злорадствуетъ и торжествуетъ: вотъ-де, какіе армяне испорченные, а грузины какіе благородные и великодушные. Вотъ, между прочимъ, какія армянскія поговорки приводитъ кн. Чавчавадзе для этой цѣли: „Къ чему тебѣ знать, кто пекъ этотъ хлѣбъ. Если онъ вкусенъ, ѣшь, если даже его пекъ еврей“, или „Гдѣ найдешь хлѣбъ, тамъ и селись“. „Эти пословицы, восклицаетъ кн. Чавчавадзе, позоръ создавшаго ихъ народа“. (49).

Прежде всего позволительно спросить, какое отношеніе имѣютъ эти армянскія поговорки къ задачамъ книги, трактующей объ отношеніи армянскихъ ученыхъ къ грузинамъ и къ ихъ исторіи? Разсужденія на тему о достоинствахъ народа, создавшаго эти поговорки, умѣстны были бы только въ трудѣ, посвященномъ не отношенію армянскихъ ученыхъ къ грузинамъ, а армянскому народу и критической оцѣнкѣ его недостатковъ и достоинствъ. Но кн. Чавчавадзе на словахъ всячески отклоняетъ отъ себя эту задачу, не разъ увѣряя, что народа онъ не касается и говоритъ лишь о грамотеяхъ и либералахъ. Тогда къ чему эти поговорки? Развѣ грамотеи-философы виноваты въ сочиненіи народомъ такихъ недостойныхъ поговорокъ? Не ясно ли еще разъ

и теперь, что кн. Чавчавадзе именно интересуетъ народъ армянскій въ его цѣломъ, что его именно онъ желаетъ всячески унизить, что армянскіе ученые являются лишь козлами отпущенія, по грузинской поговоркѣ: ლიტრავ შენ გეუბნები—კოკავ შენ გაიგონე (кувшинчикъ, говорю тебѣ, а ты, большой кувшинъ, слушай). Только ради этой цѣли умѣстно въ дальнѣйшемъ сопоставленіе этихъ армянскихъ поговорокъ съ грузинскими поговорками, совершенно иного, вполнѣ благороднаго и нравственнаго содержанія, какъ напримѣръ: „Что отдашь—твое, чего нѣтъ—потеряно“, „Давай щедро,—вѣдь и моря и принимаютъ, и выпускаютъ воды“ и, конечно, кн. Чавчавадзе отлично знаетъ превосходство этихъ поговорокъ надъ приведенными армянскими, и потому съ притворнымъ смиреніемъ, якобы, признавая армянскія поговорки болѣе современными и болѣе практичными, вопрошаетъ: „Кто знаетъ, какое зданіе крѣпче: основанное ли на нравственныхъ началахъ, или на правилѣ: загребай, хватай чужое и ѣшь, разъ оно вкусно“, полагая, что всѣ армянскія поговорки выражаютъ эту хищную и паразитическую тенденцію, тогда какъ всѣ грузинскія поговорки являются носителями только высокихъ нравственныхъ идей. Показавъ, такимъ образомъ, превосходство грузинскаго народа надъ армянскимъ, кн. Чавчавадзе уже дѣлаетъ такое прямо таки „кляузное“ заключеніе: „Вотъ, оказывается, подкладка того либерализма, знамя котораго держали замѣчательно всесторонне развитые армянскіе философы: гдѣ увидишь, молъ, хлѣбъ, тамъ и селись. Значитъ—родина, отечество, обиталище дѣдовъ и отцовъ нашихъ—пустыя слова, одни звуки“? (50). „Не лучше ли было вовсе умолчать о такихъ поговоркахъ, спрашиваетъ далѣе кн. Чавчавадзе, какъ бы сочувствуя армянскому народу, которому либералы и философы неумѣстною болтовнею оказываютъ лишь медвѣжью

услугу“? Нѣтъ, отвѣтимъ мы кн. Чавчавадзе, это было бы для вашихъ цѣлей совсѣмъ не лучше потому, что лишило бы васъ возможности утверждать, что такія именно поговорки составляютъ основу армянскаго либерализма, что такими низменныии тенденціями, такими развращающими идеями проникнута вся армянская масса. Правда эти утвержденія вышли шитыми бѣлыми нитками, но для вашихъ цѣлей, не идущихъ далѣе желанія на весь міръ разнести низкую клевету о разлагающемся міросозерцаніи армянскаго народа,—эти поговорки нужны были и вы ими воспользовались въ разсчетѣ, какъ и всегда, что и эта клевета останется не разоблаченною.

Извѣстно каждому, что поговорки выражаютъ всевозможные оттѣнки народной мысли и чувствъ: и плохіе, и хорошіе. Если это станетъ отрицать кн. Чавчавадзе, то мы ему напомнимъ, что и на грузинскомъ языкѣ имѣются такія поговорки, которыя отнюдь не послужать къ чести грузинскаго народа. Вотъ напримѣръ: „Не слѣдуй за правдой: она выколетъ тебѣ глаза“, или „Пусть кто что́ хочетъ говоритъ—лишь бы мельница работала“ *). Можно ли выразить болѣе опредѣленно полное презрѣніе къ общественному мнѣнію и къ общественнымъ требованіямъ? По глубокому упадку нравственныхъ понятій эта послѣдняя поговорка можетъ быть сравнена лишь съ знаменитымъ „Послѣ насъ—хоть потопъ“. Или напримѣръ такія поговорки: **) „За идущимъ вверхъ—подымайся, за спускающимся—спускайся“; „Бабушка, за то тебя цѣлую, что бы ты выпекла мнѣ лепешки“; „Если

*) ნუ მიჰყვები სიმართლეს, ამოგაცლის სინათლეს; ვინც რა უნდა სთქვასო, წისქვილმა კი ფქვასო.

**) ამყოლს აჰყევი, დამყოლს დაჰყევი; ბებია, იმიტომ გაკოცებ, რომ კვერი მიცხო; ვირი რომ ბატო-

оселъ твой господинъ, не говори ему „ачи“ *); „Матушка. матушка, какой великій боровъ умираетъ? Тебѣ то о чемъ тужить? Тебѣ же достанется отъ него большой кусокъ“!. Вотъ, вѣдь, какимъ идеализмомъ и безкорыстіемъ проникнуты грузинскія поговорки! Какъ тутъ армянамъ не устыдиться своей меркантильности. Далѣе, на русскомъ языкѣ существуютъ, напримѣръ, такія поговорки: „Съ волками жить—по волчьи выть“; „Брань на вороту не виснетъ“; „На что мать, когда нечего дать?“ „Хоть чертомъ зови—только хлѣбомъ корми“; „Послѣ Бога—деньги первыя“; „Хлѣбъ вездѣ хорошъ и у насъ и заморемъ“; „Были бы деньги, а честь найдемъ“; „Даютъ — бери, бранятъ — бѣги“; „Не люба и честь, какъ нечего ѣсть!“; „На правдѣ ничего не возьмешь“; и ничего — русскій народъ не боится упрека въ слабомъ развитіи нравственныхъ понятій. Наконецъ, развѣ не античный міръ оставилъ намъ поговорку: „Ubi bene, ibi patria“, коей лишь перефразировкой является армянская поговорка, столь злорадостно взволновавшая кн. Чавчавадзе. Какой же серьезный писатель позволитъ по однимъ этимъ поговоркамъ дѣлать заключеніе о народѣ и съ пафосомъ восклицать, что та или иная поговорка составляетъ „позоръ создавшаго ее народа“? Никогда ни одна поговорка не можетъ составить ни славы, ни позора народа, какъ не могутъ составить позора для народа отдѣльные лжепатріоты, вооружающіеся картонными мечами для защиты своего, яко-бы, обижаемаго народа. При

ხად გუვანდეს, ჭაჩის ნუ ეტყვი; ვაი, დედავ, დედავო, რა დიდი ღორი კვდებაო! შვილო, შენ რა გენაღვლება, დიდი ჩიჩია გერგებაო.

*) Не переводимое выраженіе, служащее погонщикамъ для понуканія ословъ.

всей низменности такихъ единичныхъ личностей, какую бы гадкую атмосферу лжи и клеветы они вокругъ себя ни создавали, народъ за нихъ не отвѣтственен, потому что, какъ въ глубокихъ водахъ всегда много всякой рыбы—и хорошей, и дурной—и рядомъ съ жемчужиной встрѣчаются гадкіе слизняки и спруты, такъ и въ таинственной глубинѣ народной мысли и творчества одинаково могутъ зарождаться рядомъ съ дивными образами и вдохновенными идеалами самые низменные инстинкты, какъ пережитокъ далекой варварской старины.

Мы видѣли выше, съ какими нескрываемыми завистью и злорадствомъ кн. Чавчавадзе пытается умалить и унизить армянскій народъ даже по такимъ поводамъ, которые не имѣютъ ни малѣйшаго отношенія къ дѣятельности армянскихъ ученыхъ. Посмотримъ теперь, что внушено было армянами французскому корреспонденту Кутули относительно грузинъ.

По словамъ Кутули, прошлое Грузіи представляетъ весьма неутѣшительную картину: ослабленная дурнымъ управленіемъ, завистью другъ къ другу и междоусобіями, она, молъ, не имѣла покоя. (Стр. 51).

Въ этихъ словахъ кн. Чавчавадзе усматриваетъ пренебреженіе къ грузинамъ, внушенное армянами-философами г-ну Кутули, который „въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ билъ въ набатъ въ газетѣ „Temps“ о славѣ и величіи армянъ, не щадя вмѣстѣ съ тѣмъ ни нашего прошлаго, ни настоящаго, понося насъ на всѣ лады и даже почти отрицая всѣми признанное беззавѣтное мужество грузинъ“ (стр. 52) и „Кутули оповѣщаетъ Европу, что въ исторіи Грузіи нѣтъ ничего, чѣмъ бы могъ народъ ея гордиться“. (Стр. 52). „Грузины составляютъ націю генераловъ, арабщиковъ и чолвадаревъ“. Хотя, молъ, у нихъ много генераловъ, но они не пользуются извѣстностью. „Грузинское дворянство

разорено въ конецъ; они, грузины, кромѣ волокитства, ничего не знаютъ и стремятся лишь поступить на государственную службу, такъ какъ такого рода служба представляетъ легкій трудъ. Крестьяне грузины—пьяницы и лѣнтяи". „Они не выкупили и части земли отъ землевладѣльцевъ". (Стр. 53, 54).

Всѣ эти легкомысленныя характеристики могли бы послужить основаніемъ къ обвиненію Кутули въ особомъ внушенномъ ему нерасположеніи къ грузинамъ, если бы рядомъ съ этимъ Кутули, дѣйствительно, искренно проявлялъ особенно нѣжныя чувства къ армянамъ. Но, какъ мы уже видѣли выше, Кутули не только не былъ такимъ слѣпымъ поклонникомъ армянъ, чтобы имъ въ угоду поносить грузинъ, но даже при первомъ же удобномъ случаѣ, задалъ имъ такого, по выраженію кн. Чавчавадзе, „трезвону и пропѣлъ такую пѣсенку", что даже кн. Чавчавадзе вельми возликовалъ и возрадовался душою и чуть ли не назвалъ его молодцемъ и не потрепалъ по плечу—въ знакъ своего особеннаго удовольствія. Такъ что уже по этому одному „армянскіе либералы" могли бы быть освобождены отъ отвѣтственности за весь тотъ вздоръ, за тотъ „трезвонъ", который тотъ же Кутули задалъ грузинамъ и за ту пѣсенку, которую онъ имъ пропѣлъ, находясь въ Тифлисѣ. Это разъ. Затѣмъ, мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ подъ рукой газеты „Temps" за 1877 годъ, чтобы провѣрить все приписываемое Кутули кн. Чавчавадзе. Хотя цитаты, приводимыя княземъ и внушаютъ намъ сильныя сомнѣнія въ своей точности, но на этотъ разъ повѣримъ вполнѣ князю Чавчавадзе и признаемъ, что Кутули, попавъ въ среду армянъ, говорилъ о нихъ одно хорошее, а про грузинъ—одно дурное. Готовы даже признать, что долгъ кружка Арцруни былъ въ то время помочь Кутули составить правильное понятіе о грузи-

нахъ и не допускать, насколько это отъ нихъ зависѣло, легкомысленнаго и поверхностнаго осужденія своихъ сосѣдей-грузинъ. Но спрашивается, развѣ въ такомъ равнодушіи къ оцѣнкѣ своихъ сосѣдей пріѣзжимъ писателемъ виноваты только армяне? Развѣ въ еще большей степени въ томъ же не повинны и сами грузины, съ кн. Чавчавадзе во главѣ? Развѣ В. Величко не въ ихъ средѣ получилъ свое знакомство съ армянами, не здѣсь сформировалось его отрицательное отношеніе къ армянамъ, не кн. Чавчавадзе окружалъ В. Величко атмосферой неумѣренно-воскуреннаго фиміама и это въ то самое время, когда онъ, въ самомъ Тифлисѣ, въ теченіе трехъ лѣтъ буквально травилъ армянъ и какъ травилъ—не въ иностранной газетѣ, издававшейся за тридевять земель, а въ центрѣ края, въ органѣ кавказской центральной власти! Развѣ не подъ вліяніемъ того же кружка кн. Чавчавадзе В. Величко продолжалъ свою кампанію и въ Петербургѣ въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ и снабдилъ своимъ предисловіемъ такой романъ, какъ „Удавы" Георгія Борцова, являющійся сплошной клеветой на все армянское и столь же сплошнымъ восхваленіемъ доблестей, благородства и честности грузинъ? Что-жъ, развѣ за всѣ эти дѣянія Величко и К°, расцвѣтшія подъ сѣнью кружка Чавчавадзе, кто нибудь станетъ уличать грузинскихъ дѣятелей въ „фиглярствѣ" и „пронырствѣ?" Нѣтъ, армяне спокойно смотрѣли на всю эту комедію, разыгранную Величко съ грузинами, вѣря, что ихъ ослѣпленію настанетъ конецъ, спадетъ когда нибудь густая повязка съ ихъ глазъ и поймутъ они, наконецъ, всю мудрость своей же родной поговорки: „წინთა მაქებელი—ეშმაკის მოციქული"—„Кто льститъ въ лицо, тотъ сваѓъ отъ чорта".

Пусть же грузины помнятъ эту свою дивную по-

говорку и не сбиваются съ пути ни льстивыми рѣчами, ни мишурными соблазнами. И тогда клевета разныхъ Кутули, Величко и имъ подобныхъ не страшна будетъ для самолюбія ни армянъ, ни грузинъ!..

8. С. I. Кишмишевъ о послѣднихъ годахъ Грузинскаго Царства.

Намъ предстоитъ теперь разсмотрѣть сдѣланную кн. Чавчавадзе оцѣнку замѣчаній по поводу прошлаго Грузіи и грузинскаго народа, содержащихся въ сочиненіяхъ генерала Кишмишева. Эта часть нашей задачи представляется намъ особенно тягостною, именно потому, что для выясненія истины въ этомъ отношеніи намъ невольно приходится касаться такихъ сторонъ самосознанія грузинскаго народа, которыя для грузинъ, какъ и для каждаго народа, являются наиболѣе чувствительными, наиболѣе, можно сказать, дорогими. Въ такого рода вопросахъ почти невозможно требовать отъ народа спокойнаго, вполнѣ научно-объективнаго отношенія къ своему недавнему прошлому, какъ бы непригладность его ни была очевидна. Съ тѣмъ большею готовностью и мы обошли бы эти щекотливые вопросы, вопреки даже древней поговоркѣ: amicus Platos etc—, что, повидимому, подобнаго рода указанія, исходящія отъ армянскихъ писателей, встрѣчаются съ особенною непріязнью и крайнимъ неудовольствіемъ въ грузинскомъ обществѣ. Потому ли, что армянскіе писатели, по мнѣнію грузинъ, завѣдомо враждебно настроены противъ всего грузинскаго, или потому, что особенно непріятны указанія, дѣлаемыя нашими сосѣдями на наши прошлые недостатки,—не беремся судить. Мы констатируемъ лишь этотъ фактъ, лишающій армянскихъ писателей всякой возможности отмѣчать какія бы то ни было отрицательныя стороны прошлаго грузинскаго народа.

Мы уже имѣли случай убѣдиться, какъ отнеслись профессора И. Серебряковъ, А. Цагарели и кн. Чавчавадзе къ совершенно безобиднымъ замѣчаніямъ пр. Патканова о такой древнѣйшей исторіи Грузіи, которой, по меньшей мѣрѣ, около 2000 лѣтъ. Даже пр. Марръ, совсѣмъ не армянинъ, и тому не поздоровилось отъ грузинскаго поэта за его чисто научныя замѣчанія о грузинской поэмѣ „Вепхвисъ Ткаосани". Такое отношеніе ко всякой попыткѣ разработки какихъ либо вопросовъ изъ исторіи грузинскаго народа, надо думать, у очень многихъ отбиваетъ всякую охоту что либо предпринимать въ этомъ направленіи, о чемъ, полагаемъ, и грузинамъ придется только сожалѣть, потому что дѣятелей на этомъ мало выгодномъ научномъ поприщѣ куда какъ немного, всего одинъ, два—и обчелся. Само собою разумѣется,—мы далеки отъ всякаго поползновенія давать какія бы то ни было совѣты грузинскимъ публицистамъ: имъ лучше вѣдомо, что для ихъ народа полезно и что вредно. Насъ этотъ вопросъ интересуетъ постольку, поскольку онъ можетъ имѣть вліяніе на разработку темныхъ сторонъ армянской исторіи, въ тѣхъ ея частяхъ, которыя тѣсно соприкасаются съ исторіей грузинскаго народа.

Такъ или иначе—намъ не миновать и этой тягостной задачи, разъ мы взяли на себя прослѣдить шагъ за шагомъ все написанное кн. Чавчавадзе объ армянскихъ писателяхъ. Итакъ, въ чемъ же заключаются прегрѣшенія ген. Кишмишева?

Какъ извѣстно, перу ген. Кишмишева принадлежитъ небольшая брошюра „Послѣдніе дни Грузинскаго Царства", изданная послѣ его смерти. Въ предисловіи къ этой брошюрѣ сообщается ея издателями, между прочимъ, слѣдующая справка объ этомъ трудѣ покойнаго ген. Кишмишева:

„Предлагаемый трудъ, найденный въ бумагахъ покойнаго генералъ-лейтенанта С. І. Кишмишева, не былъ доведенъ имъ до конца. Авторъ предполагалъ заключить свое сочиненіе изложеніемъ событій, приведшихъ послѣдняго грузинскаго царя Георга XII къ сознанію необходимости, для спасенія и блага своего народа, отдаться въ вѣчное и непосредственное подданство единовѣрной Россіи. Но тяжелый недугъ не далъ ему времени вполнѣ обработать задуманное изслѣдованіе. Тѣмъ не менѣе, написанныя уже пять главъ, въ которыхъ ходъ событій доведенъ до начала 1798 г., настолько полно рисуютъ положеніе дѣла въ Грузіи въ царствованіе знаменитаго царя Ираклія, что могутъ быть предложены какъ самостоятельная часть сочиненія".

Такимъ образомъ сочиненіе это не было даже издано самимъ ген. Кишмишевымъ; потому ли, что оно еще не было доведено до конца или ради избѣжанія темы, крайне щекотливой въ переживаемое время,—эту тайну авторъ унесъ съ собою въ могилу. Во всякомъ случаѣ, трудно допустить, что бы писатель и военный человѣкъ, крайне чуткій къ вопросамъ чести, не взвѣсилъ всѣхъ основаній тѣхъ свѣдѣній, которыя имъ излагались въ сочиненіи, написанномъ наканунѣ смерти. Трудно допустить, чтобы человѣкъ, одною ногою стоящій въ могилѣ, на одрѣ тяжкой болѣзни, задавался суетнымъ желаніемъ кого либо задѣть, кого либо унизить, а тѣмъ болѣе задѣть народъ, среди котораго онъ, повидимому, росъ и съ которымъ съ дѣтства сроднился. Уже это одно обстоятельство должно было бы внушить къ такому автору и къ его добросовѣстности достаточное довѣріе. Посмотримъ теперь, въ чемъ же онъ обвиняется.

„Г. Кишмишевъ, говоритъ кн. Чавчавадзе, въ своемъ сочиненіи: „Послѣдніе дни Грузинскаго Царства",

говоритъ: „Въ концѣ XVIII ст. Грузія уподобилась выброшенному на берегъ кораблю, откуда, кто былъ посильнѣе, могъ брать все, что угодно. Голодныхъ царевичей, молъ, и князей содержали и кормили лавочники и купцы". (Стр. 66). „Милый человѣкъ, хоть бы онъ вспомнилъ, что вся почти послѣдняя половина XVIII в. была временемъ царствованія Ираклія и что за этотъ періодъ времени этотъ знаменитый царь стяжалъ себѣ славу побѣдами своими надъ врагами. Даже Эривань и Елисаветполь, главные очаги армянъ, платили ему подать, не говоря уже о томъ, что почти всѣ ближайшіе ханы были у ногъ могущественнаго царя у что даже сама Россія не чуждалась содѣйствія его во время войны съ Турціею. Царь Ираклій соединилъ въ одно царство съ давняго времени разъединенныя Карталинію и Кахетію, и Имеретія тоже пожелала присоединиться, быть подъ его скипетромъ, но внутреннія смуты и колебанія помѣшали въ этомъ престарѣлому, но все еще бодрому и побѣдоносному царю. Въ то время, когда царь ея былъ настолько могуществен, могла ли Грузія быть такой безпомощной и „походить на корабль, выброшенный на берегъ?" Мы не можемъ сказать, что во время царя Георгія, т. е. послѣ 1792 г. Грузія находилась въ особенно счастливомъ положеніи, но и не въ такомъ безпомощномъ, чтобы всякій могъ рвать ее на куски. Ровно нѣтъ никакихъ данныхъ, изъ которыхъ можно было заключить, что тотъ или иной урвалъ что нибудь отъ Грузіи и что она въ последніе годы XVIII ст. такъ уже была терзаема, какъ то желательно было покойному Кишмишеву... Правда, послѣ Ираклія мы ослабѣли, обезсилѣли отъ внутреннихъ смутъ, но кормила корабля мы изъ рукъ все еще не выпускали и не дали волнамъ житейскаго моря разбить его и выбросить на берегъ. И

царь Георгій въ какомъ состояніи получилъ Грузію отъ отца, въ такомъ же и вручилъ ее Россіи, во всей цѣлости,—будь-де покровительницею и защитницею единовѣрнаго тебѣ народа". (56).

Наиболѣе всего возмутила князя Чавчавадзе вторая часть этой фразы, что „царевичей и князей нашихъ кормили тифлисскіе лавочники". На это кн. Чавчавадзе восклицаетъ: „Кто и по чьей милости здѣсь въ Грузіи кормится и кормился прежде—пусть вѣдаютъ это Великій Сердцевѣдецъ, прозорливая совѣсть и злая неблагодарность людская. (57). Если не было хлѣба, почему они, армяне, сѣли, поселились здѣсь вопреки ихъ пословицѣ? Уже гдѣ такая перекатная голь, тамъ не можетъ существовать торговля и нечѣмъ тамъ купцамъ набить свою утробу. Видно, Грузія не такъ уже нищенски была бѣдна, какъ увѣряютъ всѣхъ армянскіе книжники, такъ какъ могла содержать не только себя, но и откармливать другихъ до отвала". (Стр. 58).

Познакомимся теперь съ тѣмъ, что на самомъ дѣлѣ содержится въ сочиненіи Кишмишева въ затронутомъ кн. Чавчавадзе отношеніи.

На стр. 112 упомянутаго сочиненія ген. Кишмишева мы находимъ слѣдующія строки:

„Такимъ образомъ, Грузія, съ уходомъ русскихъ войскъ въ 1797 г. изъ ея предѣловъ, уподобилась выброшенному на берегъ кораблю, откуда кто былъ посильнѣе, тотъ могъ брать все, что угодно. По одному простому бароту (указу) царевича, царевны или ихъ родственниковъ, разсказываетъ современникъ очевидецъ, расхищалось у населенія все, что было цѣннаго. Примѣру ихъ слѣдовали помѣщики. Они разоряли крестьянъ отнятіемъ лошадей, коровъ и хлѣба. Лишенные скота и возможности продолжать хозяйство,

крестьяне мало по малу убѣгали отъ господъ, предпочитая скорѣе жить у дикихъ сосѣдей, чѣмъ оставаться дома. Не лучше жилось, продолжаетъ очевидецъ, городскому сословію. Въ Тифлисѣ ни одинъ изъ царскихъ родственниковъ или проживавшихъ въ городѣ князей не заботился о своемъ столѣ. Когда наступало обѣденное время, мсахури (прислуга) шныряли по базару, отнимая у торговцевъ хлѣбъ, вино, овощи, рыбу и др. продукты для стола. Еще хуже поступали они съ купцами. Если у кого изъ нихъ замѣчали деньги, то требовали въ свою пользу извѣстную сумму, въ противномъ случаѣ, ослушника сажали въ корзину, опускали съ Авлабарскаго моста въ Куру и держали его въ такомъ положеніи до тѣхъ поръ, пока несчастный не соглашался выдать просимыя деньги. *Таково было положеніе Грузіи. когда не стало Ираклія*". (Курсивъ нашъ).

Изъ сопоставленія этого отрывка съ тѣмъ, что было приписано г. Кишмишеву княземъ Чавчавадзе, ясно видна прежде всего одна крупная ошибка, допущенная кн. Чавчавадзе въ передачѣ словъ г. Кишмишева. Послѣдній говоритъ о времени послѣ смерти царя Ираклія и при томъ объ эпохѣ съ 1797 г., т. е. послѣ ухода изъ Грузіи русскихъ войскъ. Это явствуетъ изъ начала и конца приведеннаго отрывка. Кн. Чавчавадзе, возражая Кишмишеву, ссылается на блестящій періодъ царствованія Ираклія. Ужъ это одно показываетъ, насколько точенъ кн. Чавчавадзе въ передачѣ чужихъ словъ. Въ данномъ случаѣ это очень существенно, потому что въ своемъ сочиненіи Кишмишевъ не только не отрицаетъ славы Грузіи при Иракліи II, но даже самъ приводитъ рядъ описаній блестящихъ побѣдъ, одержанныхъ царемъ Иракліемъ II надъ персіанами подъ Эриванью, надъ Омаръ Ханомъ Аварскимъ въ Дагестанѣ и надъ турками въ Аспиндзѣ. Слѣдова-

тельно, кн. Чавчавадзе не было надобности указывать на всѣ эти примѣры, которыхъ г. Кишмишевъ отнюдь не отрицаетъ и самъ приводитъ въ своемъ сочиненіи.

Непостижимо также, изъ чего заключилъ кн. Чавчавадзе, будто Кишмишеву было „желательно“ установить именно такую печальную картину упадка Грузинскаго Царства? За отсутствіемъ какихъ либо основаній къ такому утвержденію естественно сдѣлать совершенно иной выводъ, что самому кн. Чавчавадзе для его цѣлей было необходимо приписать армянамъ подобное желаніе, чтобы создать себѣ право упрекать армянъ въ злородствованіи по поводу бѣдствій, обрушившихся на Грузію.

Затѣмъ, указаніе на то, что Грузію рвали на части у г. Кишмишева вытекаетъ изъ слѣдующихъ фактовъ, заимствованнымъ г. Кишмишевымъ изъ соч. Буткова: „Матеріалы для исторіи Кавказа“: „Царь Ираклій въ своей челобитной на имя Императрицы Екатерины, между прочимъ, просилъ: оказать ему помощь отрядомъ въ 4 т. человѣкъ съ содержаніемъ отъ русскаго правительства для защиты Грузіи отъ враговъ, завоеванія Ахалцыха и отнятія кахетинскихъ земель, захваченныхъ заалазанскими лезгинами“. Можно, пожалуй, согласиться съ кн. Чавчавадзе, что, несмотря на всѣ эти факты, сравненіе Грузіи съ „выброшеннымъ на берегъ кораблемъ“, сдѣланное г. Кишмишевымъ, нѣсколько неудачно, разъ корабль Грузіи держался на водѣ, тая въ себѣ много жизненныхъ силъ, но что онъ подвергался сильному расхищенію и его рвали на части,—это врядъ ли возможно отрицать. Безспорно также, что „царь Георгій въ какомъ состояніи получилъ Грузію отъ отца, въ такомъ же вручилъ ее Россіи, но кто же не знаетъ, что Грузія къ концу царствованія отца Георгіи XII, т. е. царя Ираклія, была далеко не въ тѣхъ предѣлахъ, какихъ она достигла въ

блестящій періодъ царствованія самого Ираклія: Ахалцихскій пашаллыкъ, Эриванское и Ганжинское ханства Россія включила въ свои предѣлы спустя много лѣтъ послѣ присоединенія собственно Грузіи (Кахетіи и Карталиніи).

Что же касается, наконецъ, приводимаго г. Кишмишевымъ разсказа очевидца о томъ, что происходило въ Тифлисѣ въ смутный періодъ послѣ смерти Ираклія II, *) то даже если допустить, что очевидецъ сочинилъ эту исторію для униженія грузинскаго дворянства, то и въ этомъ случаѣ кн. Чавчавадзе не въ правѣ въ своей оцѣнкѣ этого свидѣтельства отожествлять Грузію съ князьями и царевичами. Кишмишевъ говоритъ о бѣдности этихъ послѣднихъ и что въ извѣстную тяжелую эпоху послѣднихъ дней грузинскаго царства они собирали съ тифлисскихъ лавочниковъ поборы для своего пропитанія. Врядъ ли это говорилось въ осужденіе дворянства, такъ какъ въ періоды войны и нашествій, очевидно, городское населеніе, какъ болѣе огражденное отъ грабежей, могло сохранить скорѣе свои запасы и средства, чѣмъ въ селахъ, совершенно разоряемыхъ нашествіями. Почему это временное явленіе, свидѣтельствующее лишь о царившей всюду неурядицѣ, могло быть оскорбительно для всего грузинскаго народа? Вѣдь, не говоритъ же Кишмишевъ, что тифлисскіе лавочники кормили грузинскій народъ. Почему это оказалось для народа такъ позорнымъ, что въ данную историческую эпоху (послѣдніе годы XVIII ст.) князья и царевичи настолько обнищали, что они учиняли поборы съ лавочниковъ? Впрочемъ, мы готовы согласиться къ кн. Чав-

*) Не лишнимъ считаемъ отмѣтить, что въ описаніи положенія Грузіи за этотъ періодъ ген. Кишмишевъ совершенно сходится съ Н. Дубровинымъ (см. Георгій XII, послѣдній царь Грузинскій, гл. IV).

чавадзе, что нелестное мнѣніе, хотя бы и самое безобидное, о грузинскихъ князьяхъ и царевичахъ должно быть обидно для всего народа, потому что народъ, состоя изъ сословій, имѣетъ одну жизнь, одни интересы. Но, дѣлая эту уступку кн. Чавчавадзе, мы тѣмъ самымъ обязываемъ и его признать крайне обиднымъ для всего армянскаго народа всего того, что имъ говорится объ армянскихъ философахъ, книжникахъ и грамотеяхъ. Впрочемъ, кн. Чавчавадзе и такъ не стѣсняется хоть сколько нибудь прикрыть свои истинныя чувства къ армянскому народу. Его, напримѣръ, возмущаетъ, что Эзовъ назвалъ свое сочиненіе „Сношеніемъ Петра Великаго съ армянскимъ народомъ“. Онъ считаетъ это названіе „чрезвычайно громкимъ“. Какъ же? Если ужъ кричать, такъ кричать. Это названіе ему кажется „ракетою“, пущенною ученымъ, искусившимся въ подобныхъ выходкахъ. Подумаешь, вѣдь, что армяне даже не могутъ считаться народомъ, съ которымъ Петръ Великій могъ имѣть сношенія. Вотъ, вѣдь, какого высокаго онъ мнѣнія объ армянахъ. Такъ какъ же не повѣрить ему, что „всѣ благоразумные армяне“ должны апплодировать его злобнымъ выходкамъ противъ „армянскихъ философовъ и грамотеевъ“?

Во всякомъ случаѣ, возвращаясь къ сочиненію ген. Кишмишева, мы должны признать, что въ немъ рѣшительно нѣтъ ни одной строчки, которая могла бы быть приписана злонамѣренному желанію унизить грузинскій народъ и его недавнее прошлое. Если картина „послѣднихъ дней“ грузинскаго царства оказалась мрачною, то кто же въ этомъ виноватъ?! Да развѣ иначе эти „дни“ могли бы быть послѣдними, если бъ, дѣйствительно, они не были мрачными. Увы, послѣдніе дни всякаго живого организма,—будь то отдѣльное лицо или цѣлое государство — бываютъ неизбѣжно мрачными и безотрадными...

9. Урартійцы и В. Гольмстремъ объ армянскомъ народѣ.

Чтобы покончить съ русскими писателями и учеными, попавшими въ брошюру кн. Чавчавадзе объ армянскихъ ученыхъ, намъ остается разобрать прегрѣшенія извѣстнаго сотрудника „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ В. Гольмстрема, талантливому перу котораго армянскій народъ обязанъ многими симпатичными и проникнутыми глубокою человѣчностью статьями, появляющимися въ этой газетѣ.

Вина В. Гольмстрема предъ грузинами, оказывается, въ томъ, что онъ, желая доказать, что армяне душой и тѣломъ тверды и могучи, заслуживаютъ поддержки и что будущее принадлежитъ имъ, заявляетъ, что всѣ эти свои качества армяне доказали-де своею исторіей и что мы жестоко-де ошибаемся, что этому способному, трудолюбивому и душой и тѣломъ сильному народу не протягиваемъ руки помощи, не даемъ ему ходу и задерживаемъ его развитіе (82). Противъ всего этого кн. Чавчавадзе ничего, пожалуй, не имѣлъ бы, но онъ считаетъ большимъ грѣхомъ, если для этой цѣли—„достоинства и заслуги одного лица приписывать другому, истиннаго труженика ставить въ тѣни, а загребающаго жаръ чужими руками выдвигать на свѣтъ, превозносить его до небесъ“ (83). Такимъ достойнымъ истиннымъ труженикомъ, оставляемымъ въ тѣни, оказываются грузины, а загребающими жаръ чужими руками, выдвигаемыми не по заслугамъ на свѣтъ, являются армяне. Посмотримъ, однако, что дало поводъ кн. Чавчавадзе укорять В. Гольмстрема въ такой вопіющей несправедливости. Прежде всего изъ послѣдующихъ строкъ выясняется, что В. Гольмстрему приписывается, будто онъ въ доказательство правъ армянъ на человѣчное къ нимъ отношеніе при-

велъ неудачную ссылку на то, что они происходятъ отъ древняго культурнаго народа урартійцевъ, населявшихъ 3000 лѣтъ тому назадъ мѣстности, впослѣдствіи занятыя армянами. По словамъ кн. Чавчавадзе, новѣйшія изысканія показали, что армяне не имѣютъ ничего общаго съ урартійцами и что не армяне, а грузины родственны этому древнему культурному народу. Мы не будемъ приводить длиннаго перечня заслугъ урартійцевъ, этого древнѣйшаго народа, передъ цивилизаціей всего міра. Замѣтимъ лишь одно указаніе кн. Чавчавадзе, что „по словамъ Гольмстрема, урартійцы издревле были народомъ многочисленнымъ, передовымъ, направленія въ высшей степени гуманнаго, могучимъ, непоколебимымъ, стойкимъ и самоотверженнымъ, защитникомъ и стражею почти всего міра и такими бойцами, что чуть не измѣнили теченіе всемірной исторіи“ (87).

По словамъ кн. Чавчавадзе, г. Гольмстремъ утверждаетъ, что „если существуютъ еще остатки націи, имѣющей такія заслуги, то какъ же не подать ей руки помощи, не поставить ее на ноги и не открыть ей путь для счастья человѣчества; что остатки ихъ и нынѣ существуютъ, но человѣчество несправедливо и неблагородно поступаетъ съ ними. Грѣхъ, молъ, не поддержать такого твердаго въ несчастьи, способнаго, сильнаго душою и тѣломъ и нравственными качествами мужественнаго народа и не дать ему въ руки знамени нашей культуры для счастья и просвѣщенія всей Азіи“. Далѣе кн. Чавчавадзе приписываетъ г. Гольмстрему взглядъ, что такъ какъ урартійцы были такимъ славнымъ народомъ, имѣющимъ заслуги передъ цѣлымъ человѣчествомъ, энергичнымъ, стойкимъ и мужественнымъ и такъ какъ *нынѣшніе армяне, по происхожденію, потомки урартійцевъ, что армяне происходятъ изъ того же племени* (88) (курсивъ нашъ), что урартійцы были ни-

кѣмъ иными, какъ армянами; что, слѣдовательно, нынѣшніе армяне, какъ плоть и кровь славныхъ урартійцевъ, являются наслѣдниками ихъ могучихъ физическихъ и душевныхъ силъ, и что, наконецъ, объ армянствѣ урартійцевъ вопіютъ камни, камни же не врутъ (91,92)— то ясно, что всѣ добродѣтели урартійцевъ перешли, по наслѣдству, къ армянамъ и составляютъ ихъ неотъемлемыя свойства, подкрѣпленныя историческими данными. Такимъ образомъ, армяне-де исторически доказали свою духовную и физическую мощь и стойкость и поэтому нужно помочь содѣйствовать въ движеніи по пути развитія такому душой и тѣломъ сильному, показавшему себя такимъ славнымъ еще съ незапамятныхъ временъ народу, который былъ человѣколюбивымъ даже тогда, когда другіе были еще звѣрями (88).

Мы приводимъ эти длинныя цитаты изъ брошюры кн. Чавчавадзе, что бы показать затѣмъ, съ какимъ глумленіемъ относится князь къ приписываемой г. Гольмстрему попыткѣ реабилитировать армянскій народъ въ глазахъ русскихъ читателей. Захлебываясь отъ злобы, князь Чавчавадзе съ торжествующимъ видомъ заявляетъ, что нельзя себѣ представить, какая смѣшная исторія является слѣдствіемъ того невѣжества, которое такъ воспламенило несвѣдущаго въ этомъ дѣлѣ г. Гольмстрема. „Еслибъ гг. Эзовы и К° знали, продолжаетъ кн. Чавчавадзе, какой народъ признается европейскими изслѣдователями подъ именемъ урартійцевъ, то скорѣе отсѣкли бы руки г. Гольмстрему, чѣмъ позволили бы ему съ такой похвалой отзываться объ урартійцахъ. Представьте себѣ, оказывается, что урартійцы—грузины“ (89). По мнѣнію кн. Чавчавадзе, такою неумѣлою защитою армянъ г. Гольмстремъ оказалъ имъ медвѣжью услугу, что такого удара армянамъ еще никто не наносилъ, что онъ пустилъ армянамъ пулю въ грудь, желая бросить букетъ розъ.

Не бывать добру отъ незнанія, отъ дѣланнаго, дутаго, искуственно возбужденнаго, но не отъ сердца исходящаго порыва (89). „Да, господа, торжественно восклицаетъ кн. Чавчавадзе, урартійцы были предками грузинъ, (курсивъ нашъ), плотью и кровью грузинскаго племени—къ несчастью той группы армянъ, которая хватаетъ, подобно обжорѣ, чужіе лакомые куски (стр. 89). Г. Гольмстремъ говоритъ неправду не только устами мертвыхъ камней, но даже устами уважаемаго живого человѣка—Никольскаго—уважаемаго русскаго ассиріолога; съ нимъ Гольмстремъ поступилъ недостойно и его осторожное и солидное сужденіе по этому предмету намѣренно или по незнанію исказилъ, передѣлалъ, чтобы съ помощью его уважаемаго имени сбыть ложь извѣстной группѣ армянъ за правду“... „Очевидно, г. Гольмстремъ попалъ въ какую то ловушку, введенъ въ какое то заблужденіе“. „Въ такомъ святомъ дѣлѣ, какъ печатное слово, добавляетъ поучительно кн. Чавчавадзе, добиваться своей цѣли посредствомъ лжи и обмана изъ всѣхъ недостойныхъ поступковъ—позорнѣйшій и отвратительнѣйшій“. Кн. Чавчавадзе глубоко сожалѣетъ что эту чистую газету („СПБ. Вѣдомости“) не пожалѣли армянскіе ученые и ввели ее въ заблужденіе, „сдѣлали соучастницею въ фальши“ (90) съ такимъ практическимъ разсчетомъ: если хитрость удастся, то прекрасно, если же нѣтъ, то какое имъ дѣло, что газету уличатъ во лжи?! И о г. Гольмстремѣ они не особенно будутъ горевать: какое имъ дѣло—лишь бы было возможно доставать чужими руками каштаны изъ огня. Какъ же иначе прослыть за армянскихъ ученыхъ, къ лицу ли имъ, въ виду этой цѣли, щадить чужую личность и оберегать доброе имя человѣка?! Въ книгѣ ихъ торговой этики такого правила не полагается. (Стр. 91).

Затѣмъ кн. Чавчавадзе приводитъ длинный рядъ

доказательствъ того, что армяне ничего не имѣли общаго съ урартійцами, что армяне пришли въ эту страну въ VI ст. до Р. Х., клинообразныя же надписи изъ исторіи урартійцевъ относятся къ гораздо болѣе раннему періоду, когда объ армянахъ здѣсь и помину не было; что, по убѣжденію Ленормана, аборигены страны, называемой Арменіей, до конца VII ст. до Р. Х. были родственнымъ племенемъ тому, къ которому относятся грузины и нѣкоторыя нынѣшнія народности Кавказа. Въ заключеніи кн. Чавчавадзе говоритъ:

„Г. Гольмстремъ не ограничивается тѣмъ, что заставляетъ камни лгать; онъ поступаетъ точно также и со свидѣтельствомъ живого человѣка. Г-нъ Гольмстремъ не стѣсняется ни того, что живой свидѣтель не проститъ ему такого поступка, ни того, что другіе могутъ обличить его. Этотъ авторъ высокопарныхъ фразъ приписываетъ г. Никольскому такія розсказни, какихъ тотъ и въ помышленіяхъ не имѣлъ; напротивъ, г. Никольскій говоритъ и доказываетъ совершенно противоположное тому, что отъ его имени утверждаетъ г. Гольмстремъ. Изъ словъ Гольмстрема видно, будто г. Никольскій подтверждаетъ происхожденіе армянъ отъ урартійцевъ“ (101). „Вотъ примѣръ невѣжества г. Гольмстрема и доказательство того, что Никольскій, какъ человѣкъ знающій и серьезный изслѣдователь, не могъ „отлить пулю“, навязываемую ему г. Гольмстремомъ“. (101).

Приведя затѣмъ выдержки изъ статьи г. Никольскаго, кн. Чавчавадзе спрашиваетъ: „Откуда же г. Гольмстремъ взялъ, что г. Никольскій подтверждаетъ происхожденіе армянъ отъ урартійцевъ. Вотъ примѣръ того, какъ г. Гольмстремъ навязываетъ ему лжесвидѣтельство“. (102). Такимъ образомъ, г. Гольмстремъ „рискнулъ на ложную ссылку“. Тутъ осмѣяна сама

наука..., что непростительно и неприлично“. (103). Изъ свидѣтельства г. Никольскаго не видно, что „урартійцы армяне“, а между тѣмъ именно такое утвержденіе „безцеремонно навязано ему Гольмстремомъ“ и „беззастѣнчиво и беззавѣтно сбывается его именемъ, какъ будто въ этомъ ничего нѣтъ дурного, предосудительнаго“. (103).

„Повторяемъ еще: грѣшно, непростительно навязывать, по своей прихоти, такому почтенному, осторожному, солидному ученому ложь и разносить ее по бѣлу свѣту“. (103, 104). „Не камни вопіютъ, а вопіетъ необдуманный поступокъ г. Гольмстрема. Не камни лгутъ, а г. Гольмстремъ говоритъ неправду, бія себя въ грудь, какъ фарисей, играя на звонкихъ струнахъ, яко бы, поруганной истины и проливая крокодиловы слезы за попранную правду“. (104).

„Ясно, что тѣ клинообразныя надписи, вопли которыхъ, будто бы, такъ воспламенили г. Гольмстрема, не могутъ служить подтвержденіемъ происхожденія армянъ отъ урартійцевъ, и мы въ данномъ случаѣ видимъ такое же ученое легкомысліе, на какое постоянно наталкиваемся, когда армянскіе философы и Делингеры заводятъ рѣчь объ армянахъ“. (94).

Чтобы разобраться въ этихъ разнообразныхъ обвиненіяхъ, нагроможденныхъ въ одну безпорядочную кучу, попробуемъ прежде всего формулировать ихъ опредѣленнымъ образомъ. Оказывается, слѣдовательно, что армянскіе ученые ввели въ заблужденіе г. В. Гольмстрема, заставивъ его утверждать на страницахъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“, что армяне происходятъ отъ урартійцевъ и что урартійцы предки армянъ; что ванскія клинообразныя надписи принадлежатъ армянамъ. Этимъ г. Гольмстремъ ввелъ въ заблужденіе почтенную газету „С.-Петербургскія Вѣдомости“ и чтобы сбыть

свою ложь за правду относительно родства урартійцевъ и армянъ, онъ недостойно осторожное и солидное сужденіе ассиріолога Никольскаго исказилъ и прикрылъ его именемъ свою ложь.

Изъ послѣдующихъ выдержекъ читатель убѣдится, что во всѣхъ этихъ обвиненіяхъ рѣшительно нѣтъ ни одного слова правды: г. Гольмстремъ нигдѣ не писалъ того, что ему приписываетъ кн. Чавчавадзе. Въ самомъ дѣлѣ обратимся къ самой статьѣ г. Гольмстрема, такъ больно уязвившей кн. Чавчавадзе, и приведемъ изъ нея точныя цитаты относящихся къ разсматриваемому вопросу мѣстъ. Статья эта подъ заглавіемъ: „И камни возопіютъ“ помѣщена была въ № 33 „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ за 1899 годъ. Въ этой статьѣ авторъ, затрагивая одинъ изъ вопросовъ нашей внутренней политики, касающійся установленія правильныхъ отношеній къ инородцамъ въ тѣхъ видахъ, чтобы пріумножить духовныя силы Россіи, сохраняя все наиболѣе стойкое умственно, духовно и физически,—доказываетъ, между прочимъ, насколько была гибельна политика Турціи по отношенію къ разноплеменнымъ населяющимъ ее народностямъ и, въ частности, къ армянамъ. Будучи убѣжденъ, что армяне заслуживаютъ къ себѣ со стороны Россіи иного отношенія, не только по соображеніямъ гуманности, но и въ цѣляхъ успѣшнаго осуществленія Россіей своихъ историческихъ задачъ на Востокѣ, г. Гольмстремъ разсматриваетъ историческую роль армянскаго народа въ той части Малой Азіи, которую народъ этотъ издавна занимаетъ и далѣе говоритъ слѣдующее:

„Мани, факелъ, фаресъ“. Вопіютъ камни, разбросанные въ предѣлахъ Араратской возвышенности и въ ея ближайшемъ сосѣдствѣ, около Ванскаго озера, около Урміи, около Эрзерума, наконецъ, въ Эриванской губерніи и Карской области. Камни не лгутъ. Огненными

буквами повѣствуютъ надписи на скалахъ о событіяхъ библейской, ассиро-вавилонской древности, столь сходныхъ съ нынѣ переживаемыми и разыгравшихся въ той же аренѣ, на великомъ пути съ Востока на Западъ. (Курсивъ нашъ). Въ этихъ мѣстностяхъ постоянно лилась кровь, происходила борьба между двумя началами, и мы являемся наслѣдниками одного изъ нихъ: его пораженіе, стремленіе его побороть сказывается урокомъ и для насъ. Какъ бы пассивно мы ни глядѣли на происходящее у насъ на глазахъ, какъ бы равнодушно ни относились къ событіямъ— почти на самой нашей границѣ,—наша судьба, наши интересы затрогиваются ими. Мы не должны отказывать вліять на эти событія, направлять ихъ въ свою пользу".

„Нашъ ассиріологъ и археологъ М. Никольскій, участникъ экспедиціи А. Ивановскаго, отправленной въ 1893 году Императорскимъ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ въ пограничныя русскія и турецкія провинціи, сообщаетъ во 2-мъ изданіи „Братской Помощи" (пострадавшимъ въ Турціи армянамъ) въ этомъ районѣ замѣчательно важныя открытія. Найденныя на скалахъ и памятникахъ древности клинообразныя надписи, которыхъ въ настоящее время открыли около 100, а въ самое послѣднее время обнаружено въ русскихъ предѣлахъ до 25, написаны на особомъ языкѣ и повѣствуютъ о многочисленномъ племени, жившемъ на верховьяхъ Тигра и Евфрата, около озеръ Вана, Урмія и Гокчайскаго. Это племя не имѣло никакого родства съ семитическими племенами Сиріи и Месопотаміи и на ассирійскихъ памятникахъ X и IX вѣковъ Р. Х. называлось собирательнымъ именемъ странъ Наири; когда же, во второй половинѣ IX столѣтія, это племя собралось въ одно государство, на ассирійскихъ памятникахъ о немъ стали упоминать, какъ о странѣ Урарту, откуда въ еврейскихъ библейскихъ книгахъ названіе „Араратъ" (имена эти тожественны). Центръ означеннаго царства былъ первоначально въ Эриванской низменности, но потомъ по стратегическимъ соображеніямъ, въ виду необходимости борьбы съ южными сосѣдями, перенесенъ былъ на югъ, къ восточнымъ берегамъ озера Вана. Страна урартійскихъ царей находилась въ культурномъ отношеніи въ зависимости отъ ассиро-вавилонянъ, но не разъ успѣшно оспаривала роль міровой державы у царей Ассиріи. Передъ эпохою упоминаемаго въ Библіи ассирійскаго владыки Тиглата Пилесера III, т. е. въ первую половину VIII вѣка, перевѣсъ въ борьбѣ былъ на сторонѣ Урарту, весь сѣверъ и частью западъ ассирійской монархіи перешелъ въ руки урартійцевъ. Вѣсы колебались, и могло случиться, что, вмѣсто семитическаго племени, племя урартійское будетъ обладать міромъ, направлять ходъ всемірной исторіи. Перемѣна правленія и неожиданный подъемъ силъ спасъ Ассирію. Ея враги были побѣждены. Однако, не надолго. Урартійскій царь Руса, или Урса, какъ его называютъ ассирійскія надписи, снова поднялъ весь сѣверъ и западъ противъ Ассиріи и произошло страшное единоборство двухъ племенъ—и семиты восторжествовали. Открытыя г.г. Никольскимъ и Ивановскимъ надписи повѣствуютъ о перипетіяхъ борьбы, заключая въ себѣ данныя объ урартійской культурѣ, говоря о строеніи городовъ, дворцовъ, о проведеніи каналовъ и т. п. Многія современныя армянскія названія разныхъ мѣстностей имѣютъ сходство съ названіями, встрѣчаемыми на надписяхъ, которыя высѣчены то на камняхъ въ долинахъ, то на скалахъ въ ущельяхъ и на берегу озера; одна изъ надписей, давно интересовавшая заграничныхъ ученыхъ, напр., оксфордскаго профессора Сейса,

высѣчена на скалѣ на берегу Гокчайскаго озера; доступа къ ней нѣтъ ни съ сухого пути, ни со стороны озера: г. Ивановскому впервые удалось снять эстампажъ съ этой надписи. Клинообразныя письмена то высѣкались по приказу ассирійскихъ царей-побѣдителей и повѣствовали объ ихъ побѣдахъ, то воздвигались урартійскими царями, когда перевѣсъ былъ на ихъ сторонѣ. Эти памятники глубокой таинственной древности носятъ слѣды борьбы двухъ началъ, — звѣрскаго и болѣе человѣчнаго: (курсивъ нашъ) первое олицетворяется Ассиріей, второе—Урарту". Приведя затѣмъ образчики надписей ассирійскихъ и урартійскихъ, въ подтвержденіе этого положенія, г. Гольмстремъ продолжаетъ:

„Урарту играла видную роль въ судьбахъ Ассиріи и всего міра, такъ какъ своимъ давленіемъ съ сѣвера препятствовала движенію ассирійцевъ на западъ и югъ, на Сирію, Палестину и Египетъ. Послѣ одного изъ своихъ походовъ на югъ, повелитель Урарту принялъ титулъ царя царей и назвалъ свою столицу вторымъ Ассуромъ, слѣдовательно, третьимъ Вавилономъ. Не менѣе значительна была роль урартійцевъ на сѣверѣ и на югѣ своихъ владѣній: со стороны Кавказа они закрывали путь скиѳамъ, а на югѣ ихъ царство простиралось до Кархемиша, сдерживая нашествіе кочевниковъ южныхъ степей, откуда вышла религія кочевыхъ народовъ, религія войны—Исламъ. Царство Урарту неизбѣжно должно было пасть, потому что ему приходилось бороться съ трехъ сторонъ, не находя ни откуда союзниковъ". „Вопросъ о томъ, можно ли считать племя Урарту, называвшееся иногда народомъ Арама (родоначальника ванскихъ царей) или манейцами (по странѣ, носившей имя Мана) за предковъ нынѣшнихъ армянъ, въ виду общихъ корней этихъ названій, считается спор-

нымъ, и профессоръ Анучинъ на страницахъ той же „Братской Помощи" (доказывающей тѣмъ свое безпристрастіе и добросовѣстность) высказывается противъ такой теоріи. Но намъ кажется, что въ данномъ случаѣ вопросъ этотъ не играетъ роли, потому, что армяне, занявши территорію бывшаго царства Урарту, по самому своему географическому положенію, наслѣдовали традиціи этого царства и выдерживали вѣками ту же борьбу съ кочевниками, являясь съ ореоломъ христіанскаго просвѣщенія среди тьмы варварства, пока, наконецъ, не нашли себѣ союзника и наслѣдника ихъ традицій въ великой Сѣверной Имперіи".

„Въ „Русскомъ Архивѣ" за 1895 г. въ № 7 была помѣщена статья „Еще объ историческомъ значеніи царскаго титула", гдѣ говорится: „Въ 1828 г. внесена въ титулъ Армянская область, Урарту ассирійскихъ лѣтописей, которая, по новѣйшимъ открытіямъ русскихъ ученыхъ, играла очень важную роль въ древнѣйшей исторіи Востока и въ судьбахъ народа Божія: отвлекая силы ассиріянъ на сѣверѣ, она замедляла паденіе царства Израильскаго, а, вступая въ союзъ съ Вавилономъ, ускорила паденіе царства Іудейскаго и приблизила явленіе Царства Божія, Царства Мира, Царства Христова. Санъ-Стефанскій договоръ дѣлалъ Русскаго Царя обладателемъ верхней долины Евфрата и, можетъ быть, обладаніе этими мѣстами предупредило бы кровопролитіе въ Турецкой Арменіи, если бы этотъ договоръ не былъ замѣненъ берлинскимъ, поставившимъ Арменію... внѣ значенія, внѣ міра, т. е. закрывъ ее для изслѣдованія, предавъ разоренію и звѣрскимъ насиліямъ".

„Открытія г.г. Никольскаго и Ивановскаго, которыя первый изъ названныхъ ученыхъ сумѣлъ обос-

новать очень широко, *) важны еще въ томъ смыслѣ, что показываютъ многовѣковую борьбу, шедшую въ преддверіи Кавказа, изъ за стратегическихъ путей изъ Азіи въ Европу. Арена походовъ царя Аргитши представляетъ изъ себя естественные и традиціонные: это—дорога изъ Эриванской низменности на Тифлисъ, это дорога въ низменности нынѣшняго Александрополя, это, наконецъ, тотъ путь, по которому шли наши войска въ прошлую русско-турецкую войну, черезъ Карсъ, Сарыкамышъ на Эрзерумъ"...

„Но памятники древности вѣщаютъ еще и еще, и ведутъ насъ, русскихъ людей, дальше къ сознанію духовной солидарности съ многострадальнымъ армянскимъ народомъ, прожившимъ такую осмысленную, содержательную многовѣковую жизнь". Упоминая объ этихъ памятникахъ армянъ, г. Гольмстремъ, однако, отнюдь не имѣлъ въ виду ванскія (урартійскія) клинообразныя надписи, а развалины древне-армянской столицы Ани, относящіеся къ христіанскому періоду. Дѣйствительно, вотъ что говоритъ г. Гольмстремъ вслѣдъ за приведенной нами фразой: „Въ той же книгѣ „Братская Помощь" пр. Марръ даетъ интересный очеркъ „Ани, столица древней Арменіи"—на основаніи изслѣдованій, произведенныхъ имъ на мѣстѣ по порученію Императорской Археологической Комиссіи. Развалины Ани, „этого послѣдняго убѣжища государственной мысли въ коренной Арменіи", вдохновили почтеннаго ученаго прослѣдить ростъ и судьбу и идеи единаго государства, зародившагося на югѣ Арменіи и постепенно уходившаго на сѣверъ, вслѣдствіе давленія извнѣ".

*) Массу интересныхъ подробностей и заключеній г. Никольскаго намъ приходится, по необходимости, опустить, предоставляя читателямъ ознакомиться съ этими крайне важными данными изъ 2-го изданія „Братской Помощи".

Въ этомъ же очеркѣ пр. Марръ излагаетъ исключительныя событія, относящіяся къ несомнѣнной армянской древней исторіи, связанной съ судьбой города Ани. Описывая развалины этого города, Марръ говоритъ: „Крестомъ была покрыта вся Арменія, такъ какъ крестъ былъ священнымъ знаменемъ населявшаго ее маленькаго народа, находившаго въ себѣ силу настойчиво вести, во имя національныхъ завѣтовъ, неравную борьбу съ несмѣтными полчищами все новыхъ и новыхъ враговъ христіанства и началъ свободнаго культурнаго развитія, неся на себѣ до послѣдняго вздоха тяжелый крестъ трудовой жизни и христіанскаго подвижничества. Развалины Ани тому свидѣтели". „Вотъ что опять сказали камни, выступая на защиту народа, поносимаго безбожниками, покрываемаго злословіемъ и клеветой завистниковъ и словоблудовъ, не вѣрящихъ ни въ Бога, ни въ совѣсть".

И далѣе въ статьѣ г. Гольмстремаг оворится о преданности армянскаго народа христіанству, засвидѣтельствованной и историческими памятниками, и современною жизнью сельскаго населенія: его бытомъ, обрядами, обычаями; о томъ, что надписи на камняхъ показываютъ, какъ близко заинтересованы мы въ судьбахъ странъ, расположенныхъ въ верховьяхъ Евфрата, какъ ревниво надо намъ охранять населеніе этихъ областей, солидарныхъ съ нами въ религіозныхъ и политическихъ идеалахъ.

Въ заключеніе приведя рядъ выдержекъ изъ статьи Рорбаха, посѣтившаго ту же страну и вынесшаго о ея обитателяхъ то же впечатлѣніе, г. Гольмстремъ такъ заканчиваемъ свою статью:

„Нѣмецкій ученый Рорбахъ проѣхалъ по аренѣ до историческихъ событій, онъ знаетъ объ открытыхъ надписяхъ, онъ посѣтилъ развалины города Ани, и... камни, надписи на камняхъ сказали ему то, что сердца иныхъ русскихъ людей не сумѣли имъ еще подсказывать".

Мы привели изъ статьи В.Гольмстрема все, что въ ней относится къ интересующему насъ вопросу. Какъ могъ убѣдиться читатель, въ ней не содержится рѣшительно ни одной строчки, подтверждающей обвиненія, взводимыя кн. Чавчавадзе на почтеннаго русскаго писателя. Изъ приведенныхъ выдержекъ ясно, что кн. Чавчавадзе совершенно невѣрно приписываетъ г. Гольмстрему, будто онъ утверждаетъ, что армяне происходятъ отъ урартійцевъ, что г. Гольмстремъ, будто, въ подтвержденіи этого взгляда, приводитъ въ искаженномъ видѣ мнѣніе г. Никольскаго. Ничего подобнаго г. Гольмстремъ не писалъ, а въ цитированныхъ выводахъ изслѣдованія г. Никольскаго нѣтъ рѣшительно ни одного намека на родство урартійцевъ съ армянами. Г. Гольмстремъ даже прямо указываетъ, что вопросъ о родствѣ урартійцевъ съ армянами не имѣетъ никакого существеннаго значенія; что, занявъ территорію урартійцевъ, армяне въ теченіе всей своей исторіи продолжали лишь выполнять ту роль, которая до нихъ въ тѣхъ же мѣстахъ выпадала на долю урартійцевъ; что, такимъ образомъ, армяне лишь наслѣдовали у урартійцевъ ихъ культурную роль въ Малой Азіи и доказываетъ это не тѣмъ, что говорится въ клинообразныхъ надписяхъ урартійцевъ, а всею позднѣйшею исторіей Арменіи, въ особенности со временъ принятія армянами христіанства. Очевидно, доказывая эти положенія ссылками на написанное у Рорбаха и пр. Марра объ этомъ періодѣ исторіи Арменіи, г. Гольмстремъ не имѣлъ никакой необходимости ссылаться на мнѣніе г. Никольскаго и притомъ приводить это мнѣніе въ искаженномъ видѣ, такъ какъ слова г. Никольскаго относятся къ урартійской исторіи. И, дѣйствительно, слова г. Никольскаго приведены въ статьѣ г. Гольмстрема единственно для выясненія характера и культурнаго значенія урартійской исторіи совершенно независимо отъ вопроса о родствѣ урартійцевъ съ армянами. Во всей своей статьѣ г. Гольмстремъ буквально нигдѣ не говоритъ, что эти урартійцы предки армянъ, что исторія урартійцевъ должна служить для возвеличенія историческихъ заслугъ армянъ. Такимъ образомъ отъ начала до конца кн. Чавчавадзе лишь совершенно искажаетъ и смыслъ, и характеръ статьи г. Гольмстрема. Но, быть можетъ, спроситъ читатель, зачѣмъ же было г. Гольмстрему въ статью объ армянахъ вклеивать исторію урартійцевъ и, пожалуй, подумаетъ, что это должно было быть сдѣлано съ цѣлью хоть намекнуть на родство армянъ съ урартійцами. Но и на эти возможныя сомнѣнія статья даетъ ясный отвѣтъ. Въ ней говорится, что въ тѣхъ же мѣстахъ, лежащихъ на великомъ пути съ востока на западъ, три тысячи лѣтъ тому назадъ происходила та же борьба двухъ началъ, которую и нынѣ продолжаетъ Россія, въ качествѣ представителя культурнаго христіанскаго міра, съ варварскимъ міромъ религіи войны, что эту борьбу начали урартійцы противъ ассирійцевъ и пали въ этой борьбѣ, имъ на смѣну явились на томъ же мѣстѣ армяне и продолжали борьбу съ новыми носителями тѣхъ же анти-культурныхъ началъ и также не устояли подъ напоромъ враждебныхъ силъ; что нынѣ продолжаетъ эту борьбу Россія и она для своего успѣха должна въ свою очередь собрать вокругъ своего знамени остатки тѣхъ народовъ, которые являются носителями отстаиваемыхъ Россіей началъ гуманности, что бы общими соединенными силами хотя бы теперь нанести рѣшительный ударъ враждебнымъ имъ началамъ. Вотъ съ какою цѣлью приведена исторія урартійцевъ и эта цѣль ясно выражена въ самой статьѣ. Какъ при такихъ условіяхъ могъ кн. Чавчавадзев звалить на г. Гольмстрема такіе тяжелые упреки, что онъ ввелъ въ заблужденіе честный органъ

печати, что онъ недостойно исказилъ взглядъ ученаго г. Никольскаго, чтобы за его спиной сбыть свою ложь за правду, что онъ въ угоду и съ одобренія, яко бы, армянъ по своему невѣжеству позволилъ себѣ содѣйствовать тому, чтобы армяне чужими руками себѣ жаръ загребали, „что онъ почти весь фельетонъ посвятилъ доказательствамъ происхожденія армянъ отъ урартійцевъ и впуталъ разсказъ о событіяхъ, случившихся minimum за 2700—2800 лѣтъ, чтобы этимъ разсказомъ доказать духовную и физическую мощь, мужество нынѣшнихъ армянъ, какъ потомковъ славныхъ урартійцевъ" (стр. 117),—это мы отказываемся понять и объяснить.

Въ заключеніе своихъ обвиненій г. Гольмстрема кн. Чавчавадзе сожалѣетъ, что обстоятельства и интересы книги вынудили поставить г. Гольмстрема въ ряду армянскихъ ученыхъ и желаетъ знать, что побудило его написать такую исторію, достойную лишь армянскихъ философовъ. Позволительно усомниться въ искренности и этихъ сожалѣній, и этихъ желаній, повидимому, имѣющихъ цѣлью смягчить всю силу тѣхъ глубоко оскорбительныхъ отзывовъ, высказанныхъ кн. Чавчавадзе по адресу г. Гольмстрема. Если бъ кн. Чавчавадзе дѣйствительно имѣлъ такое желаніе узнать все то, о чемъ онъ спрашиваетъ, то для этого онъ долженъ былъ лишь внимательно прочесть инкриминируемую статью и тогда, конечно, кн. Чавчавадзе не приходилось бы ни уличать г. Гольмстрема во лжи, фарисействѣ и подвохахъ, ни преподносить ему запоздалыхъ сожалѣній. Равнымъ образомъ и его желаніе знать, что руководило г. Гольмстремомъ, когда онъ писалъ свою статью, было бы вполнѣ удовлетворено. Но тогда, увы, и кн. Чавчавадзе не пришлось бы писать своей громоносной брошюры и онъ былъ бы лишенъ возможности парадировать въ роли защитника грузинской народности.

Кн. Чавчавадзе, однако, и этого мало. Недоволенъ онъ г. Гольмстремомъ еще по слѣдующимъ поводамъ.

„Проф. Анучинъ, говоритъ онъ, противникъ теоріи, считающей урартійцевъ предками армянъ; по мнѣнію г. Гольмстрема, это доказываетъ безпристрастіе Анучина, за что онъ и похваливаетъ его".

Недоволенъ кн. Чавчавадзе этимъ потому, что изъ этого слѣдуетъ, что „на свѣтѣ, якобы, существуетъ теорія, доказывающая родство армянъ съ урартійцами"; что на самомъ дѣлѣ „такой теоріи нѣтъ" и кн. Чавчавадзе приглашаетъ г. Гольмстрема назвать хотя бы одного дѣйствительнаго ученаго,—какъ сторонника той теоріи, съ которой, якобы, пр. Анучинъ не согласенъ и о которой лишь одинъ г. Гольмстремъ такъ необдуманно гремитъ и никто больше"; что „г. Гольмстремъ такъ подробно приводитъ свидѣтельства г. Никольскаго, въ подтвержденіе приводимыхъ имъ данныхъ о родственности, будто бы, урартійцевъ и армянъ, а о пр. Анучинѣ гововоритъ два—три слова и то какъ то глухо,—онъ-де противникъ этой теоріи" (115, 116). Разберемъ и эти замѣчанія кн. Чавчавадзе.

Прежде всего оказывается, что г. Гольмстремъ говоритъ о безпристрастіи не пр. Анучина, а редакціи „Братской Помощи Армянамъ", которая, несмотря на всѣ свои симпатіи къ армянамъ, отнюдь не желая противодѣйствовать распространенію правильныхъ понятій о томъ, какъ относится современное научное знаніе къ вопросу объ урартійской исторіи, напечатала сама статью пр. Анучина, совершенно отрицающую родство урартійцевъ и армянъ. Слѣдовательно, въ данномъ случаѣ кн. Чавчавадзе просто не понялъ (чтобы не сказать—переиначилъ) прочитаннаго. Вотъ подлинныя строки изъ статьи г. Гольмстрема: „Пр. Анучинъ на страницахъ той же „Братской Помощи" (*доказывающей* тѣмъ свое

безпристрастіе и добросовѣстность) высказывается противъ такой теоріи“. Къ кому относится эта похвала безпристрастія—къ пр. Анучину или къ „Братской Помощи?“ Мы думаемъ, ни одинъ читатель не затруднится отвѣтить на этотъ вопросъ. Фактъ этотъ имѣетъ существенное значеніе, и его мы приводимъ не въ силу мелкой придирчивости. Онъ именно доказываетъ, что армяне отнюдь не замалчиваютъ и не игнорируютъ устанавливаемаго нынѣ въ наукѣ вывода, что урартійцы—не предки армянъ, а принадлежатъ къ племени, родственному грузинамъ, такъ какъ сами армяне въ изданной ими книгѣ „Братская Помощь“ предоставили представителю теоріи о родствѣ грузинъ съ урартійцами полный просторъ излагать свои выводы на этотъ счетъ. Очевидно, о такомъ безпристрастіи умѣстно было говорить относительно „Братской Помощи“. Приписывая же эту аттестацію невѣрно пр. Анучину, кн. Чавчавадзе самъ себѣ создаетъ поводъ высказать удивленіе, за что хвалятъ пр. Анучина и намекнуть, что хвалебная рѣчь, Гольмстрема о такомъ безпристрастіи его же уличаетъ. А такъ какъ мы видѣли, что рѣчь идетъ о безпристрастіи не пр. Анучина, то само собою разумѣется—теряютъ всякую почву подъ собою всѣ эти экивоки и подозрѣнія въ библейскомъ тонѣ.

Затѣмъ на замѣчанія кн. Чавчавадзе о томъ, что на свѣтѣ нѣтъ такой теоріи, доказывающей родство армянъ съ урартійцами и что, поэтому, о пр. Анучинѣ нельзя говорить, что онъ противникъ теоріи, которой не существуетъ,—укажемъ, во 1-хъ, что именно такую теорію высказывалъ въ 1882 г. Мордтманъ, какъ это указано на стр. 376 той-же статьи Никольскаго въ „Древностяхъ Восточныхъ“; а во 2-хъ, какъ справедливо замѣчаетъ самъ кн. Чавчавадзе, сказанное о пр. Анучинѣ объясняется тѣмъ, что если пр. Анучинъ отрицаетъ происхожденіе армянъ отъ урартійцевъ, то не въ опровержение кого либо, а въ потдвержденіе мнѣнія изслѣдовавшихъ эти обстоятельства. (стр. 115). Наконецъ, указаніе кн. Чавчавадзе, что г. Гольмстремъ приводитъ подробно свидѣтельство г. Никольскаго въ подтвержденіе приводимыхъ имъ данныхъ о родственности, будто бы, урартійцевъ и армянъ—совершенно уже не согласуется съ правдой: какъ мы видѣли выше, рѣшительно ни одною строчкою, взятою у г. Никольскаго, г. Гольмстремъ не подтверждаетъ этой родственности. Да и вообще говоря, этотъ вопросъ г. Гольмстремъ считаетъ, какъ было указано выше, для своихъ цѣлей не важнымъ, чѣмъ объясняется также и то, почему онъ не упоминаетъ о взглядахъ проф. Анучина относительно родства урартійцевъ съ грузинами.

Такимъ образомъ, послѣ всего приведеннаго выше должно быть ясно, насколько всѣ обвиненія, взводимыя на г. Гольмстрема оказываются совершенно неосновательными.

О родствѣ урартійцевъ съ грузинами и о происхожденіи армянъ. Изслѣдованія Ленормана и Никольскаго.

Кн. Чавчавадзе упрекаетъ, между прочимъ, г. Гольмстрема въ томъ, что онъ недостойно солидное сужденіе уважаемаго русскаго ассиріолога г. Никольскаго по вопросу о родствѣ съ урартійцами нынѣ существующихъ народностей Кавказа исказилъ, передѣлавъ, чтобы съ помощью его уважаемаго имени сбыть ложь извѣстной группѣ армянъ за правду. Въ предыдущей главѣ мы видѣли, сколько правды въ этомъ упрекѣ и указали, что г. Гольмстремъ цѣли комъ привелъ нѣкоторыя мѣста изъ статьи г. Никольскаго объ урартійской исторіи, совершенно не ссылаясь на изслѣдованіе г. Никольскаго, для доказательства родства урартійцевъ съ армянами, такъ какъ совершенно не задавался цѣлью доказать

существованіе такого родства. Посмотримъ, однако, какъ „достойно“ поступилъ кн. Чавчавадзе съ осторожными солидными сужденіями Никольскаго и Ленормана по затронутому имъ вопросу о родствѣ урартійцевъ съ грузинами.

Ф. Ленорманъ издалъ въ 1870 г. въ литографированномъ видѣ свое изслѣдованіе подъ названіемъ „Ассиріологическія Письма“.

Ссылаясь на это изслѣдованіе (письмо 2-е), кн. Чавчавадзе смѣло отожествляетъ Грузинъ съ Урартійцами (алародійцами по Геродоту), и Грузинское Царство— съ Царствомъ Урарту. „О древнѣйшихъ временахъ Грузинскаго Царства и культуры его упоминается, по словамъ кн. Чавчавадзе, въ ассирійскихъ клинообразныхъ надписяхъ еще въ 1300 г. до Р. Х.“ Стр 34). „Изслѣдованіе великаго Эженя Барнульфа усиливаетъ доказательство того, что языкъ клинообразныхъ надписей Арменіи и грузинскій—одинъ и тотъ же“. (Стр. 96). „Покойный Илья Серебряковъ, профессоръ Лазаревскаго института говоритъ: „Ленорманъ не только устранилъ всякую мысль о родственномъ происхожденіи армянъ и грузинъ, но даже самую территорію Арменіи до Ахаменидовъ изъялъ изъ владѣнія и навсегда укрѣпилъ за грузинами“. (Стр. 97). „Ленорманъ добавляетъ: „Алародійцы (иверы) представляютъ именно ту старую расу, которая оставила клинообразныя надписи въ Арменіи (Стр. 95). Словомъ — грузины и алародійцы одно и тоже, а царство Урарту—есть Царство Грузинское.

Мы не думаемъ входить въ разборъ этого чисто научнаго вопроса. Приведемъ лишь по возможности точный переводъ того письма Ф. Ленормана и извлеченія изъ статьи г. Никольскаго, въ которыхъ, по словамъ кн. Чавчавадзе, устанавливается такое тожество грузинъ и урартійцевъ. Эти выдержки всего лучше уяснятъ намъ истинное положеніе разсматриваемаго вопроса въ наукѣ.

Въ упомянутомъ 2-мъ письмѣ Ленорманъ говоритъ: „Арменія до Ахаменидовъ была раздроблена на множество царствъ, населеніе коихъ, однако, обнаруживало большую однородность въ этнографическомъ и лингвистическомъ отношеніяхъ. Что это было за населеніе? Къ какой оно принадлежало расѣ? Свѣдѣнія, даваемыя ассирійскими надписями, ни достаточно многочисленны, ни носятъ достаточно опредѣленный характеръ, чтобы дать намъ возможность установить окончательный взглядъ по этому предмету. (Стр. 119, 120). Языкъ этихъ надписей представляетъ еще темныя стороны, на которыя еще не пролитъ свѣтъ; даже природа этого языка еще далека отъ выясненія. (Стр. 121). Только благодаря большому развитію идеографизма оказалось возможнымъ, при настоящемъ состояніи науки, схватить общій смыслъ надписей и извлечь ихъ остовъ или скелетъ, независимо отъ того, какъ онѣ читаются, въ то время, какъ части, написанныя фонетически, представляютъ почти абсолютные пробѣлы, до тѣхъ поръ, пока языкъ этихъ частей не будетъ хорошо опредѣленъ и не будетъ углублено знакомство съ нимъ“.

Затѣмъ Ф. Ленорманъ дѣлаетъ критическій обзоръ работъ, предпринятыхъ его предшественниками для опредѣленія природы языка этихъ надписей. Отмѣтимъ здѣсь, что въ 1848 Hincks издалъ работу, единственную и по сіе время, въ которой вопросъ объ идеомахъ этихъ надписей разбирался ex professo. Авторъ этотъ полагалъ возможнымъ утверждать, что въ данномъ случаѣ имѣется языкъ чисто-арійскій. A. Layard находилъ въ этомъ языкѣ большую долю монгольскаго элемента; Rawlinson устанавливаетъ родство его съ языкомъ медовъ, туранцевъ и аккадійцевъ Вавилона, и наконецъ Mordtmann считалъ, что современный армянскій языкъ объясняетъ всѣ трудности языка надписей. Но всѣ эти

мнѣнія Ф. Ленорманъ считаетъ столь же бездоказательными, какъ и не имѣющими научнаго подтвержденія. Ф. Ленорману кажется, что изученіе идеомовъ клинообразныхъ надписей, въ томъ, что́ въ настоящее время можетъ быть распознано, обнаруживаетъ совершенно характерное разительное сходство языка этого съ грузинскимъ. „Я надѣюсь, говоритъ онъ далѣе, когда нибудь, когда мои изысканія подвинутся далѣе, представить къ тому рядъ доказательствъ абсолютно рѣшающихъ“.

Для даннаго времени Ф. Ленорманъ ограничивается доказательствами наиболѣе убѣдительными, представляемыми склоненіемъ именъ существительныхъ... Это склоненіе, крайне богатое формами, не похоже ни на идеомы арійскіе, ни на идеомы туранскіе, но, напротивъ, представляетъ тѣсное родство съ совершенно особенными формами склоненія грузинскаго. (Стр. 124, 125). Спряженіе глаголовъ распознается не такъ хорошо, какъ склоненіе именъ, большая часть формъ не имѣется или сомнительны. Но то немногое, что онъ могъ констатировать похоже болѣе на грузинскій, чѣмъ на какой либо другой языкъ *).

Однако, если идеомы по своей грамматикѣ кажутся весьма близкими исключительно къ грузинскому языку, то въ то же время существованіе арійскаго элемента въ словарѣ, въ которомъ онъ занимаетъ извѣстное мѣсто, было бы весьма затруднительно оспаривать. Приведя затѣмъ рядъ примѣровъ въ подтвержденіе этого заключенія, Ф. Ленорманъ далѣе замѣчаетъ, что присутствіе этого арійскаго элемента въ языкѣ и въ его словарѣ не менѣе замѣтно въ собственныхъ именахъ мѣстностей,

*) Примѣры, приводимые Ф. Ленорманомъ, мы опускаемъ.

людей и божествъ. Впрочемъ, если грамматики Грузіи совершенно справедливо поддерживаютъ полную оригинальность ихъ языка, который не имѣетъ прямого сходства съ идеомами всѣхъ другихъ языковъ (см. январь 1832 г. стр. 19—24 „Тифлисской Литературной Газеты“), грузинскій представляетъ также въ своемъ словарѣ значительную часть словъ, безспорно, арійскаго происхожденія. Эта часть въ языкѣ настолько развита, что Броссе могъ на нихъ опереться въ своей напрасной попыткѣ отнести этотъ языкъ къ семейству арійскихъ языковъ („Journal Asiatique“, mai 1833 et novembre 1834). Безъ сомнѣнія, какъ хорошо было замѣчено царевичемъ Теймуразомъ, добрая часть этихъ словъ, которыя персидскаго происхожденія, были введены въ сравнительно недавнее время, во время владычества персовъ; они образуютъ въ языкѣ нѣкотораго рода повтореніе и почти всегда дублированы словами, дѣйствительно, туземными, которыя имѣютъ тотъ же или почти такой же смыслъ.

Но въ то же время нельзя сомнѣваться, что другая часть арійскаго элемента словаря не болѣе древняго введенія и не пріобрѣла очень рано права гражданства въ идеомахъ грузинскихъ, что и обнаружилъ нашъ великій Эженъ Бюрнуфъ, который замѣтилъ, что слова этого рода были натурализованы въ части наиболѣе существенной и наиболѣе жизненной языка, какъ въ серіи мѣстоименій. Это—еще точка соприкосновенія между идеомами древнихъ клинописей Арменіи и грузинскимъ языкомъ *).

*) Это мѣсто письма Ленормана кн. Чавчавадзе передаетъ такимъ образомъ: „Изслѣдованіе великаго Эженя Барнульфа усиливаетъ доказательства того, что языкъ клинообразныхъ надписей Арменіи и грузинскій—одинъ и тотъ же“. (Стр. 96).

Такимъ образомъ, продолжаетъ онъ далѣе, данныя филологіи открываютъ первоначальное населеніе Арменіи, на сѣверѣ Аккади или Халдеи горъ Гордіенскихъ, которое было до конца VII столѣтія до Р. Хр. той же расы, какъ и грузины, и нѣкоторые современные народы Кавказа, смѣшанные, однако, въ извѣстной пропорціи съ элементами арійскими, которые были еще далеки отъ преобладанія. Это именно то самое населеніе, совершенно отличное отъ армянъ въ собственномъ смыслѣ, которое, очевидно, носило въ этнографіи Сотворенія (кн. Бытія, гл. X, 3) имя Ѳогорма, даваемое еще Іезекіилемъ жителямъ Арменіи (XXVII, 14—XXXVII, 6) въ то время, когда была начертана большая часть до сего времени извѣстныхъ надписей Вана и другихъ частей страны, и любопытно отмѣтить по этому предмету, что если армяне считаютъ себя потомками Гайка, сына Торгома, то грузины въ своихъ національныхъ традиціяхъ считаютъ также Торгома, какъ своего предка*). Но что болѣе всего разительнѣе и замѣчательнѣе въ идеомахъ клинописей Арменіи—это отсутствіе всякаго родства, даже отдаленнаго, съ армянскимъ. Народъ, который начерталъ эти надписи и который до VI вѣка былъ исключительнымъ господиномъ страны, не имѣлъ ничего общаго съ армянами, онъ долженъ былъ отличаться радикально какъ по расѣ, такъ и по языку, и что, быть можетъ, только послѣ начертанія послѣднихъ ванскихъ надписей имѣло мѣсто водвореніе въ этой странѣ армянъ въ собственномъ смыслѣ, которые вытѣснили къ сѣверу древнее населеніе, отбросивъ его въ страну (курсивъ нашъ), которую древніе называли Иверіей, а современные—Грузіей*). И въ этомъ случаѣ мы приходимъ къ аналогичному заключенію, къ которому насъ привело изысканіе по мидійской исторіи, а именно, что обладаніе гористымъ массивомъ между Галисомъ и Каспійскимъ моремъ населеніемъ исключительно арійской расы относится къ гораздо менѣе отдаленной эпохѣ, чѣмъ это обыкновенно думали до сихъ поръ, оно могло имѣть мѣсто отъ VIII до VI столѣтія до-христіанской эры, а до тѣхъ поръ Мидія и Каппадокія были обитаемы народами татаро-финскимъ, туранскими мидійцами, мосхами, тибаренами, тогда какъ Арменія была населена народами, относящимися къ народностямъ Кавказа. Все, что нами было констатировано для языка, наблюдается также не для историческихъ традицій,—такъ какъ въ дѣйствительности не существуетъ національныхъ преданій для занимающей насъ эпохи, а что касается книги Маръ-Абасъ-Катина, то въ ней содержатся лишь смутныя воспоминанія о царяхъ ванскихъ надписей,—а въ области религіи. Клинопись Арменіи не содержитъ никакихъ упоминаній о національныхъ богахъ народа армянскаго въ собственномъ смыслѣ, о тѣхъ, о которыхъ намъ говорятъ ихъ писатели (Анаитъ, Спантаротъ, Вагакъ и Нане), равнымъ образомъ боги, фигурирующіе въ этихъ надписяхъ, совершенно невѣдомы армянскимъ историкамъ и національнымъ тра-

*) Это мѣсто въ передачѣ кн. Чавчавадзе получаетъ слѣдующее выраженіе: „Ленорманъ говоритъ въ томъ же сочиненіи своемъ, что армяне напрасно присваиваютъ себѣ происхожденіе отъ Торгома“. (Стр. 98).

*) У кн. Чавчавадзе въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ Ленорману приписываются слѣдующія строки:

„Гайосцы пришли въ Арменію въ то время, когда ванскія надписи уже существовали, именно въ то время, когда тотъ самый народъ (урарту), который вырѣзалъ эти надписи, ослабленный въ продолженіи нѣскольких вѣковъ непрекращавшимися войнами съ страшными владыками Ниневіи (ассиріянами) и Вавилономъ, отодвинулся, направился къ сѣверу, (курсивъ нашъ) именно къ тѣмъ мѣстамъ, которыя въ древности назывались Иверіею, а въ настоящее время именуются Грузіею“. (Стр. 96).

диціямъ. Эти одни и тѣ же боги встрѣчаются на всѣхъ монументахъ, какъ въ окрестностяхъ Эрзерума, такъ и около Вана и Палу. Такъ же какъ полное единство этнографическое, и лингвистическое существовало среди древняго населенія Арменіи, несмотря на его политическую раздробленность и большое число независимыхъ царствъ,— точно также замѣчается въ этомъ народѣ столь же абсолютное единство религіозное, служа связью между всѣми его частями. (129—130).

Такимъ образомъ, слѣдуетъ вернуться къ заключенію Henry Rawlinson'a, что „языкъ Урарту не имѣетъ никакого сходства съ современнымъ армянскимъ. Раса, говорящая этимъ послѣднимъ идеомомъ, въ дѣйствительности, повидимому, эмигрировала изъ Фригіи и постепенно овладѣла горами Востока, изгоняя или поглощая древнихъ урартійцевъ и замѣщая своими ихъ имена, языкъ, религію и традиціи“ (en substituant à la place de ceuz-ci son propre nom, son langage, sa religion et ses traditions).

Но если это заключеніе не сходится съ мнѣніемъ, общепринятымъ у современныхъ оріенталистовъ, оно согласуется самымъ счастливымъ образомъ съ свидѣтельствомъ Геродота, который различалъ формально въ Арменіи два народа, совершенно безъ всякой связи, по своему происхожденію: Алародійцевъ въ Арменіи Большой, между Колхами и Сапирами, тѣхъ же самыхъ, что и Иверы другихъ античныхъ писателей, съ одной стороны и Matiens'овъ Атрапатена — съ другой стороны, затѣмъ армянъ, которыхъ отецъ исторіи зналъ только въ западной части страны, на верховьяхъ Евфрата, около Фригіи и въ горахъ, гдѣ Галисъ беретъ свои истоки (132). Соглашаясь съ устанавливаемымъ Раулинсономъ сближеніемъ названія Аларутъ—Геродота съ названіемъ Урарту ассирійскихъ надписей, Ф. Ленорманъ находитъ, что это драгоцѣнное отличіе, даваемое Геродотомъ, можетъ служить основаніемъ, чтобы придать эпитетъ алародійскаго языка и надписямъ, о которыхъ идетъ рѣчь и которыя не имѣютъ ничего общаго съ армянскими, принадлежа положительно народу, называемому ассирійцами Урарту. Языкъ этотъ Ленорманъ называетъ алародійскимъ. Что же касается армянъ въ собственномъ смыслѣ, то по общепринятымъ традиціямъ классической древности, они считаются выходцами изъ Фригіи и принадлежащими къ той же расѣ, какъ и фригійцы.

Не приводя засимъ краснорѣчивыхъ указаній Ф. Ленормана, относящихся къ этому же выводу о происхожденіи армянъ, ограничимся замѣчаніемъ его по поводу источниковъ древнѣйшей исторіи армянъ, что такими источниками могли служить, во-первыхъ, традиціи самихъ армянъ въ собственномъ смыслѣ о первыхъ временахъ ихъ расы, восходящихъ къ ихъ происхожденію, къ эпохѣ, предшествующей ихъ утвержденію въ Арменіи, когда они жили среди или около Фригійцевъ, ихъ братьевъ. Другіе источники состоятъ въ нѣкоторыхъ воспоминаніяхъ изъ временъ царства алародійцевъ, которые должны были сохраниться даже и послѣ утвержденія армянъ среди нѣкоторой части населенія примитивнаго, пережившей это время и слившейся съ новыми пришельцами. (Стр. 162).

Ленорманъ писалъ свои письма въ 1870 г. Спустя 23 года, т. е. въ 1893 году, русскій ученый М. В. Никольскій въ цитированной выше статьѣ „Клинообразныя надписи ванскихъ царей“, („Древности Восточныя“, т. I, вып. III) излагаетъ современный взглядъ науки на тотъ же интересующій насъ вопросъ. Мы приводимъ изъ этой статьи рядъ выдержекъ, которыя сами безъ всякихъ объясненій съ нашей стороны устанавливаютъ

отношенія грузинъ и Грузинскаго Царства къ Царству Урарту.

„Величайшіе ассиріологи, говоритъ Никольскій, подвизавшіеся въ дѣлѣ дешифрированія клинообразныхъ текстовъ, каковы Гинксъ, Генри Раулинсонъ, Ленорманъ, дѣлали попытки дешифрировать эти надписи, но ихъ попытки не увѣнчались успѣхомъ. Клинообразные знаки, изъ которыхъ состоятъ эти тексты, заимствованы изъ ассирійскаго силлабарія и почти тожественны по фигурѣ и стилю со знаками надписей ассирійскихъ царей IX и VIII вѣка до Р. Х. Асуръ-насиръ-абала и Салманасара II: знаки употребляются и идеографически, и фонетически съ тѣми значеніями, которыя указаны въ ассирійскомъ силлабаріи, но слова и фразы, которыя составлялись изъ чтенія этихъ знаковъ, оказались совсѣмъ не похожими на ассирійскія и обнаруживали особый языкъ, до сего неизвѣстный. Съ большею или меньшею проницательностью эти ученые могли опредѣлить значеніе нѣкоторыхъ словъ и оборотовъ и высказать слабыя догадки о томъ, къ какому семейству можно было бы отнести этотъ языкъ. Первый, кто взялъ на себя задачу разрѣшить сполна и радикальнымъ образомъ проблему этихъ загадочныхъ текстовъ, былъ Мордтманъ, который въ своемъ обширномъ изслѣдованіи, помѣщенномъ въ 1882 году въ „Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft“ подъ заглавіемъ: „Entzifferung und Erklärung der armenischen keilinschriften von Wan und der Umgegend“, описалъ и разобралъ всѣ извѣстныя до того времени надписи. Но эта попытка оказалась особенно неудачною. Выходя изъ того положенія, что языкъ этихъ надписей тожественъ съ нынѣшнимъ армянскимъ, Мордтманъ объяснилъ слова и фразы надписей по даннымъ грамматики и лексикона новѣйшаго армянскаго языка. Но такой взглядъ могъ

образоваться только благодаря весьма слабому знакомству Мордтмана съ системою клинообразныхъ знаковъ и съ ассирійскимъ силлабаріемъ. Будучи совершенно не знакомъ съ ассирійскимъ языкомъ, Мордтманъ поусердствовалъ и одну чисто-ассирійскую надпись, найденную въ Ванѣ, разобралъ и истолковалъ на почвѣ армянской грамматики и лексикона. Въ другую крайность впалъ французскій ученый D-r Robert, который въ изданномъ имъ въ 1876 году трудѣ „Etude philologique sur les inscriptions cunéiformes de l'Armenie“ доказывалъ, что эти тексты написаны на ассирійскомъ семитскомъ языкѣ.

Но всѣмъ этимъ филологическимъ курьезамъ положенъ былъ конецъ геніальной догадкой французскаго арабиста и ассиріолога С. Гюяра (Stanislas Guyard), высказанной имъ въ краткой замѣткѣ о ванскихъ надписяхъ въ „Journal Asiatique“ за 1880 г., май—іюнь, стр. 540—543. Сдѣлавъ очень удачное наблюденіе, что большинство ванскихъ надписей оканчивается однѣми и тѣми же фразами, онъ высказалъ предположеніе, что эта фраза содержитъ формулу призыванія боговъ въ каратели тѣхъ, которые будутъ пытаться разрушить надписи, формулу, которою обыкновенно оканчиваются историческія надписи ассирійскихъ царей. Благодаря этой догадкѣ, Гюяръ съ достаточною твердостью установилъ смыслъ словъ и фразъ этой формулы, что неожиданно пролило свѣтъ и на грамматическія формы ванскаго языка. Такимъ образомъ, ключъ къ надписямъ былъ найденъ. Пользуясь открытіемъ и методомъ Гюяра, оксфордскій профессоръ сравнительнаго языковѣдѣнія извѣстный ассиріологъ Сейсъ (A. H. Sayce) разобралъ всѣ надписи и результаты своихъ изслѣдованій обнародовалъ въ обширномъ мемуарѣ о ванскихъ надписяхъ, помѣщенномъ въ „Journal of the Royal Asiat icSociety of Great Britain and Ireland“. Vol, XIV, Part 3 и 4.

Выводы и наблюденія Сейса потребовали, однако, большихъ поправокъ, которыя были сдѣланы имъ по указанію Гюяра *), равно какъ вѣнскаго проф. Мюллера (D. H. Müller) **) въ его добавленіи къ вышепоименованному труду въ томъ же изданіи vol. XX, part. I, но, во всякомъ случаѣ, благодаря его труду задача дешифрированія этихъ текстовъ поставлена вполнѣ твердо, хотя далеко еще не вполнѣ разрѣшена. Что касается хронологіи надписей, то она можетъ считаться установленной твердо. Ванскія надписи, по несомнѣннымъ даннымъ, относятся къ концу IX и къ первой половинѣ VIII вѣка до Р. X.

Несмотря, однако, на все это, языкъ и тексты ванскихъ надписей представляютъ одну изъ самыхъ трудныхъ и во многихъ отношеніяхъ еще темныхъ отраслей науки о клинообразныхъ надписяхъ, называемой ассиріологіей. Это зависитъ частью отъ того, что изслѣдователямъ приходится имѣть дѣло съ недостаточно точнымъ и еще не провѣреннымъ матеріаломъ, каковымъ является большая часть снимковъ съ этихъ надписей, а, главнымъ образомъ, отъ того, что до сего времени не удалось еще найти той родственной семьи, къ какой можно было бы отнести этотъ языкъ; онъ представляетъ нѣчто совершенно изолированное. Нѣкоторыя одиночныя явленія, сходныя съ языкомъ грузинскимъ, еще не даютъ права къ установленію родственной связи, хотя возможность этого родства признается почти всѣми изслѣдователями этихъ надписей. Къ сожалѣнію, сравнительное изученіе кавказскихъ языковъ, и особенно грузинскаго, ихъ исторіи и діалектовъ еще крайне несовершенно; во всякомъ случаѣ, только отъ грузинологовъ-лингвистовъ мы можемъ ожидать болѣе рѣшительнаго отвѣта на этотъ вопросъ. Но теперь изслѣдователь ванскихъ надписей принужденъ обходиться сопоставленіемъ явленій только въ предѣлахъ открытыхъ текстовъ; правда, довольно значительное число этихъ надписей (около восьмидесяти надписей, изъ которыхъ нѣкоторыя весьма обширны), употребленіе въ широкомъ размѣрѣ идеограммъ, тожественныхъ по значенію съ ассирійскими, родство стиля надписей съ ассирійскимъ—все это облегчаетъ ихъ дешифрированіе, но множество словъ и оборотовъ остаются еще не ясными и будутъ оставаться до тѣхъ поръ, пока мы не получимъ ванской надписи съ переводомъ на извѣстный уже намъ языкъ, т. е. чего нибудь въ родѣ розетскаго камня". (Стр. 375—377).

*) „Mèlanges d'Assyrioligie", Paris, 1883 г. „Journal Asiatique" t. I, стр. 261, 517; t. II, стр. 306; t. III, p. 499. 8 série.

**) Oesterreichische Monatschrift für den Orient (Янв. 1885 и авг. 1886). Die Keilinschrift von Aschrut-Darga въ 36 томѣ Abhand. Kaiserl. Wien. Akademie.

„Страна Урарту, по ассирійскимъ и ванскимъ источникамъ, была частью другого болѣе обширнаго цѣлаго, которое называется въ нихъ странами или страною Наири. Ванскій царь Сардури I, оставившій намъ свои надписи на ассирійскомъ языкѣ, называетъ себя царемъ страны Наири, въ надписяхъ же ассирійскихъ царей это названіе употребляется большею частью какъ неопредѣленный терминъ, обозначающій сѣверныя народности, жившія на верховьяхъ Тигра и Евфрата, около озеръ Вана и Урміи, и по направленію къ Черному и Каспійскому морямъ. Иногда, впрочемъ, это имя усвояется отдѣльнымъ народностямъ, преимущественно около озера Урміи, напр., странѣ Хубушкіа. Число странъ Наири было весьма значительно; если сосчитать всѣ, упоминаемыя въ ассирійскихъ надписяхъ, то ихъ наберется болѣе ста.

Твердаго политическаго цѣлаго всѣ эти государства

не могли образовать по своей многочисленности и разбросанности, но они способны были, по крайней мѣрѣ, въ минуты опасности, сознавать единство и солидарность своихъ интересовъ и всегда встрѣчаютъ врага въ большемъ числѣ, цѣлой коалицей многихъ десятковъ націй. Судя по названію мѣстностей, почти несомнѣнно, что всѣ или большая часть этихъ народностей говорили на родственныхъ языкахъ, принадлежавшихъ къ одному семейству съ языкомъ ванскимъ. Въ наукѣ пока еще не установилось твердаго понятія и точнаго наименованія этихъ народностей, но, по примѣру Ленормана и Гоммеля, можно бы называть ихъ алародійцами, употребляя этотъ терминъ, взятый у Геродота, въ этнографическомъ и лингвистическомъ смыслѣ, въ отличіе отъ семитовъ Сиріи и Месопотаміи и арійцевъ Ирана и Малой Азіи. Эта особая раса, рѣзко отличная отъ указанныхъ и стоящая совершенно особнякомъ въ древнемъ мірѣ. Если къ ней не принадлежатъ нынѣшніе грузины, то ее слѣдуетъ считать совершенно изчезнувшей изъ среды нынѣшнихъ обитателей Малой Азіи и Закавказья.

Вопросъ объ отношеніи языка Урарту къ грузинскому требовалъ бы болѣе серьезнаго разсмотрѣнія. Къ сожалѣнію, діалекты грузинскаго еще требуютъ научной разработки, и только при выполненіи этого условія можетъ быть поставленъ вопросъ о научномъ сравненіи. Во всякомъ случаѣ, компетентными судьями въ этомъ дѣлѣ могутъ быть только грузинологи или вообще лингвисты, спеціально посвятившіе себя изслѣдованію языковъ горскихъ племенъ, среди которыхъ мы можемъ только ожидать потомковъ древнихъ урартійцевъ.

По недостатку лингвистическихъ данныхъ, мы еще не имѣемъ возможности установить степени распространенности этой алародійской расы. Были ли въ какомъ-

нибудь отношеніи къ ней коссеи, эламиты, до-арійскіе мидяне, такъ называемые, сумеро-аккадійцы, какъ думаетъ Гоммель,—этотъ вопросъ еще весьма далекъ отъ разрѣшенія. Но едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что важнѣйшій народъ Сиріи и Малой Азіи, родоначальникъ оригинальной культуры и храбрый соперникъ Египта и частью Ассиріи, Хеттеи, принадлежалъ къ алародійскому племени". (Стр. 308—389).

Таково положеніе вопроса объ урартійцахъ въ современной наукѣ. Возможно-ли по приведеннымъ осторожнымъ указаніямъ ученыхъ дѣлать заключеніе, что Царство Урартійское и Царство Грузинское одно и тоже— пусть судитъ читатель. Наша цѣль—исчерпывается лишь объективнымъ изложеніемъ взглядовъ ученыхъ спеціалистовъ по интересующему насъ вопросу.

10. Г. А. Эзовъ и его отзывъ о грузинскомъ народѣ.

Намъ остается теперь разсмотрѣть трудъ Г. А. Эзова „Сношеніе Петра Великаго съ армянскимъ народомъ", который внушилъ кн. Чавчавадзе, повидимому, особенную злобу и досаду. Разбирая относящіяся къ Грузіи и грузинскому народу части названнаго труда г. Эзова, кн. Чавчавадзе буквально разражается самою отборнѣйшею бранью по адресу этого автора. Подлость, обманъ, фальсификація, продѣлки, развязность, разнузданность,—словомъ, весь свой обширный лексиконъ брани, который только могъ пройти черезъ нетребовательную провинціальную цензуру, — все это безпорядочною кучей свалено на голову г. Эзова. Кн. Чавчавадзе не останавливается даже передъ глумленіемъ надъ личностью автора и восклицаетъ, что „достаточно одного г. Эзова, чтобы устрашиться самого

себя и съ отчаяніемъ воскликнуть: ужели человѣкъ, дѣйствительно, образъ и подобіе Божье"!? (Стр. 122).

И это называется критикой и возраженіемъ!?.

Любопытно при этомъ отмѣтить, что свои неприличныя выходки по адресу г. Эзова кн. Чавчавадзе пытается оправдать необходимостью защиты личнаго достоинства отъ оскорбленій и поношеній (стр. 81), забывая при этомъ, насколько именно личное достоинство налагаетъ обязанность соблюдать уваженіе къ чужой личности.

Нельзя спорить, конечно, что нѣкоторыя мѣста въ трудѣ г. Эзова могутъ показаться обидными для грузинъ. Но дѣло въ томъ. что за эти оскорбительныя мѣста, если и можно привлекать къ отвѣтственности армянскихъ ученыхъ вообще и въ частности г. Эзова — то только въ томъ случаѣ, если бы оказалось, что все сообщаемое г. Эзовымъ было имъ самимъ выдумано, извращено или подтасовано и при томъ съ предосудительной цѣлью унизить прошлое и настоящее грузинъ. Въ дѣйствительности оказывается, однако, что современнаго положенія грузинъ г. Эзовъ совершенно не касается. Затѣмъ, относительно прошлаго и притомъ въ теченіе строго опредѣленнаго періода отъ Петра Великаго до присоединенія Грузіи къ Россіи,—свои указанія г. Эзовъ обосновываетъ ссылками на различныхъ авторовъ и историковъ (Турнефора, Тавернье, Шардена, историка Соловьева и др). Если эти указанія невѣрно освѣщаютъ положеніе вещей, то, очевидно, легче всего было бы ихъ опровергнуть ссылками на другихъ ученыхъ и историковъ, высказывающихъ взглядъ, противоположный тому, который цитируется г. Эзовымъ. Относиться же къ цитатамъ, приводимымъ г. Эзовымъ, какъ къ личнымъ злобнымъ и ядовитымъ выходкамъ по адресу грузинскаго народа врядъ ли имѣется достаточно

основаній. Само собою разумѣется, намъ не приходится входить въ разборъ того, насколько вѣренъ истинѣ г. Эзовъ въ оцѣнкѣ прошлаго Грузіи и въ характеристикѣ грузинъ временъ Петра Великаго, основываясь на сочиненіяхъ иностранныхъ авторовъ и современныхъ армянскихъ историковъ, такъ какъ эти вопросы могутъ быть разрѣшены лишь безпристрастной исторіей и мы не считаемъ себя въ нихъ компетентными. Но для насъ, во всякомъ случаѣ, одно несомнѣнно, что трудъ г. Эзова отнюдь невозможно опровергать площадною бранью и патріотическими взглядами. Кромѣ того, не касаясь по существу возраженій, сдѣланныхъ на трудъ г. Эзова, мы считаемъ умѣстнымъ отмѣтить здѣсь лишь нѣсколько до очевидности несправедливыхъ нападокъ на г. Эзова.

Г. Эзову ставится въ вину неправильное освѣщеніе отношеній Грузіи къ Персіи, но при этомъ кн. Чавчавадзе не счелъ нужнымъ указать, что г. Эзовъ свои положенія основываетъ на сочиненіяхъ Тавернье, Турнефора, Шардена, Сансона и др. Развѣ не естественно спросить, почему кн. Чавчавадзе умалчиваетъ объ этомъ крайне важномъ обстоятельствѣ, устраняющемъ отвѣтственность г. Эзова и дѣлающемъ необходимымъ возмущаться и опровергать не г. Эзова, а именно этихъ перечисленныхъ выше авторовъ?

Кн. Чавчавадзе опровергаетъ указанія г. Эзова, относящіяся къ XVII и XVIII столѣтіямъ (отъ Петра Великаго) до начала XIX столѣтія ссылками на армянскихъ историковъ XI, XII и XIII ст. (Асогикъ, Ласдиверъ, Матеозъ Эдесси, Варданъ Великій) (стр. 59—60) и, такимъ образомъ, и здѣсь допускаетъ ту же ошибку, на которую мы указывали не разъ. Развѣ не очевидно, что положеніе Грузіи, описанное историками XI—XIII столѣтій, могло существенно измѣниться въ теченіе 400—500 лѣтъ? Чѣмъ же объя-

снить такую неудачную попытку опровергнуть приводимыя г. Эзовымъ указанія о положеніи Грузіи въ XVIII столѣтіи совершенно неподходящими ссылками на историковъ XI—XIII столѣтій? И почему кн. Чавчавадзе не называетъ хотя бы одного писателя XVIII столѣтія, который иначе освѣщалъ бы положеніе Грузіи въ то время, чѣмъ это дѣлаютъ писатели, цитируемые г. Эзовымъ? Не даетъ ли это нѣкоторый поводъ думать, что г. Эзовъ не такъ ужъ „уклонялся отъ истины“, какъ это утверждаетъ кн. Чавчавадзе.

Г. Эзову ставится въ вину, что онъ для того, чтобы обезславить грузинъ, приводитъ одни лишь дурные о нихъ отзывы Шардена и патріарха Исаіи.

Чѣмъ на самомъ дѣлѣ руководился г. Эзовъ, приводя дурной отзывъ Шардена этого мы, конечно, не можемъ знать, но въ своемъ трудѣ онъ указываетъ на этотъ отзывъ Шардена исключительно для доказательства того развращающаго вліянія, которое имѣлъ на Грузію персидскій режимъ того времени, такъ какъ цитатѣ изъ Шардена предшествуютъ слѣдующія строки:

„Мусульманство стало очень распространено среди грузинъ; по отзыву Тавернье, въ двухъ областяхъ было отъ 10 до 12 тысячъ грузинскихъ семействъ, принявшихъ мусульманство; вмѣстѣ съ религіей распространились среди грузинъ персидскіе нравы и привычки. Шахъ Аббасъ вывелъ до 80 тыс. семействъ изъ Кахетіи и поселилъ ихъ въ Персіи, на мѣсто же ихъ привелъ персіанъ. *Такимъ образомъ, персидское вліяніе на грузинъ было очень велико, вліяніе, конечно, развращающее и принижающее* (нашъ курсивъ). Вотъ въ какихъ выраженіяхъ Шарденъ характеризуетъ нравственное состояніе грузинъ“—и далѣе идетъ цитата изъ Шардена на французскомъ языкѣ.

Если вспомнить, что эти строки приведены въ ака-

демическомъ изданіи въ 500 слишкомъ страницъ, предназначенномъ для людей науки и спеціалистовъ, а не для большой публики, что, такимъ образомъ, изданіе это не можетъ по самому своему характеру преслѣдовать никакихъ полемическихъ или публицистическихъ цѣлей,—то значеніе выдержки изъ Шардена потеряетъ совершенно то ядовитое значеніе, которое ему приписываетъ кн. Чавчавадзе. И ставить г. Эзову въ вину, почему онъ, характеризуя развращающее вліяніе прежняго персидскаго режима, привелъ неблагопріятные отзывы о нравахъ грузинскаго народа въ то печальное время—врядъ ли приходится, если только признать безспорнымъ историческимъ фактомъ такое вліяніе персидскаго режима на Грузію. Въ одномъ можно вполнѣ согласиться съ кн. Чавчавадзе, что г. Эзовъ, не нарушая достоинствъ и полноты своего труда, могъ и не приводить текстуально отзыва Шардена о грузинскомъ народѣ, ограничившись лишь общимъ указаніемъ характеристики нравовъ тогдашняго, времени, потому во 1-хъ, что, вообще говоря, всякія общія характеристики народностей, обыкновенно приводимыя различными писателями, всегда грѣшатъ своею односторонностью, впадая то въ одну, то въ другую крайность, то восхваляя неумѣренно, то предавая безпощадному поруганію, тогда какъ врядъ ли существуетъ на земномъ шарѣ народность, которая была бы одарена исключительно дурными или исключительно хорошими качествами. Съ точки зрѣнія современной научной этнографіи, само собою разумѣется, всѣ такія характеристики не выдерживаютъ серьезной критики, устанавливая какую то незыблемость нравственныхъ качествъ народовъ, въ дѣйствительности являющихся продуктомъ сложнаго комплекса внѣшнихъ условій; во 2-хъ, потому, что цитированіе исключительно одних дурныхъ отзывовъ о

грузинахъ на ряду съ цитированіемъ исключительно хорошихъ отзывовъ объ армянахъ отнюдь не можетъ свидѣтельствовать о научномъ безпристрастіи писателя и, очевидно, способно породить подозрѣніе въ искусственности подобнаго подбора цитатъ. Въ этомъ отношеніи какъ трудъ г. Эзова, такъ и нѣкоторыя другія изслѣдованія безусловно грѣшатъ, если и не пристрастіемъ— потому что пристрастіе, составляя внутреннее побужденіе, не можетъ быть подвергнуто точному анализу,— то, во всякомъ случаѣ, односторонностью.

Что касается отзыва патріарха Исаіи о грузинахъ, то значеніе его также невѣрно освѣщено кн. Чавчавадзе. Г. Эзовъ этому отзыву предпосылаетъ слѣдующія строки:

„Вахтангъ (грузинскій царь), желая наказать жителей-сунитовъ, призвавшихъ лезгинъ, (во время похода въ Ганжу), разрѣшилъ своему войску сдѣлать нападеніе на мѣстное мусульманское населеніе, строго воспретивъ касаться христіанъ. Но воины, разсыпавшись по всѣмъ окрестнымъ мѣстностямъ до рѣки Тертеръ, произвели страшное опустошеніе, и награбленное возами отправляли въ свой лагерь; они грабили не только магометанъ, но и христіанъ. При приближеніи войска къ армянскимъ деревнямъ, населеніе обыкновенно выходило на встрѣчу съ духовенствомъ въ облаченіи, во главѣ, съ крестами и свѣчами, при звонѣ колоколовъ, но грузины накидывались на нихъ, грабили облаченіе, церковныя книги и утварь и все имущество; „такимъ образомъ, все уцѣлѣвшее отъ лезгиновъ, пишетъ патріархъ Исаія, уничтожила жадная, ненасытная и безжалостная нація Грузинская. Вотъ какая польза намъ была отъ прихода Вахтанга, *хотя онъ самъ человѣкъ добрый, благочестивый и христолюбивый*, (курсивъ нашъ) но Грузины, по свойственному имъ грубому и буйному праву, ему не повиновались“. (Сдѣлана ссылка на „Краткую исторію агванской страны“, Кандзасарскаго католикоса Исаіи. Іерусалимъ, 1868 г. см. Г. Эзовъ, стр. LIII).

Изъ этой выдержки видно, во 1-хъ, что патріархъ Исаія говоритъ о мородерствѣ грузинскихъ войскъ, которыя не повиновались своему царю и во 2-хъ, что на ряду съ такимъ фактомъ Исаія отдаетъ полную справедливость благороднымъ качествамъ грузинскаго царя Вахтанга. Объ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ, имѣющемъ, однако, весьма существенное значеніе для оцѣнки безпристрастія показаній Исаіи,—кн. Чавчавадзе ни единымъ словомъ не обмолвился, (стр. 66-67), и потому, приведя лишь первую часть цитируемой фразы, онъ обвиняетъ и патріарха Исаію, и г. Эзова въ желаніи односторонне оттѣнить одно дурное въ грузинской жизни. Если при этомъ вспомнить, что отъ мородерства ни одна армія, особенно въ прежнее время, не была свободна, а тѣмъ болѣе отъ него не могло быть свободна и армія Вахтанга, получившая разрѣшенія самого царя грабить мусульманское населеніе,—то жалоба патріарха на это мородерство грузинскаго войска потеряетъ всякое значеніе, какъ характеристика всего грузинскаго народа. Эти указанія патріарха Исаіи и г. Эзова кн. Чавчавадзе считаетъ тенденціознымъ измышленіемъ, направленнымъ къ той же цѣли унизить и опорочить грузинъ. Если бы разсказъ патріарха былъ бы правдивъ, то какимъ образомъ, спрашиваетъ кн. Чавчавадзе,—во 1-хъ, самъ патріархъ Исаія, по его же словамъ, „отдался подъ покровительствомъ грузинъ и цѣлыхъ четыре мѣсяца провелъ въ ихъ столицѣ“ и затѣмъ могъ писать монаху Минасу, что „грузины и армяне нынѣ всѣ въ единодушномъ единеніи пребываютъ“, что „Вахтангъ намѣревается итти снова съ

войсками своими къ Ганжѣ." Развѣ такъ радостно было, продолжаетъ далѣе кн. Чавчавадзе, ожидать вновь вторженія такого войска, которое въ первый разъ до-чиста ограбило и разорило армянъ и содрало шкуру съ его духовенства?" (Стр. 69). Во всѣхъ этихъ указаніяхъ кн. Чавчавадзе усматриваетъ противорѣчія, которыя не иначе могутъ быть объяснены, по его мнѣнію, какъ все тѣмъ же желаніемъ досадить и обругать грузинъ при каждомъ удобномъ поводѣ. Но дѣло въ томъ, что патріархъ Исаія писалъ, что онъ поѣхалъ въ Тифлисъ съ царемъ Вахтангомъ, котораго высокія качества онъ признаетъ. Нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что въ то время правительственной дезорганизаціи грузинскія войска могли грабить попутно армянское населеніе, вопреки чувствамъ самихъ грузинскихъ правителей. Какъ въ „Исторіи Агванской земли", такъ и въ письмахъ патріарха Исаіи и монаха Минаса всюду воздается хвала царю Вахтангу и вспоминается его имя съ благодарностью. Это отмѣчается самимъ г. Эзовымъ. „Вахтангъ любилъ армянъ", пишутъ его свидѣтели... „съ нами онъ обращается съ большою любовью"... „Вахтангъ человѣкъ добрый, благочестивый и христолюбивый". (Стр. LIII-LIV). Возможность факта мородерства не можетъ быть опровергнута слѣдующими словами того же патріарха Исаіи, что „грузинцы и армяне нынѣ всѣ въ единодушномъ соединеніи пребываютъ", такъ какъ вслѣдъ за тѣмъ говорится, что „эти народы надежды ни на кого, кромѣ Его Императорскаго Величества, не имѣютъ и его токмо избавленія ожидаютъ и нынѣ де армянъ въ готовности военныхъ людей съ 40.000, а впредь когда они увидятъ милость и обнадеживаніе Его Императорскаго Величества, то и еще можетъ ихъ собратца съ 40000 и что въ томъ же намѣреніи и грузинцы всѣ пребываютъ и единодушно съ ними ар-

мяне поступаютъ и ожидаютъ помощи и избавленіи Его Императорскаго Величества" (Г. Эзовъ, стр. LV).

Въ освѣщеніи кн. Чавчавадзе оказывается, что въ этомъ письмѣ „Исаія клянется Минасу, что теперь армяне и грузины-де души другъ въ другѣ не чаютъ и грузинскій народъ соединился душой и тѣломъ съ армянскимъ". (Стр. 69). Увы, какъ намъ ни отрадно было бы видѣть такія отношенія между грузинами и армянами—въ приведенномъ отрывкѣ изъ письма патріарха Исаіи—нельзя, къ сожалѣнію, усмотрѣть ничего иного, кромѣ простого соединенія на почвѣ военныхъ дѣйствій противъ общаго врага.

Несправедливо также было бы упрекать г. Эзова, будто бы онъ заставлялъ говорить хулителя грузинъ, хвалившаго же ихъ намѣренно заставилъ молчать. (Стр. 71). Хулителемъ, какъ мы видѣли, былъ патріархъ Исаія, хвалившимъ же—архіепископъ Минасъ Первазіанцъ. О чемъ же именно говорилъ этотъ послѣдній, что было утаено г. Эзовымъ? Архіепископъ писалъ монаху Минасу, что „Господь Богъ нынѣ послалъ намъ Вахтанга пастыремъ и господиномъ. Онъ покровительствовалъ намъ и защищалъ насъ, прогнавъ враговъ нашихъ, и, сплотивъ армянъ, оберегаетъ и лично заботится о насъ". Письмо это отъ 12 декабря 1722 г. напечатано въ разбираемомъ трудѣ г. Эзова. Слѣдовательно, говорить объ утайкѣ г. Эзовымъ этихъ строкъ въ то время, какъ самъ же г. Эзовъ ихъ опубликовалъ впервые, извлекши изъ нѣдръ забытыхъ архивовъ,—никоимъ образомъ нельзя. Вотъ если бы о существованіи письма архіепископа Минаса Первазіанца кн. Чавчавадзе узналъ изъ другого источника, а не отъ самого обличаемаго г. Эзова или-же оказалось бы, что изъ приведеннаго письма была исключена часть, говорящая въ пользу грузинъ,—тогда, конечно, г. Эзова можно было бы обвинять въ томъ, что онъ „хва-

лившаго ихъ намѣренно заставилъ молчать“. Этотъ хвалившій, дѣйствительно, долгіе годы молчалъ, покрытый столѣтнею пылью, и если заговорилъ и повѣдалъ міру о покровительствѣ, оказанномъ армянамъ Вахтангомъ, то этимъ онъ обязанъ ни кому иному, какъ тому же самому г. Эзову, впервые опубликовавшему это письмо.

Если же кн. Чавчавадзе недоволенъ, что въ текстѣ введенія г. Эзовымъ не приведены цитированныя выше слова архіепископа Первазіанца,—то мы всецѣло признали бы справедливымъ упрекъ кн. Чавчавадзе, что г. Эзовъ умолчалъ о такомъ важномъ обстоятельствѣ, опровергающемъ свидѣтельство патріарха Исаіи относительно разгрома, учиненнаго грузинскими войсками надъ армянскимъ населеніемъ, еслибъ въ дѣйствительности эта приписываемая Первазіанцу благодарность Вахтангу была выражена такъ, какъ ее передаетъ кн. Чавчавадзе и если бы и все послѣдующее содержаніе того же письма не умаляло бы совершенно значеніе покровительства, оказаннаго армянамъ Вахтангомъ и его войсками.

У г. Эзова напечатанъ какъ армянскій оригиналъ письма Первазіанца, такъ и русскій „бѣлой переводъ, отданный въ Кабинетъ Его Императорскаго Величества“. Если кн. Чавчавадзе было трудно прочесть армянскій оригиналъ, то, по крайней мѣрѣ, русскій оффиціально представленный переводъ долженъ былъ бы быть приведенъ въ точности. Но кн. Чавчавадзе и этотъ переводъ изложилъ „своими словами“ и снабдилъ черезчуръ распространительнымъ толкованіемъ и тѣмъ ввелъ прежде всего самого себя въ заблужденіе относительно истиннаго значенія похода Вахтанга въ Ганжу. Мало того, ограничившись цитатой одного небольшого мѣста, онъ совершенно не обратилъ вниманія на содержаніе остальной части того же письма. Отъ этого походъ Вах-

танга въ Ганжу въ глазахъ кн. Чавчавадзе получилъ значеніе какой-то особой святой войны, предпринятой Вахтангомъ во главѣ грузинскаго народа съ цѣлью освобожденія армянъ отъ мусульманскаго ига. Не удивительно послѣ этого, что кн. Чавчавадзе глубоко возмущенъ сообщеніемъ патріарха Исаіи о разгромѣ грузинскими войсками армянскаго населенія. Посмотримъ прежде всего, что въ дѣйствительности писалъ Первазіанцъ вардопету Минасу.

По русскому „бѣлому“ переводу Первазіанцъ пишетъ:

„А нынѣ Богъ простеръ сердца христіанскія и далъ намъ пастыря, принца грузинскаго Вахтанга, который отъ непріятеля началъ насъ охранять и очищать и достальные армянскіе народы собралъ и содержитъ въ своей власти и бережені“.

Въ армянскомъ оригиналѣ эти слава изложены такъ: *Եւ Ա՟Ծ զարթոյց ազգիս Քրիստոնէից զբարի հովիւն և զքաջայաղթ վալին Վրաստանու որ իւր խոհեմութեամբն և հանճարեղութեամբն, հաւաքեաց զմնացեալ և զցրուեալ ազգս հայոց, և՛ի տեղիս տեղիս ամրացոյց, և խնամարկեաց, և եդ պահապան յամենայն ուրեք՛ի վերայ նոցայ*,—что въ точномъ переводѣ означаетъ:

„И Богъ пробудилъ для насъ, христіанскаго народа, добраго пастыря и побѣдоноснаго вали Грузіи, который въ своей прозорливости и предусмотрительности собралъ остальное и разсѣянный армянскій народъ и укрѣпилъ ихъ въ разныхъ мѣстахъ и простеръ заботу и поставилъ хранителей надъ ними всюду“.

Кн. Чавчавадзе то же мѣсто письма Первазіанца приводитъ въ такомъ видѣ:

„Господь Богъ нынѣ послалъ намъ Вахтанга пастыремъ и господиномъ. Онъ покровительствовалъ

намъ и защищалъ насъ, прогнавъ враговъ нашихъ и, сплотивъ армянъ, оберегаетъ и лично заботится о насъ". (Курсивъ нашъ). (Стр. 70).

Причемъ и эти строки кн. Чавчавадзе комментируетъ такъ:

„Вахтангъ явился покровителемъ и защитникомъ ихъ (армянъ), избавилъ ихъ отъ враговъ, печется о нихъ и бережетъ ихъ". (Стр. 70).

Судя по армянскому оригиналу, Вахтангъ „простеръ заботу, собралъ разсѣянный армянскій народъ, укрѣпилъ ихъ и поставилъ надъ ними хранителей". Въ изложеніи же кн. Чавчавадзе Вахтангъ, оказывается, уже защитилъ армянъ и прогналъ враговъ. Послѣдующее содержаніе письма даетъ объясненіе, какимъ образомъ и насколько успѣшно выполнялъ Вахтангъ эту задачу, приписываемую ему кн. Чавчавадзе.

„Мы имѣли вѣдомость, пишетъ тотъ же Первазіанцъ, что Императорское Величество со многими войсками пришелъ на вспоможеніе христіанъ, для чего принцъ Вахтангъ приготовился съ братьями и сыновьями, и двумя патріархами и съ архіереями, и многими христіанами и съ дарами и ожидали такъ, яко—входа Христова въ Іерусалимъ съ ваiями, въ городѣ Ганжѣ съ два мѣсяца, а потомъ увѣдомились, что Императоръ возвратился назадъ и лезгинцы о томъ разгласили, о чемъ всѣ христіане зѣльно соболѣзнуютъ: яко разсѣянныя, съ плачемъ возвратилися по своимъ жилищамъ, а мы съ Вахтангомъ поѣхали въ Грузію". Объ этомъ событіи г. Эзовъ пишетъ такъ: „Вахтангъ съ войскомъ числомъ до 30 тысячъ, въ сопровожденіи патріарха Исаіи двинулся на лезгинъ; при приближеніи Вахтанга бунтовщики удалились". (Стр. LXII). Слѣдовательно, и г. Эзовъ не скрываетъ, что съ приходомъ Вахтанга во главѣ своего войска лезгины (грабившіе и разорявшіе армянское населеніе)—удалились и не утаиваетъ этой услуги, оказанной Вахтангомъ со своими войсками, армянскому населенію.

Далѣе архіепископъ Первазіанцъ продолжаетъ:

Узнавъ о пріѣздѣ въ Грузію пословъ отъ Императора, „народы поганскіе разгласили, что мы стали уже подъ рукою и въ подданствѣ Императора Россійскаго и что будемъ магометановъ побивать, отчего они, магометане, стали намъ отчасти злобствовать и такъ къ Вахтангу, какъ къ нашему бѣдному народу свирѣпы, отчего мы стали нынѣ между турками, персіанами и лезгинцами яко ветхой на морѣ корабль и не имѣемъ иной надежды, какъ токмо на Бога и на Императорское Величество, я тебя, брата, усердно прошу для Бога и христіанства: старайся, чтобы Императорскія войска въ Шемаху поспѣшили и чтобы имя его тамъ провозгласилось, и какъ мы о томъ скоро увѣдаемъ, то со сто тысячью нашего армянскаго народа къ стопамъ Его Величества привергнемся и съ вооруженіемъ готовы будемъ, а ежели до марта мѣсяца не будутъ, то наши народы отъ непріятелей всѣ разорятся и также труды Его Величества и мы всѣ тутъ пропадемъ; однако, нашъ принцъ Вахтангъ и всѣ будемъ стоять твердо и до послѣдней капли крови съ братьями и съ дѣтьми и со всѣми духовными особами, дабы намъ пребыть подъ началомъ Императорскаго Величества; и будемъ ждать вышеписаннаго Императорскаго войска до праздника Святой Пасхи, и по крайней мѣрѣ, что бы намъ ни было, терпѣть будемъ, а ты старайся, чтобы какъ наискорѣе Императорскія войска въ Шемаху поспѣшали, а мы уже будемъ съ непріятелями управляться. Дай Боже, чтобъ счастливо для нашего вспоможенія какъ наискорѣе въ означенное мѣсто прибыли, и ежели Императорскаго Величества войска тысячъ 20

или 30 въ Шемаху не будутъ, то мы, конечно, разоримся и пропадемъ и все наше дѣло бездѣйствительно и не въ состояніи будетъ для того, что ежели турки подымутся и Эривань возьмутъ, то въ то время превеликая будетъ трудность и персіане зѣло усилятся, а мы всѣ пропадемъ". (Стр. 339, 340. Г. Эзовъ. „Сношенія Петра Великаго".

По кн. Чавчавадзе, армяне были обязаны Вахтангу защитой и избавленіемъ отъ враговъ. По Первазіанцу— онъ только лишь собралъ разсѣянный армянскій народъ съ этою благою цѣлью, которую, однако, выполнить не смогъ, такъ какъ, судя по послѣдующимъ строкамъ того же письма, оставилъ Ганжу и вернулся въ Тифлисъ, узнавъ, что русскія войска не придутъ въ Закавказье. Если принять толкованіе кн. Чавчавадзе, тогда, конечно, разсказъ патріарха Исаіи о мородерствѣ грузинскаго войска не вяжется съ содержаніемъ письма Первазіанца. Но если вникнуть въ истинный смыслъ письма Первазіанца, то такое мородерство ничего невѣроятнаго само по себѣ не представитъ, такъ какъ Вахтангъ при самомъ сильномъ его расположеніи къ армянамъ, не отрицаемомъ ни патріархомъ Исаіемъ, ни г. Эзовымъ, и при стремленіи его сплотить самихъ армянъ для борьбы съ врагами,—могъ быть и не въ силахъ удержать отъ мородерства свои войска, которымъ самъ же онъ далъ право грабить мусульманское населеніе. Такое непослушаніе войскъ Вахтангу дѣлается особенно вѣроятнымъ еще въ виду сообщеній историковъ о поспѣшномъ возвращеніи Вахтанга изъ Ганжи, вызванномъ извѣстіемъ изъ Тифлиса, что тамъ ему угрожаетъ опасность со стороны хана кахетинскаго и враждебныхъ ему князей грузинскихъ (стр. LV г. Эзова, „Сношенія" и т. д.), а также и о послѣдующемъ бѣгствѣ Вахтанга въ Россію, гдѣ

онъ самъ вмѣстѣ съ сыномъ искалъ убѣжища (тамъ же, стр. LVI).

Въ силу всего изложеннаго, думаемъ, легко понять, что покровительство, оказанное Вахтангомъ не могло имѣть серьезнаго значенія, разъ положеніе армянскаго народа оставалось столь печальнымъ и, надо думать, именно поэтому походъ Вахтанга въ Ганжу не былъ истолкованъ г. Эзовымъ какъ покровительство, защита, избавленіе армянъ отъ враговъ и попеченіе и береженіе, оказанное армянскому народу Вахтангомъ при помощи и содѣйствіи своего народа. Если же кн. Чавчавадзе придалъ этому походу такое важное значеніе, то мы думаемъ потому лишь, что былъ введенъ въ заблужденіе неточнымъ русскимъ переводомъ письма Первазіанца, вдобавокъ еще болѣе искаженнымъ самимъ кн. Чавчавадзе и невѣрно имъ комментированнымъ. Г. Эзовъ, вѣроятно, читавшій письмо Первазіанца въ армянскомъ оригиналѣ, очевидно, долженъ былъ обратить свое главное вниманіе на бѣдственное положеніе армянъ, составляющее почти исключительное содержаніе письма, а не на тѣ нѣсколько строкъ, гдѣ говорится о приходѣ Вахтанга съ войскомъ въ Ганжу. Еслибъ этотъ фактъ имѣлъ такое важное значеніе въ судьбѣ армянъ, что армяне были защищены и спасены, то неужели архіепископъ Первазіанцъ, этотъ, по мнѣнію кн. Чавчавадзе, достовѣрный свидѣтель, не счелъ бы обязаннымъ повѣдать объ этомъ крайне важномъ событіи нѣсколько подробнѣе вардопету Минасу? И, наконецъ, какая была бы въ этомъ случаѣ необходимость ждать помощи извнѣ, если-бъ Вахтангъ успѣшно выполнилъ свою задачу? Поэтому если и г. Эзовъ ограничился замѣчаніемъ, что съ приходомъ Вахтанга въ Ганжу лезгины удалились, то врядъ-ли о значеніи этого похода Вахтанга можно было бы сказать что нибудь большее.

Но почему, спрашиваетъ кн. Чавчавадзе, архіепископъ Первазіанцъ, бывшій при Вахтангѣ, ничего не говорилъ въ своемъ письмѣ о такомъ возмутительномъ фактѣ, какъ грабежъ армянъ грузинскими войсками. Мы полагаемъ, что умолчаніе объ этомъ легко объясняется тѣмъ, что письмо Первазіанца адресовано было въ Петербургѣ, вардопету Минасу, который въ то время хлопоталъ тамъ о присылкѣ войскъ въ Закавказье. Письмо это, должно было, имѣть оффиціальное значеніе и какъ документъ представлено было въ Императорскій Кабинетъ. По самому своему назначенію оно, очевидно, не могло содержать разсказа о мородерствѣ грузинскихъ войскъ, въ особенности въ виду того, что въ то самое время представители обѣихъ націй соединили свои усилія къ выполненію общихъ политическихъ задачъ. Въ такія минуты, конечно, не мѣсто было сводить свои личные счеты. Могъ-ли г. Эзовъ при такихъ условіяхъ отнестись отрицательно къ сообщенію патріарха Исаіи? Мы не думаемъ, тѣмъ болѣе, что даже въ позднѣйшее время, какъ сообщаетъ Бутковъ (см. стр. 181—182. „Матеріалы для исторіи Кавказа") на основаніи оффиціальныхъ документовъ, грузинскія войска, за полною неустроенностью интендантской части, даже „въ своей землѣ гдѣ ни стояли—оставляли опустошенія".

Такимъ образомъ, сообщеніе патріарха Исаіи, неопровергаемое никакими прямыми указаніями—не находится также и въ противорѣчіи съ другими историческими обстоятельствами, относящимися къ тому же времени.

Второй неблагопріятный отзывъ о грузинахъ приведенъ Эзовымъ, по словамъ кн. Чавчавадзе, со словъ Тотлебена и этотъ отзывъ также, по его мнѣнію, напечатанъ „дабы вновь обдать грязью грузинъ". Князю Чавчавадзе кажется, что какъ отзывъ патріарха Исаіи,

такъ и слова Тотлебена понадобились Эзову—очевидно, „для того, что, пожалуй, судьба не удостоитъ его другой разъ такого случая лягнуть любимыхъ имъ братьевъ-грузинъ. Какъ же не соблазниться и упустить такой счастливый случай совершить завѣтный для армянъ подвигъ? Если все это не такъ, то какой же причиной и логикой можно объяснить еще другое странное обстоятельство, что г. Эзовъ въ книгѣ, озаглавленной имъ: „Сношенія Петра Великаго съ армянскимъ народомъ" задѣваетъ и царя Ираклія, и повѣствуетъ о дѣяніяхъ гр. Тотлебена? Что тутъ общаго?.. Для чего онъ вклеилъ личность временъ Екатерины Великой въ сочиненіе „О сношеніяхъ Петра Великаго съ армянскимъ народомъ?" По мнѣнію кн. Чавчавадзе, это объясняется все тѣмъ же, что „для г. Эзова грузинъ служитъ лишь мишенью, такъ какъ же ему утерпѣть, чтобы не забросать его комками грязи. При этой цѣли Тотлебенъ—пріятная и подходящая для г. Эзова личность, и самое упоминаніе объ Иракліи даетъ ему случай недостойно отозваться и объ этомъ знаменитомъ нашемъ царѣ". (72).

„Вотъ что пишетъ Тотлебенъ о грузинахъ, повѣствуетъ намъ г. Эзовъ, (приводится отзывъ о грузинахъ, который мы опускаемъ). Г. Эзову только этого и хотѣлось, а иначе повторяемъ, во 1-хъ, къ чему годно это свидѣтельство Тотлебена, когда рѣчь идетъ о сношеніяхъ Петра Великаго съ армянскимъ народомъ и во 2-хъ, что за достойный довѣрія человѣкъ Тотлебенъ, чтобы довѣриться безъ провѣрки и разслѣдованія его свидѣтельству?!. Всякій другой порядочный человѣкъ не только счелъ бы недостойнымъ себя ссылаться на такого свидѣтеля, но даже не позволилъ бы себѣ соприкасаться съ нимъ изъ опасенія запачкаться (курсивъ нашъ).

(Стр. 75). По словамъ кн. Чавчавадзе, Тотлебенъ былъ „по русскимъ оффиціальнымъ документамъ—мерзѣйшій, безсовѣстный человѣкъ, взяточникъ, грабитель, измѣнникъ, лжецъ и доносчикъ“. (Стр. 74).

Мы должны замѣтить, что въ данномъ случаѣ кн. Чавчавадзе попалъ, что называется, впросакъ. Въ дѣйствительности у г. Эзова на стр. XC, указываемой кн. Чавчавадзе къ тому мѣсту, гдѣ говорится объ отозваніи Тотлебена и о назначеніи на его мѣсто ген.-м. Сухотина, сдѣлано подстрочное примѣчаніе слѣдующаго содержанія: „Грам. и др. источ. документы XVIII стол., относящіеся къ Грузіи. Грамота Императрицы Ираклію отъ 13 января 1771 г. стр. 262. Въ инструкціи, данной ген.-м. Сухотину отъ 13 января 1771 г. было повторено п. I, что „не ищется присовокупить грузинскихъ земель, какъ отдаленныхъ и совсѣмъ не подручныхъ къ нашей Имперіи“, и рекомендовалось обращаться съ грузинскими владѣтелями и со всѣми тамошними людьми съ осторожностью, въ виду того, что по доставленнымъ гр. Тотлебеномъ свѣдѣніямъ, они... и далѣе идетъ возмутившій кн. Чавчавадзе отзывъ о грузинахъ, приводимый на стр. 74. (п. 4). „Не можно, кажется, сказано было въ инструкціи, отъ грузинцевъ самымъ ихъ порабощеніемъ малодушными учинившихся, требовать храбрости и послушанія“ (п. 2). Тамъ же, стр. 469.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что на свидѣтельство Тотлебена ссылается само русское правительство въ своей инструкціи Сухотину, а вторая часть приписаннаго гр. Тотлебену отзыва и вовсе не принадлежитъ Тотлебену, а составляетъ выраженіе все той же самой правительственной инструкціи.

Кн. Чавчавадзе на стр. 77, между прочимъ, указываетъ, что г. Эзовъ, опрометчиво отдавшись своей страсти, позволилъ себѣ необдуманно посягнуть на правильность титула Императора Всероссійскаго и не считалъ, якобы, Грузію царствомъ, между тѣмъ, какъ „еслибъ Грузія не была царствомъ, если бы владѣтели ея не именовались царями, то въ полномъ титулѣ Императора Всероссійскаго не было бы, между прочимъ, титула „Царь Грузинскій“. Еслибъ онъ (Эзовъ) хоть немного вникнулъ въ смыслъ словъ своихъ, то затрепеталъ бы отъ страха, говоря: „Въ какую бѣду ввергъ меня языкъ мой“. Но пусть не трепещетъ, и отъ этихъ нашихъ словъ, снисходительно добавляетъ кн. Чавчавадзе:—въ русскихъ законахъ есть много поводовъ для снисхожденія къ поступкамъ маньяка“. (Стр 77). Чтобы показать кн. Чавчавадзе, насколько такой пріемъ полемики рискованъ, чтобы не сказать неблаговиденъ, мы невольно должны высказать радость по поводу приведеннаго успокоительнаго разъясненія кн. Чавчавадзе, и вынуждены указать, что на такую благодѣтельную снисходительность русскихъ законовъ къ маньякамъ, повидимому, и самъ кн. Чавчавадзе сильно разсчитываетъ, заявляя, что всякій порядочный человѣкъ не только счелъ бы недостойнымъ себя ссылаться на такого свидѣтеля, какъ Тотлебенъ, но даже не позволилъ бы себѣ соприкасаться съ нимъ изъ опасенія „запачкаться“,—и это въ то самое время, когда именно на это свидѣтельство ссылалось русское правительство въ инструкціи генералу Сухотину.

Но, конечно, и кн. Чавчавадзе нѣтъ повода „трепетать отъ этихъ нашихъ словъ“. Опрометчивое увлеченіе страстью всегда простительно.

На вопросъ кн. Чавчавадзе, зачѣмъ г. Эзовъ приплелъ личность временъ Екатерины Великой въ сочиненіе „О сношеніяхъ Петра Великаго съ армянскимъ народомъ“, мы можемъ отвѣтить заглавіемъ самой книги

и введенія къ этой книгѣ. Книга озаглавлена: „Сношеніе Петра Великаго съ армянскимъ народомъ“. Документы, извлеченные изъ Московскаго и др. архивовъ и другихъ учрежденій. Этимъ документамъ предпослано введеніе подъ такимъ заглавіемъ: „Историческій обзоръ отношеній русскаго правительства къ армянскому народу“. Въ этомъ обзорѣ разсмотрѣніе событій доведено почти до нашего времени. Зачѣмъ было автору предпринимать такой трудъ, какъ обозрѣніе событій отъ Петра Великаго до нашего времени, это, конечно, дѣло его личное. Но что въ такомъ обзорѣ умѣстно было касаться событій и фактовъ временъ Екатерины Великой,—это само собой понятно. Понятно также, почему, говоря объ отношеніяхъ правительства къ армянамъ, невозможно было не коснуться и положенія Грузіи, и отношеній того же правительства къ грузинскому народу, разъ жизнь этихъ народностей такъ тѣсно соприкасалась и переплеталась между собой. Упреки въ этомъ отношеніи для насъ непонятны. Можно говорить о пристрастіи г. Эзова, о неправильномъ освѣщеніи фактовъ,—словомъ, все, что угодно о его книгѣ—въ смыслѣ критики содержанія, но приставать къ нему съ инквизиторскими вопросами, зачѣмъ онъ коснулся событій грузинской жизни,—это значитъ не отдавать себѣ отчета, въ какихъ предѣлахъ умѣстна и полезна критика.

Мы не будемъ за симъ касаться вопроса о томъ, чѣмъ была Грузія во времена персидскаго владычества—самостоятельнымъ ли царствомъ или подвластною Персіи провинціей и были ли въ то время правители этихъ провинцій царями или нѣтъ,—такъ какъ этотъ вопросъ можетъ подлежать разсмотрѣнію лишь на основаніи документовъ, чего, повидимому, старательно избѣгаетъ кн. Чавчавадзе, предпочитая пользоваться лишь различными

болѣе или менѣе остроумными полемическими пріемами и уловками, направленными къ одной цѣли поймать г. Эзова на противорѣчіяхъ. (См. стр. 75—77).

Въ тоже время не можемъ обойти молчаніемъ стремленія кн. Чавчавадзе уличить г. Эзова въ желаніи доказать, что чуть ли не армянскій архіепископъ Іосифъ Аргутинскій Долгоруковъ предалъ Россіи Грузію. „Эта завѣтная мысль г. Эзова такъ хитро кружится на трехъ-четырехъ страницахъ около этого факта, такъ искусно проводится между строками, что вы неожиданно натыкаетесь на выводъ, что не будь упомянутаго архіепископа—Грузія не поступила бы подъ покровительство Россіи. Г. Эзовъ, между прочимъ, увѣряетъ, что „архіепископъ Іосифъ проявлялъ большую энергію: онъ воздерживалъ царя Ираклія, обнаружившаго готовность подчиниться Ага-Магометъ-хану, обнадеживая его русскою помощью, уговаривалъ хановъ содѣйствовать русскимъ войскамъ, присягою удостовѣряя ихъ, что не будетъ имъ никакихъ обидъ со стороны россійской“. Словомъ, восклицаетъ кн. Чавчавадзе, все что ни дѣлалось въ этомъ смыслѣ, было дѣломъ рукъ одного лишь архіепископа Іосифа Аргутинскаго. (Стр. 78). Хотя такое заключеніе кн. Чавчавадзе вовсе и не вытекаетъ изъ цитируемыхъ строкъ, такъ какъ г. Эзовъ нигдѣ не говоритъ вовсе, что „все“ въ этомъ отношеніи дѣлалось однимъ архіепископомъ Іосифомъ Аргутинскимъ, но даже еслибы и можно бы было вывести подобное заключеніе изъ приведенныхъ словъ г.Эзова,—надлежало освѣдомить читателя, на чемъ г. Эзовъ основалъ такое заключеніе о дѣятельности упомянутаго архіепископа. Сдѣлать такое разъясняющее указаніе было тѣмъ легче, что самъ г. Эзовъ приводитъ на этотъ счетъ точнѣйшія указанія, а именно онъ ссылается: 1) на стр. 145—147, Т. III соч. Н. Дубровина „Исторія войны и вла-

дычества русскихъ на Кавказѣ“, и 2) письма главнокомандующихъ русскими арміями Римскаго-Корсакова и гр. Зубова, приводимыя на стр. 339, 340 и 341 Т. III „Собранія актовъ, относящихся къ обозрѣнію исторіи армянскаго народа“.

Еслибъ кн. Чавчавадзе не ограничилъ бы своей критики однимъ ироническимъ восклицаніемъ и провѣрилъ бы по ссылкамъ все, что написано у г. Эзова о дѣятельности архіепископа Іосифа Аргутинскаго Долгорукова, то онъ прежде всего убѣдился, что факты, приводимые г. Эзовымъ относительно дѣятельности архіепископа Іосифа, заимствованы имъ изъ оффиціальныхъ документовъ и изъ названной выше книги Н. Дубровина и что г. Эзову принадлежитъ лишь начало фразы: „Архіепископъ Іосифъ между тѣмъ проявлялъ большую энергію“. Но спрашивается, какъ же иначе можно было охарактеризовать эту дѣятельность, если факты, сообщаемые историками объ этой дѣятельности, вполнѣ достовѣрны? Развѣ эта дѣятельность не была энергичною? И гдѣ тутъ поводъ строить догадку, будто г. Эзовъ стремится доказать, что Грузію передалъ Россіи чуть ли не армянскій архіепископъ Іосифъ Аргутинскій Долгоруковъ и что не будь упомянутаго архіепископа, Грузія не поступила бы подъ покровительство Россіи (стр. 78). Г. Эзовъ не только не приписываетъ архіепископу Іосифу такой заслуги, но содержаніемъ всего введенія къ своему труду доказываетъ, насколько присоединеніе Грузіи явилось неизбѣжнымъ слѣдствіемъ историческихъ событій, въ ходѣ которыхъ отдѣльныя, даже самыя даровитыя личности, конечно, не могли играть рѣшающей роли.

Въ заключеніе своей критики труда г. Эзова кн. Чавчавадзе открываетъ таинственную загадку, почему г. Эзовъ акъ громко трубитъ о величіи армянъ, грузинъ же обдаетъ грязью. Разгадать эту загадку помогъ кн. Чавчавадзе грузинскій журналъ „Моамбе“, указавъ на затаенную мысль г. Эзова доказать, что „Грузія-де не Грузія, а древняя Арменія“. (Стр. 80). Къ такому выводу „Моамбе“ и кн. Чавчавадзе пришли по слѣдующему поводу. У г. Эзова на стр. CXIII приведено извлеченіе изъ рапорта Лазарева Кноррингу, въ которомъ достойными награды оказываются только армяне, а о грузинскихъ дворянахъ даны отзывы, что при дворѣ никто изъ нихъ не можетъ служить, что они не получили никакого образованія и что трудно различить здѣшняго царевича отъ простого мужика. Въ примѣчаніи сдѣлана ссылка на Актъ Археографической Комиссіи. (Т. I, № 529—532). Между тѣмъ на этихъ страницахъ „Актовъ“ такого рапорта Лазарева не находится. Этого, оказывается, достаточно, чтобы торжествующимъ образомъ восклицать „о развязности и разнузданности“ г. Эзова и о примѣненіи имъ „недостойнаго и грязнаго оружія съ цѣлью трубить о величіи армянъ и грузинъ же обдавать грязью“. (Стр. 81). Къ приведенному факту журналъ „Моамбе“ добавляетъ еще другой—яко бы, измышленія г. Эзова — несуществующаго церемоніала объявленія въ армянскомъ соборѣ манифеста о присоединеніи Грузіи.

По поводу этихъ двухъ обвиненій г. Эзовъ въ своемъ „Письмѣ въ редакцію“ газеты „Тифлисскій Листокъ“ № 83, 1899 года даетъ слѣдующія объясненія.

„1) Въ рапортѣ генерала Лазарева генералъ-лейтенанту Кноррингу („Акты“, т. I, № 528), между прочимъ, сказано: „Какая же при сей публикаціи со стороны армянскаго патріарха Іосифа сдѣлана церемонія, оной описаніе, присланное ко мнѣ отъ его святѣйшества, представить честь имѣю“. Патріархъ Іосифъ въ то же время писалъ генералъ-лейтенанту Кноррингу,

между прочимъ, и объ обнародованіи манифеста въ армянскомъ соборѣ: „а съ какою церемоніею былъ объявленъ оный манифестъ, о томъ будетъ вамъ донесено подробно въ письмѣ ген. Лазарева, и вы, конечно, отправьте въ надлежащее мѣсто“. („Акты“ т. I, № 530). Генералъ-лейтенантъ Кноррингъ исполнилъ желаніе архіепастыря и отправилъ церемоніалъ въ Петербургъ, гдѣ онъ и хранится въ дѣлахъ мин. ин. дѣлъ. Изъ этого церемоніала я въ своей книгѣ и привожу выписки. Хотя двукратное упоминаніе въ „Актахъ“ о церемоніалѣ и приведенныя мною въ ковычкахъ извлеченія изъ него не могли оставить сомнѣнія въ его существованіи, но мой рецензентъ не только сомнѣвается, но и утверждаетъ, что я „фальсифицировалъ исторію“; для сего онъ воспользовался тѣмъ, что цитата „тамъ же, т. I, № 530“ (стр. CXI введенія) должна быть приведена не послѣ той цитаты, подъ которой она ошибочно поставлена, („Акты“ т. I, № 530), а послѣ предыдущей цитаты — „Государственный архивъ III, № 23, 1780—1801“. Для полнаго уличенія моего рецензента въ клеветѣ, я посылаю въ редакцію „Тифлисскаго Листка“ копію съ церемоніала съ просьбою напечатать, такъ какъ онъ не лишенъ и теперь интереса“ [1]).

„2) Что касается рапорта генералъ-маіора Лазарева, въ измышленіи котораго меня обвиняетъ рецензентъ, то въ существованіи этого рапорта и въ томъ, что я привелъ его дословно, рецензентъ можетъ убѣдиться, если раскроетъ III т. „Исторіи войны и владычества русскихъ на Кавказѣ“ академика Н. Дубровина, гдѣ на стр. 360 пропечатанъ этотъ рапортъ, извлеченный изъ тифлисскаго архива канцеляріи намѣстника.

Провѣривъ это указаніе г. Эзова мы, дѣйствительно,

[1]) Церемоніалъ этотъ напечатанъ въ томъ же номерѣ „Тифл. Листка“ въ „Иллюстр. прибавленіи“.

на стр. 360 т. III соч. Н. Дубровина нашли цитируемый имъ рапортъ Лазарева. Слѣдовательно, г. Эзовъ не выдумалъ этого рапорта, а онъ существуетъ.

Остается разсмотрѣть содержаніе этого рапорта; въ немъ двѣ части. Въ первой говорится, что „болѣе всѣхъ заслуживаютъ награжденія крестами князья И. Тумановъ, Д. Бебутовъ, и С. Аргутинскій-Долгоруковъ“. Въ немъ не говорится, что исключительно только эти князья заслуживаютъ награжденія, другіе же вовсе не заслуживаютъ этихъ наградъ, а только что эти князья заслуживаютъ болѣе всѣхъ. Развѣ изъ этого можно заключить, что никто больше, кромѣ этихъ трехъ князей, не заслуживалъ награды?

Во второй части рапорта говорится, что „всѣ здѣшніе дворяне нисколько не лучше нашихъ однодворцевъ, кого же сдѣлать графами и баронами. Къ этому надо еще прибавить, что въ нѣкоторыхъ семействахъ одинъ изъ братьевъ преданъ намъ, а другой находится въ числѣ мятежниковъ. При дворѣ никто изъ нихъ не можетъ служить, потому что всѣ они не получили никакого образованія, трудно различить здѣшняго царевича отъ простого мужика. (Idem. стр. CXII). Изъ этого видно, что нелестная аттестація Лазарева относится ко всѣмъ дворянамъ безъ всякихъ изъятій, а не только къ грузинамъ, а слѣдовательно къ армянскимъ княжескимъ фамиліямъ, что, конечно, совершенно правильно, такъ какъ эти фамиліи, живя въ Грузіи въ равныхъ съ грузинскимъ дворянствомъ условіяхъ, врядъ ли могли чѣмъ либо отличаться отъ этихъ послѣднихъ. Такимъ образомъ, рапортъ Лазарева оказывается нелестнымъ, не только вообще для всего дворянства, но и для тѣхъ армянъ, которые болѣе другихъ заслуживали награжденія крестами, такъ какъ по рапорту рѣшительно никто не признавался достойнымъ

служить при дворѣ и быть награжденнымъ титуломъ графа или барона. Если же, забывая эту суровую аттестацію всего дворянства, придавать важное значеніе тому обстоятельству, что по рапорту Лазарева трое армянъ-князей оказались болѣе всѣхъ достойными награжденія крестами, то вѣдь и это лестное отличіе относилось только къ троимъ армянамъ.

А такъ какъ въ Грузіи были не только три армянскихъ князя, а гораздо больше, то, слѣдовательно, если и можно говорить о пристрастіи г. Эзова, то только лишь по отношенію къ этимъ тремъ лицамъ, а не ко всѣмъ армянскимъ князьямъ и дворянамъ, такъ какъ Лазаревъ говоритъ что эти трое армянъ оказались болѣе всѣхъ достойными награжденія крестами, а слѣдовательно и болѣе всѣхъ прочихъ армянъ-дворянъ и князей. Но, конечно, важнѣе всего обратить вниманіе на вторую часть рапорта Лазарева, гдѣ говорится много нелестнаго объ уровнѣ развитія „всѣхъ здѣшнихъ дворянъ“, а не только всѣхъ „грузинскихъ дворянъ“. Подъ здѣшними, т. е. жившими въ Грузіи, дворянами, очевидно, надо понимать дворянъ не только грузинскихъ, но и армянъ. Если бы кн. Чавчавадзе спокойнѣе вдумался въ рапортъ, то въ сущности онъ ничего лестнаго для армянскаго дворянства въ немъ не вычиталъ и не сталъ бы опровергать этотъ рапортъ тѣмъ, что тотъ же Лазаревъ въ одномъ изъ слѣдующихъ рапортовъ представилъ къ наградамъ многихъ грузинъ, какъ будто г. Эзовъ, приводя первый рапортъ, добивался этимъ доказать, что ни одинъ изъ грузинъ не былъ достоенъ награжденія крестами. Очевидно, для историка важно было цитировать первый рапортъ Лазарева для характеристики уровня развитія вообще всего дворянства того времени, а не для рѣшенія вопроса, былъ ли кто-нибудь изъ дворянъ достоенъ награжденія какими либо орденами или крестами.

Такимъ образомъ, тщательное разсмотрѣніе содержащихся въ трудѣ г. Эзова замѣчаній о Грузіи и грузинахъ приводитъ насъ къ заключенію, что г. Эзовъ по документамъ и историческимъ сочиненіямъ серьезныхъ авторовъ излагалъ ходъ интересовавшихъ его событій и описывалъ положеніе Грузіи, и кн. Чавчавадзе не привелъ рѣшительно ни одного факта, который могъ бы свидѣтельствовать о недобросовѣстномъ отношеніи автора къ своей задачѣ, объ искаженіи, фальсификаціи имъ исторіи или о неправильномъ ея освѣщеніи; что единственно, быть можетъ, въ одномъ можно упрекнуть г. Эзова, что онъ привелъ текстуально дурной отзывъ о грузинахъ Шардена, для характеристики развращающаго вліянія персидскаго режима, и цитировалъ инструкцію русскаго правительства Сухотину, наряду съ благопріятными отзывами Тавернье, Шардена и др. объ армянахъ. Но развѣ только этого одного достаточно, чтобы печатное слово дѣлать орудіемъ неприличнаго издѣвательства надъ личностью и обвинять автора въ „подломъ обманѣ“?!

И развѣ не естественно въ такомъ случаѣ спросить, какъ же назвать дѣятельность тѣхъ, кто желали бы набросить покровъ идеализаціи на прошлое своего народа; тѣхъ, кто потворствуя развращающему и невѣжественному самообольщенію, не говорятъ своему народу всей правды и изъ близорукаго расчета поддерживаютъ въ немъ фантастическое представленіе о его прошломъ?...

12. Заключеніе.

Резюмируя всѣ свои выводы, кн. Чавчавадзе приходитъ къ заключенію, что отъ г. Сенковскаго до В.

Гольмстрема въ продолженіи 60-ти лѣтняго періода армянскіе книжники добиваются систематически одной цѣли показать всему свѣту, что лучше, устойчивѣе, способнѣе армянъ никого нѣтъ въ Малой Азіи, въ особенности въ Закавказьѣ; что для такой цѣли армянскіе книжники рѣшились „скрутить" грузинъ, оскандалить ихъ имя, чтобы отъ нихъ и слѣда не осталось, опорочить ихъ исторію, присвоить ее себѣ, лишить ихъ территоріи и увѣрить свѣтъ, что грузины на пути къ вырожденію и что не сегодня—завтра они поголовно вымрутъ и обармянятся". (Стр. 121).

Внимательно прослѣдивъ собранные нами матеріалы, мы не нашли въ нихъ ни малѣйшаго подтвержденія подобныхъ обвиненій. Очевидно, вздорныя корреспонденціи француза Кутули и цитаты изъ Шардена, изъ инструкціи генералу Сухотину и изъ исторіи патріарха Исаіи о мородерствѣ грузинскихъ войскъ не могли бы служить столь обширной цѣли, какъ совершенное стираніе съ лица земли грузинъ и ихъ обращеніе въ армянъ. Равнымъ образомъ, слишкомъ микроскопическимъ оружіемъ явились бы для такой грандіозной задачи—искаженіе одной клинообразной надписи, приписываемое о. Месропу, яко-бы, присвоеніе артвинскаго храма армянами или критика „Древней Грузинской Хроники" проф. Патканова. А ужъ статья В. Гольмстрема, возбуждающая симпатіи во имя гуманности къ армянскому народу или цитаты, изъ Моисея Хоренскаго (Эмина, Худабашева и Эрицева) или даже самая ужасная вещь—печальная повѣсть о послѣднихъ дняхъ Грузинскаго Царства—и того меньше могли бы служить столь разрушительнымъ цѣлямъ. Пожалуй, одного только г. Сенковскаго еще можно было бы обвинить въ желаніи передать г. Тифлисъ армянамъ и изгнать грузинъ изъ ближайшихъ къ нему предѣловъ Но и г. Сенковскій, увы, говоритъ о

Грузіи XII столѣтія, а не о Грузіи всѣхъ послѣдующихъ вѣковъ. Или, быть можетъ, наконецъ, пр. Марръ, повторивши слова Шота Руставели о заимствованности сюжета „Барсовой Кожи",—желалъ въ угоду армянамъ упразднить Грузію и обратить грузинъ въ рабовъ армянъ? Но мы тщетно вопрошали бы всѣхъ поименованныхъ авторовъ и тщетно искали бы во всемъ ими написанномъ отвѣта на интересующіе насъ вопросы. Ни одинъ изъ авторовъ, ни одно изъ написанныхъ ими сочиненій не можетъ быть признано причастнымъ къ тому грандіозному разрушительному дѣлу, въ которомъ кн. Чавчавадзе обвиняетъ всю армянскую интеллигенцію.

Между тѣмъ, брошюра кн. Чавчавадзе даетъ полное основаніе къ совершенно иному заключенію, а именно, что не армяне позорятъ имя грузинъ, а, наоборотъ, кн. Чавчавадзе рѣшительно все сдѣлалъ, чтобы окончательно обезславить всю армянскую интеллигенцію. Но, конечно, мы не претендуемъ на полное свое безпристрастіе, какъ „сторона заинтересованная" и потому предоставляемъ въ этомъ отношеніи высказаться тому, кто по своему положенію, происхожденію и по характеру своихъ работъ,—могъ бы претендовать на компетентность и безпристрастіе въ большей степени, чѣмъ мы и чѣмъ кн. Чавчавадзе. Мы говоримъ о проф. Маррѣ.

Въ своей „Отповѣди Акакію", котораго преимущественно лишь повторяетъ кн. Чавчавадзе,—этотъ ученый профессоръ пишетъ: „Мы положительно можемъ утверждать, что ни одинъ серьезный армянскій писатель не позволитъ себѣ написать о грузинахъ столько дикихъ вещей, сколько высказано объ армянахъ въ статьѣ Акакія, грузинскаго писателя, безспорно первой величины"... (Стр. 566 Брош. Пом. изд. 2-е).

„Тринадцать лѣтъ мы читаемъ по-армянски, вотъ уже 10 лѣтъ, какъ изучаемъ армянскихъ авторовъ въ

качествѣ спеціалиста, но ни у одного армянскаго историка, ни у одного армянскаго писателя мы не встрѣчали ни одного мѣста, гдѣ самобытность грузинъ подверглась бы такому крайнему сомнѣнію или осмѣянію. Напротивъ того, не будь армянскихъ авторовъ, значительная часть грузинскаго прошлаго на вѣки осталась бы покрытою непроницаемымъ мракомъ. О достоинствахъ грузинскихъ царей, о подвигахъ грузинскихъ князей говорится не только въ армянскихъ историкахъ, но въ записяхъ и приписахъ армянскихъ рукописей *). Этотъ фактъ въ наукѣ давно признанный, и если онъ въ современномъ грузинскомъ обществѣ не оцѣненъ по достоинству, то вина этому не скудость или непригодность армянскихъ матеріаловъ для грузинской исторіи, а незнакомство грузинъ съ древне-армянской литературой и основанное отчасти на этомъ незнаніи враждебное настроеніе ко всему армянскому“... (Стр. 563, тамъ же).

„И въ ученой армянской средѣ, лучшей показательницѣ степени развитія національнаго самосознанія, какъ и въ армянской интеллигенціи, господствуетъ не только терпимость, но и охотное вниманіе къ грузинскому вліянію въ древне-армянской жизни. Между про-

*) Читателямъ, быть можетъ, неизвѣстно, что возникновеніемъ въ Европѣ чисто научнаго интереса къ грузинскимъ историческимъ памятникамъ и появленіемъ непревзойденнаго до сихъ поръ труженика-грузиновѣда M. Brosset грузины отчасти обязаны свѣдѣніямъ армянскихъ источниковъ по грузинской исторіи. Вотъ что говоритъ по этому поводу Д. Бакрадзе: „Когда въ 1822 г. въ Парижѣ было основано Азіатское Общество, одинъ изъ его членовъ, прославленный С. Мартенъ убѣдилъ названное общество, что Грузія не такъ бѣдна историческими памятниками, какъ это думаютъ, и что обнародованіе ихъ прольетъ свѣтъ на минувшую жизнь Востока. Эту мысль С. Мартенъ основывалъ на отрывочныхъ данныхъ европейской науки и особенно на свѣдѣніяхъ армянскихъ памятниковъ, которые имъ въ совершенствѣ были изучены“.

чимъ, не грузинъ, армянскій ученый I. Дашянъ выяснилъ посильно, какую важную роль сыгралъ въ армянской литературѣ грузинскій текстъ одного философскаго трактата греческаго писателя Прокла, имѣвшаго въ средніе вѣка огромное значеніе“... (Стр. 569 тамъ же).

Лучшимъ доказательствомъ справедливости этихъ мыслей пр. Марра можетъ служить вся брошюра кн. Чавчавадзе объ армянскихъ ученыхъ. Дѣйствительно, ни одинъ армянскій писатель, даже—самый фанатическій поклонникъ своего народа,—не позволитъ себѣ высказать о грузинахъ сотой доли того, что съ такою злобою написано кн. Чавчавадзе объ армянахъ, не позволитъ прежде всего изъ уваженія къ своему достоинству, изъ уваженія къ многовѣковымъ братскимъ отношеніямъ, объединявшимъ не разъ армянъ и грузинъ, во имя борьбы съ общими врагами высшихъ интересовъ человѣчности, изъ уваженія къ тому народу, съ которымъ армяне сталкиваются на каждомъ шагу... Такъ какъ же намъ повѣрить кн. Чавчавадзе, что именно армяне посѣяли тотъ жгучій разладъ, который вооружилъ грузинъ и армянъ другъ противъ друга, нарушивъ добрыя отношенія, бывшія между ними пятьдесятъ-шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ? Какъ же намъ повѣрить, что ненависть изъ за грузинства или армянства возникла среди насъ и единство пошатнулось по винѣ только „армянскихъ книжниковъ“ (стр. 122), когда во всей армянской литературѣ нельзя найти хотя бы одной страницы въ духѣ той ядовитой національной травли, которымъ проникнута вся разсмотрѣнная нами брошюра кн. Чавчавадзе?!..

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ВВЕДЕНІЕ 2

ГЛАВА 1. Взглядъ пр. Сенковскаго на историческую Грузію 5

„ 2. пр. Эминъ, А. Худабашевъ и А. Эрицевъ

„ 3. Артвинскій храмъ. Снимки клинообразныхъ надписей, сдѣланные о. Месропомъ Сумботянцемъ. Захватъ армянами территоріи урартійцевъ 46

„ 4. Профессоръ Паткановъ и его критика грузинскихъ лѣтописей 73

„ 5. Мнѣніе В. Ланглуа о грузинскихъ лѣтописяхъ. Отзывъ проф. Марра о проф. Паткановѣ 110

„ 6 Проф. Н. Я. Марръ и его отношеніе къ грузинской культурѣ и отзывъ о „Барсовой Кожѣ“. 120

„ 7. Французскій корреспондентъ Кутули о грузинскомъ народѣ 136

„ 8. С. I. Кишмишевъ о послѣднихъ годахъ Грузинскаго царства 152

„ 9. Урартійцы. В. Гольмстремъ объ армянскомъ народѣ 161

„ 10. О родствѣ урартійцевъ съ грузинами и о происхожденіи армянъ. Изслѣдованіе Ленормана и Никольскаго. 179

„ 11. Г. А. Эзовъ о грузинскомъ народѣ. . . . 193

„ 12. Заключеніе 219

ГЛАВНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ.

Стр.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Должно быть.*
12	8 »	въ концѣ статьи	такъ и въ концѣ статьи
14	6 „	Ничего не бывало отъ	ничего не бывало. Отъ
18	17 сверху	Даніи	Дакіи
20	11 „	отъ этой Иберія	отъ этого Иберія
21	15 снизу	и имѣла	и имена
25	6 сверху	скорѣе	старѣе
27	1 „	насколько достовѣрно	нѣсколько достовѣрная
29	13 „	онъ вызвалъ	тѣ вызвали
21	14 „	а сдали	и сдали
30	4—5 „	обстоятельство	обстоятельно
53	4 „	mojarem	majorem
85	15 „	анналовъ (Картлисъ Цховреба)	Анналовъ
87	7—8 „	которую	которою
—	9 „	за ними	лишь
105	6 „	приведена	видно
126	11 снизу	пекарь	пахарь
128	6—7 сверху	„преступные взгляды“	преступные взгляды
130	12 снизу	Во второмъ трудѣ своемъ, озаглавленномъ	Во второмъ трудѣ, озаглавленномъ
134	11 сверху	формъ	формами
156	13 „	Уже	Ужъ
—	16 „	уже	ужъ
168	13-14 сверху	отказывать	отказываться
173	1 снизу	подсказывать	подсказать
—	2 сверху	исключительныя	исключительно
186	7 снизу	Matiens'овъ	Matien'овъ
193	8 „	308	388
199	5 снизу	покровительствомъ	покровительство
203	7 „	остальное и	остальной
—	14 „	հավաքեաց	հաւաքեաց
—	15 „	խոէմութեամբն	խոհեմութեամբն
204	15 сверху	выполнялъ	выполнилъ
205	9 снизу	началомъ	ногами
208	11 „	стояли-оставляли	стоятъ или проходятъ — оставляютъ.